В следующем номере «Юность» начинает публикацию новой книги Тура Хейердала «Экспедиция «Тигрис».

«Тигрис» на подступах к острову Сокотра.

В рубке камышовой ладьи Норман БЕЙКЕР, ЭЙЧ-ПИ, Юрий СЕНКЕВИЧ.

ISSN № 0132-2036

Индекс
71120
Цена 50 коп.

— То есть?

Она лишь махнула рукой: что, мол, на вас понапрасну тратить время, все равно не поймете! И отошла. Угнетенная Мальцева пожалела меня:

— Вам опять достанется от Зои Николаевны.

Моего сочувствия как не бывало. Я воскликнула:

— А вы заступитесь за меня! Почему вы все только вздыхаете? Что вы за пришибленные такие! Считаете себя многоопытными людьми, а ходите как в потемках!

Мальцева болезненно поморщилась. Опять у нее, наверно, заныл желудок...

Комиссия задержалась у нас до обеда, отведала кулинарную вкуснятину тети Поли и отбыла, всем, кажется, довольная. Во всяком случае, Котова была в отличном настроении.

— Ленок,— сказала она мне, широко улыбаясь,— какая же ты все-таки вредная! Зачем на меня пожаловалась?

Мы были одни в игровой комнате, где я прибирала. Ребятня укладывалась спать.

— А зачем вы вынесли Инне Семеновне выговор? Несправедливо. Она больной человек, вы знаете.

— Я погорячилась, Ленок. Этот приказ я отменю. А новый придется издать. Хоть и жалко тебя, да сколько можно терпеть? У нас тут, Ленок, не богадельня. Опять ты сегодня опоздала. А прошлый прогул помнишь? Для начала получишь выговор, а дальше видно будет.— Она похлопала меня по плечу и вышла из комнаты.

О том, чтобы отпроситься в аэропорт, не могло быть и речи. А когда я позвонила Марии Афанасьевне домой, она уже не ответила.

Вечером я опять нашла в почтовом ящике извещение на перевод. Сердце радостно екнуло, когда увидела сумму: семьдесят рублей. Но тут же я подумала: это уж слишком! Одно дело помощь, а Вадька, кажется, взялся содержать меня. Надо накатать ему отповедь, пресечь такую неумеренную щедрость.

С этой мыслью я поспешила на почту, чтобы успеть до закрытия. Около переводного отдела пришлось выстоять небольшую очередь. Какой-то мужчина передо мной, не моргнув глазом, получил и, не считая, сунул в карман восемьсот рублей. Бывают же такие деньги! Интересно, что с ними делают?

С каким-то стыдом я протянула свое извещение.

Старая женщина за конторкой с хмурым видом его приняла и, перебрав стопку переводов, вытащила из нее мой.

— Откуда? От кого?

Я сразу ответила, что от Соломина из Хатанги.

— Неправильно! — И нетерпеливо добавила: — Вспоминайте быстрей, люди ждут!

Я почувствовала, что краснею. Лихорадочно соображала. Вспомнила слова Соньки: «Почему ты не сообщишь ему, что у тебя будет ребенок?» Вспомнила об исчезнувшем конверте и с трудом назвала фамилию Максима.

Женщина выкинула переводной бланк на конторку. На отрывном корешке приписка. «Белка! — было выведено мелким четким почерком.— Почему ты мне ничего не сообщила об э т о м? Узнал от твоей подруги. Я не миллионер, но, конечно, буду помогать по мере сил. Жизнь пустая. Я снова один. Максим».

— Чего ждете? Заполняйте!

— Сейчас...— Я торопливо проставила сумму прописью, дату и расписалась. Женщина отсчитала семь десятирублевок. Я спросила каким-то не своим, хриплым голосом: — Сколько стоит перевод этой суммы?

— Почтой?

— Нет, телеграфом.

— Три сорок.

— Подождите, не выдавайте.

Стопка бланков лежала на конторке. Я взяла один и принялась быстро писать: Ташкент, улица... Адрес я помнила, только индекс забыла, но дойдет и без индекса. Кажется, все. Нет, еще приписка: «Не смей ничего присылать мне». Без подписи.

— Вот, возьмите.

Я видела: она прочитала не только адрес, но и в приписку заглянула. Вздохнула:

— О, господи! — И, подложив копирку, накорябала квитанцию.— Три сорок...

— Вот три сорок...

Я заплатила, отошла и присела на скамейку в вестибюле.

— Что с вами? — участливый голос газетной киоскерши.

— Ничего... сейчас пройдет...

Я тащилась по улице и думала: «Сонька — свинья! Это подлость с ее стороны, а не участие. А этот... этот Максим! Неужели он еще на что-то надеется, несчастный, пропащий, мертвый человек?.. А на что надеюсь я? Работа под угрозой. Через неделю, а то и раньше вернутся хозяева дома. В мае родится ребенок, и моя жизнь станет совсем иной. Что же делать? Как мне быть?»

Дома я засела за письмо брату. Вот оно, это письмо, так и не отосланное...

«Здравствуй, Вадька! Как ты там? Не занесло тебя снегом? У меня все в порядке. По-прежнему работаю в детсадике. Вокруг милые и добрые, все понимающие люди. Здоровье у меня хорошее. Ребеночек растет не по дням, а по часам. Была в гостях дома — там тоже все в порядке.

Спасибо тебе за деньги, но больше присылать не надо. Я прекрасно зарабатываю и ни в чем не нуждаюсь, честное слово. Погода у нас...

Ох, Вадька, какую ерунду я пишу! При чем тут погода? Сам знаешь, времена года неизменны, но мы-то меняемся с каждым днем, так ведь? Школьная «я» — это такая далекая, странная особа! Нынешняя «я» смотрит на нее с легкой грустью и недоумением. А будущая «я» — смутное отражение в затуманенном зеркале. Не разглядишь, какая...

Ты понимаешь, о чем я говорю? Я хочу сказать, что о вчерашнем дне можно сожалеть или вспоминать его с радостью. Сегодняшний можно терпеливо прожить, так? Но самое тревожное — наше завтра, ты согласен?

Я не боюсь, нет, не подумай. Мне кажется, после школы я прожила целую жизнь. И одно сумела понять ясно: самое страшное — это потерять самого себя. Стоит отдаться на волю волн — и тебя уже нет. Стоит сделать себе поблажку, малюсенькую уступку своей совести и достоинству — и ты уже не личность, а просто живая особь. Понимаешь?

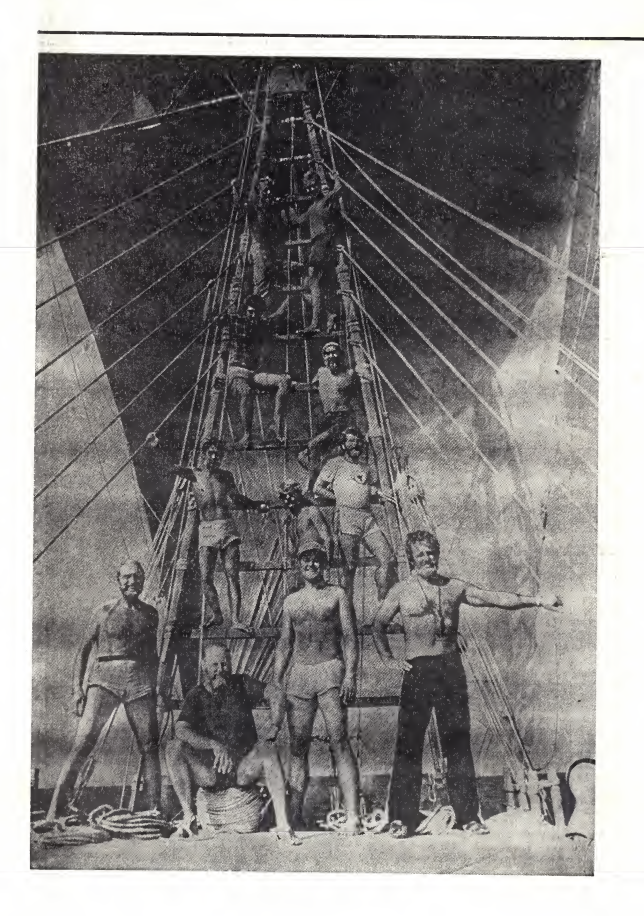
Вот я и думаю, Вадька: выдержу ли я? Смогу ли идти дальше, вскинув голову, держа на руках своего ребенка, как пылающий вызов всем недругам жизни, как несокрушимую свою надежду? Если б знать!..

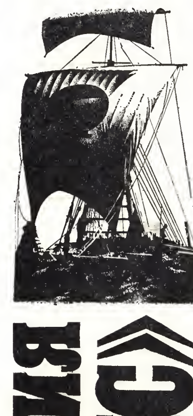
А погода у нас теплая и ясная.

Целую.

Лена».

г. Южно-Сахалинск.

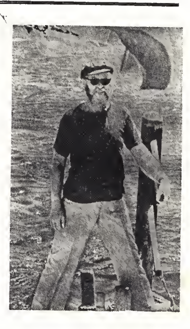

ЭКСПЕДИЦИЯ «ТИГРИС»

ТУР ХЕЙЕРДАЛ

Впервые в Советском Союзе Тур Хейердал выступил в журнале «Юность» в 1955 году. В №№ 2—5 было напечатано «Путешествие на «Кон-Тики» в переводе с норвежского Льва Жданова, который этим произведением дебютировал как переводчик. В 1958 году в №№ 1—3 была опубликована новая книга Тура Хейердала «Аку-аку — Тайна острова Пасхи». В 1971 году в №№ 2, 4—6 — главы из книги «Экспедиция «Ра». В 1975 году в № 6 — отрывки из книги «Фатухива». Все в переводе того же Льва Жданова.

ОТ АВТОРА

Рад возможности передать самые лучшие пожелания редакции и читателям «Юности». Уже двадцать пять лет, со дня основания журнала, меня связывает с ним приятное сотрудничество.

Пусть в мире царит такая же дружба и такое же взаимопонимание, какие царили среди интернационального экипажа «Тигриса». Как ученый и как путешественник знаю, что люди во всех странах едины, и всем нам должно протянуть друг другу руку для совместной борьбы во имя будущего планеты без войн, без голода и лишений.

Thor Heyerdahl

Начало. Начало всех начал...

Это отсюда все пошло.

Здесь начиналась письменная история. Здесь родилась мифология. Здесь помещались истоки трех из числа самых могучих религий в истории человечества. Около двух миллиардов христиан, иудеев и мусульман во всех концах света узнают из своих священных книг, что именно это место выбрал их бог, чтобы даровать жизнь человечеству.

Две большие неторопливые реки сливаются здесь воедино, и место их встречи обозначено на всех картах мира. На вид, однако, знаменитое слияние Евфрата и Тигра ничем не примечательно. Безмолвны, как сами реки, узкие шеренги финиковых пальм вдоль берегов. Солнце и луна хранят свои секреты, исправно навещая древний пустынный ландшафт и озаряя бликами дня и ночи тихие струи. Изредка проплывает лодка с людьми, забрасывающими рыболовные сети.

Здесь, полагает большинство человечества, находилась колыбель гомо сапиенс, находился утерянный рай.

Миновав последнюю зеленую полоску суши, разделяющую их, Евфрат и Тигр приветствуют друг друга плавными завихрениями и, соединясь, образуют великую реку Шатт-эль-Араб, которая тут же пропадает из виду за изгибом берега в пальмовой оторочке. На самом мысу, между двумя потоками, некогда была построена, а потом почти заброшена маленькая гостиница. Три номера для постояльцев, широкий холл и еще более широкая терраса с видом на восход за

Полностью книга выходит в издательстве «Физкультура и спорт».

рекой Тигр — вот и все здание. Но какое впечатляющее название начертано большими буквами над входом: ГОСТИНИЦА «САДЫ ЭДЕМА».

Впрочем, столь импозантное имя как будто оправдано, если принимать за истину то, что написано на висящей неподалеку доске. В нескольких десятках шагов от гостиницы, за лужайкой, достаточно широкой, чтобы на ней можно было строить небольшое судно, над рекой Тигр склонились два-три неказистые зеленые деревца. На земле между ними лежит толстая колода — остаток упавшего дерева неизвестной породы. Тут же горящие свечи. Незатейливое святилище обнесено оградой. Иногда сюда приходят посидеть и предаться раздумьям старики из близлежащего городка Эль-Курны. Доска с текстом на английском языке, а также каменная плита с арабской вязью извещают редких прохожих, что здесь обитали Адам и Ева.

Разумеется, на давно истлевших ветвях старого дерева не висят никакие яблоки... Тем не менее место встречи двух рек и весь этот край заслуживают почтительного раздумья. Здесь завязывалось что-то важное для вас, для меня, для большинства людей земного шара.

Внеся свои вещи в гостиницу «Сады Эдема», я вышел на террасу посмотреть, как по воде расходятся бесшумные круги — след охотящейся рыбы. В это время солнце за моей спиной, уйдя за горизонт, растянуло в небе красный занавес, и подкрашенное кровью зеркало реки Тигр отразило черные силуэты финиковых пальм на другом берегу.

Сказочная атмосфера... А как же иначе! Ведь я прибыл на родину «Тысячи и одной ночи», «Волшебной лампы Аладдина», ковров-самолетов и Синдбада-Морехода. На этих берегах жили Али-Баба и сорок разбойников. Ниже по течению эти струи омывают остров Синдбад, названный в честь величайшего сочинителя морских небылиц, героя арабских сказок. А начинается Тигр на склонах подпирающих небо гор Араратских, к которым, по иудейским преданиям, пристал со своим ковчегом знаменитейший судостроитель всех времен — Ной. Недалеко от берегов Тигра скромные дощечки поныне указывают путь к освященным веками городам-призракам, вроде Вавилона и Ниневии, чьи библейские стены упорно тянутся к небесам, стряхивая с себя пыль и кирпичную крошку. Реактивные лайнеры скользят над вечным городом Багдадом, где современные краны и здания завладели пространством меж минаретов и золотых куполов.

Люди разных племен и постройки разных эпох естественно сочетаются в арабской республике, расположенной между Западом и Востоком и известной нам ныне под названием Ирака. Месопотамия — Страна между реками — так выразительно наименовали завоеватели-греки этот край, но еще до того он сменил много имен, которые древний мир произносил с трепетом, благоговением и восхищением. Наиболее известные среди них — Шумер, затем Вавилония и Ассирия. Со времен пророка Мухаммеда здесь пролегают восточные рубежи арабского мира.

Где некогда зеленели тучные пастбища и орошаемые нивы, через бесплодную пустыню протянулись нефтепроводы с горючим, позволяющим исполнить любое желание не хуже лампы Аладдина. Над оскудевшей землей символами чередующихся цивилизаций возвышаются храмовые пирамиды, минареты и нефтяные вышки. Неподалеку от старого русла Евфрата, южнее Багдада, на полпути от столицы до «Садов Эдема» дорога минует огромную бесформенную груду битого кирпича. Установленный на этой груде указатель вызывает в памяти классическую легенду о первой попытке человека строить выше, чем ему предначертано. Указатель гласит: ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ.

Дорога устремляется дальше в сторону полуденного солнца. Через безбрежную, бесплодную равнину с такими колоритными арабскими городишками, что кажется: вон там Синдбад сидит на приступке, а вон там среди люда на рыночной площади толкается Али-Баба,— из былых владений могущественной Вавилонии вы попадаете в Приморье, откуда все пошло, попадаете в Южный Ирак, известный в древности как Шумер.

Ровная, голая пустыня доходит до самого залива. Лишь в зоне паводка, где сливаются неторопливо два потока, простерлись обширные зеленые болота, кишащие рыбой и птицей. Здесь, среди зарослей камыша и тростника, с незапамятных времен сохранилась совершенно уникальная община. Наверное, в жилах болотных жителей больше шумерской крови, чем у любого другого арабского племени. И кажется, что реки, берущие начало в горах Араратских, пройдя долгий путь через опаленные солнцем пределы бывшей Месопотамии, изливают через край свою радость от встречи с не покоренными временем болотными арабами. Словно изо всех потомков Ноя только эти люди были наделены даром вечной жизни, меж тем как одно за другим рушились кругом сменяющие друг друга могущественные государства.

Пустыня, осаждающая со всех сторон весеннюю зелень болот, поглотила древний народ шумеров. Мерцающие волны сухого песка захлестнули воздвигнутые в честь забытых ныне богов огромные храмовые пирамиды, погребли заброшенные города, правители которых обратились в прах. Некогда благодатная земля ныне стала миром безмолвия.

Перед вами кладбище целой цивилизации, древнейшего предка нашей собственной культуры. Если вам дороги наши истоки, вы не пройдете безучастно мимо того, что открыли под здешними песками детективы от археологии. Ибо в этом сокровенном мире смерти и праха слово человеческое продолжает призрачную жизнь, готовое вновь заговорить, как только его исторгнут из хватки песков. Среди раскопанных дворцов и жилищ ученые обнаружили подлинные библиотеки, десятки тысяч глиняных плиток с выдавленными на них знаками древнейшей известной нам письменности. Первоначальное шумерское письмо было идеографическим, но идеограммы вскоре уступили место более простым для начертания клиновидным знакам.

В гробницах и храмах археологи находили также изумительнейшие изделия из золота и серебра, выполненные с таким вкусом и свидетельствующие о таком высоком уровне цивилизации, что в наши дни есть простодушные люди, допускающие, будто исчезнувшие творцы этих предметов были пришельцами из космоса. Научные отчеты археологов крайне редко доходят до широких читательских кругов, зато двери издательств и телевидения были широко открыты для тех, кто шел туда со своими сочинениями насчет гостей из космоса, которые будто бы строили пирамиды и насаждали цивилизацию среди варварских аборигенов нашей планеты. Фантастические истории такого рода распространяются по всем странам с молниеносной скоростью, и это в наш век, когда земляне уже высаживались на Луне. Они призваны утолить растущую жажду современного человека познать неизвестное: кто мы, от кого происходим, с чего все началось? Ученые бессильны противостоять глобальной лавине инопланетных решений этих общечеловеческих вопросов. Их серьезные и убедительные научные возражения не доходят до ушей широкой публики. От-

того и продолжают свое шествие развлекательные гипотезы о космических кораблях.

Что могли бы поведать нам первые шумеры, сумей мы воскресить их из мертвых? Ведь это они, если верить сочинителям, встречали цивилизованных пришельцев, а то и сами произошли от инопланетян.

Да только нет необходимости воскрешать шумеров, чтобы выслушать их свидетельские показания. Они не были лишены дара речи. До нас дошли их письменные свидетельства. Глиняные плитки запечатлели рассказ о том, откуда и как они появились. Корабли были, но не космические, а морские. Они пришли в залив под парусами, и древнейшие произведения шумерского искусства показывают нам, как выглядели суда, доставившие этих людей к берегам страны в Междуречье, где они основали цивилизацию, влияние которой в последующие тысячелетия так или иначе сказалось во всех уголках нашей планеты. Правда, письменные показания шумеров как будто заменяют одну загадку другой. Что это за страна Дильмун на востоке, откуда прибыли, по их словам, шумерские мореплаватели?

В поисках недостающего фрагмента огромной головоломки я вновь и вновь приезжал в Ирак, чтобы воочию ознакомиться с подлинными древними свидетельствами и почерпнуть практической мудрости у нынешних обитателей болотного края. Суть головоломки заключается в том, что начало истории неизвестно. На нынешнем уровне наших знаний все начинается с того, что откуда-то приплыли мореходы, представители развитой цивилизации. Но какое же это начало! Это продолжение — продолжение чего-то, теряющегося во мгле. Может быть, начало все еще таится под слоем песка, как таилась шумерская цивилизация, которая оставалась неведомой для науки, пока ее не открыли в прошлом веке при раскопках в Южном Ираке? Или оно было погребено вулканическим извержением, как это случилось с великой средиземноморской цивилизацией на острове Санторин, о которой ничего не подозревали, пока не наткнулись на нее под пятнадцатиметровым пластом пепла? А может быть, ее поглотили покрывающие две трети нашей беспокойной планеты воды океана, как говорится в столь живучей легенде об Атлантиде?

Если верить шумерам (а кому, как не им, знать об этом), их купцы-мореплаватели не раз возвращались в Дильмун. Выходит, в то время их родина не была погребена вулканическим пеплом и не ушла под воду. И находилась она в пределах досягаемости для шумерских судов, выходивших из шумерских портов. Один из недостающих фрагментов великой головоломки как раз в том и заключается, что никто не знает, как далеко могли ходить шумерские суда.

Тот, кто занимается практическим исследованием древнейших судов, идет по непроторенным путям. Непроторенные пути приводили меня на уединенные острова Полинезии, к озерам в Андах и Центральной Африке, к берегам и рекам разных континентов. Наконец они привели меня на территорию бывшего Шумера, где в наши дни обитают болотные арабы. Здесь начались мои поиски истоков человеческой истории до известной нам точки отсчета. И здесь же началось путешествие, которое увело меня и моих товарищей далеко от дней и маршрутов действительных космонавтов. Мы возвратились в те давние дни и ночи, когда наша планета была неизмеримо больше. Когда она была так велика, что за горизонтом в любой стороне таились неизвестные, неожиданные, непривычные миры. Миры с немыслимыми растениями и животными. Люди, постройки, обычаи, настолько отличные от всего известного, будто они возникли и развились на другой планете, под другим солнцем. В прошлом такие миры существовали бок о бок, разделенные барьерами глухих дебрей, но связанные вольными просторами морей. Морские пути между ними были освоены до того, как будущие шумеры поселились в Шумере. Глиняные плитки повествуют о ходивших в заморские страны царях и купцах, перечисляют длинный ряд товаров, которые ввозились или вывозились в иноземные порты. Сохранились рассказы о кораблекрушениях и других бедствиях на море.

В третий раз выхожу я в океан на камышовом судне, но впервые плавание было задумано не как пассивный дрейф по воле стихий. На этот раз мы не могли рассчитывать на то, что некий морской конвейер автоматически доставит нас к месту назначения. Тем не менее опыт плаваний на папирусной ладье египетского типа был для нас большим подспорьем. Судя по всему древнейшие конструкции шумеров и египтян восходили к общим образцам. Недаром ученые заметили, что старейшая идеограмма для понятия «корабль» в Шумере совпадает со знаком египетских иероглифов, обозначающих понятие «морской». Она изображает серповидное камышовое судно с поперечными найтовами, причем камыш топорщится пучками на носу и на корме. Может быть, первые писцы в обеих странах восприняли элементы некогда общей письменности? Или — еще проще — оба народа унаследовали один и тот же тип камышового судна?

Художники эпохи фараонов изобразили папирусные ладьи Древнего Египта настолько подробно, что я смог полностью воспроизвести всю конструкцию, включая такелаж и рулевое устройство, когда строил «Ра I» и «Ра II» для испытания в открытом океане. На месопотамских изображениях таких деталей нет, хотя на хранящейся в Британском музее каменной стеле из царского дворца в Ниневии показана рельефом реалистическая картина боя между ассирийцами и вавилонянами на камышовых судах. И суда были достаточно большие: двойные ряды ассирийских воинов, ворвавшись на палубу, расправляются с противником, выбрасывая мужчин и женщин за борт к рыбам и крабам. Ниневийские рельефы убедительно свидетельствуют, что камышовые суда Двуречья строились так же, как папирусные на Ниле.

Преобладающий мотив миниатюрных изображений на цилиндрических печатях Месопотамии — камышовые суда, на которых плавали легендарные герои, освоители новых земель. Эти суда во всем основном тождественны тем, что изображены более подробно в искусстве Ниневии и Египта.

Правда, есть одно существенное отличие. Египетские строители пользовались папирусом. В прошлом папирус рос в изобилии на берегах Нила от истоков до самой дельты. У шумеров не было папируса. Вместо этого болота Месопотамии поставляли им стебли высокого пресноводного камыша, который здесь называют б е р д и.

После двух экспериментов с ладьями египетского типа в 1969 и 1970 годах я убедился, что правильно построенное папирусное судно могло пересечь океан. Ладья «Ра I», связанная мастерами из центральноафриканского племени будума, проплыла почти через всю Атлантику, когда начали рваться найтовы. Год спустя на связанной южноамериканскими индейцами племени аймара ладье «Ра II» мы прошли до конца путь от Африки до Америки. Но б е р д и заметно отличается от папируса как по внешнему виду, так и по структуре. И что главное, наука утверждала, будто бы б е р д и жадно впиты-

вает воду. Правда, в наше время только один ученый — финн Армас Салонен серьезно занимался судами Древней Месопотамии. В его скрупулезном исследовании разных судов Двуречья почти ничего не сказано про з л е п у р б а т и — камышовые ладьи, есть только ссылка на господствующее убеждение, что они быстро пропитывались водой «и после употребления их, несомненно, приходилось вытаскивать на берег для просушки».

То же самое говорят и остальные, весьма немногочисленные источники по этому предмету. Стало быть, шумерские камышовые суда могли ходить только по рекам.

Но как согласовать современный вердикт с древними текстами и изображениями? Именно этот вопрос и привел меня в гостиницу «Сады Эдема». Я приехал на земли Древнего Шумера, чтобы попытаться разрешить теоретическое противоречие практическим экспериментом. Проверить, как долго сохраняет плавучесть ладья из б е р д и, и попробовать пройти описанными на глиняных плитках маршрутами в Дильмун, Макан, Мелухху и другие таинственные и давно забытые страны.

К древу Адама меня привела чистая случайность. Среди болот и на речных берегах я искал надежное и удобное место для строительства и спуска на воду камышовой ладьи. Ближе к Персидскому заливу все пригодные участки были заняты современными городами и промышленными предприятиями; выше по течению — свои препятствия: топи, трясины, финиковые плантации, крутые обрывы И тут представители иракского министерства информации показали мне свободную лужайку возле Адамова древа и любезно предложили разместить членов экспедиции в гостинице «Сады Эдема». В нескольких минутах хода от гостиницы начинались обширные камышовые заросли, и река позволяла чуть ли не от самой террасы спуститься в открытое море. Лучшего решения не могла бы предложить мне даже лампа Аладдина.

Меня настоятельно предупреждали, что Ирак сейчас не самая подходящая страна для такого дела, как экспедиция. Дескать, республика еще бурлит после недавно обретенной независимости от Великобритании. Осуществившие революционный переворот руководители Партии арабского социалистического возрождения не жалуют туристов, однако поощряют развитие науки и промышленности. Два действующих багдадских отеля были переполнены представителями делового мира и инженерами из всех промышленных стран Востока и Запада. Чувствовалось общее стремление вернуть зрелые плоды современной цивилизации на выжженную солнцем землю, где некогда проросли первые семена. Если прежде артериями страны были оросительные каналы, то в нынешнем Ираке эту роль играют нефтепроводы.

Молодая республика и впрямь переживала пору бурного развития, в которой будущему придавалось куда больше значения, чем прошлому. Тем не менее видные ученые при Национальном музее в Багдаде великолепно понимали, что основательное знание прошлого помогает лучше планировать будущее. Может ли человек судить, куда он идет, не видя своих следов и не зная, откуда пришел? Нет ничего абсолютно нового под луной, и если мы не настроены учиться на собственных ошибках, есть смысл почерпнуть урок из ошибок других.

Доктор Фуад Сафар собрал своих сотрудников и коллег в Национальном музее с его прекрасной библиотекой, и вместе мы обсудили мой проект.

Конопатили ли шумеры свои камышовые суда битумом для плавучести и водонепроницаемости? К их услугам были естественные выходы асфальта под Уром и выше по течению Евфрата, и они обмазывали им сосуды и кровли.

На полках музея лежали также покрытые слоем асфальта пятитысячелетние модели камышовых лодок

А может быть, учитывая большой вес асфальта, они конопатили крупные суда акульим жиром, как это в наши дни делают со своими дощатыми лодками многие рыбаки в заливе? На одной древней плитке записан рассказ о знаменитом герое, который, построив большой камышовый корабль, смешал шесть частей дегтя, три части асфальта и три части масла. Может быть эта смесь предназначалась для обмазки корпуса?

Где находилась страна предков Дильмун, куда так часто ходили шумерские купцы-мореплаватели? Большинство ученых полагает, что речь идет об острове Бахрейн, где в ходе недавних раскопок обнаружены настоящие города, храмы и могильники, причем некоторые находки превосходят древностью шумерские. Но Бахреин лежит далеко в Персидском заливе, так, может быть, вернее искать Дильмун на небольшом острове Файлака, расположенном вблизи от шумерских берегов?

После совещания я вышел из музея, обогащенный сведениями, но и порядком озадаченный. Так чем же конопатить свою камышовую ладью? И конопатить ли вообще? Неделями штудируя музейные экспонаты и многочисленные тома с переводом клинописных текстов на плитках, я исписал не один блокнот фактами и гипотезами. Одно не вызывало сомнения: древние шумеры были судостроителями и мореплавателями. Их цивилизация базировалась на ввозе меди, леса и другого сырья, и держава в устье двух рек была обязана своим могуществом тому, что такие города, как Ур и Урук, считались крупными портами и центрами оживленнейшей торговли. Но по соседству не было меди или другой основы для доходной торговли, стало быть, шумерские моряки ходили в далекие страны.

Только моделирование могло дать ответ. Я решил осуществить свой замысел, и работники музея сумели убедить ведающее ими министерство, что реконструкция древнего судна — дело вполне целесообразное. После чего мне разрешили заготовить камыш на болотах, беспошлинно ввезти необходимое снаряжение и собрать в Ираке команду из представителей разных наций, причем мы будем считаться гостями страны вплоть до старта экспедиции.

Не теряя времени, я поспешил вернуться в болотный край. Национальный музей выделил мне переводчика.

...Выйдя из гостиницы «Сады Эдема», мы пересекли город Эль-Курна, через который проходит не ведающая отдыха автомагистраль. Какие там верблюды — тут даже велосипеда не увидишь. Огромные фургоны, автоцистерны и военные грузовики катили сплошной чередой вдоль 650-километрового шоссе, соединяющего Багдад с портами на берегу залива. Сразу за шоссе начинаются болота, на много километров простирается совершенно особенный, ни на что не похожий мир. Более пятнадцати тысяч квадратных километров занимает болотный край.

У первого протока нас поджидали два высоких араба в широких халатах; у каждого было в руках по длинному шесту, а один придерживал босой ступней длинную черную лодку. Поприветствовав нас, они знаком предложили нам занять места в их суденышке. Это была обычная м а ш х у ф — длинная стройная плоскодонка стандартного типа, какие строят себе все болотные арабы в наши дни. Раньше лодки вязали из местного камыша, теперь

собирают из привозных досок и покрывают, подобно камышовым прототипам, слоем черного асфальта. Нос и корма загнуты высоко вверх, как у ходивших здесь пять тысяч лет назад шумерских конструкций.

Я сел на подушку, лежащую на дне валкого суденышка. Стройные арабы, стоя в разных концах лодки, принялись ловко работать шестами, плавно и неторопливо отталкиваясь ими от грунта. Вода была мелкая, кристально чистая, я видел водоросли, рыб, на поверхности качались длинные гирлянды «вороньей лапы». Бесшумно удаляясь от зеленой дернины, мы очутились между двумя высокими стенками из тростника и камыша. Окружив нас со всех сторон, водные растения замкнули за лодкой зеленую дверь, и мы покинули шумную, беспокойную планету наших дней — словно отправились в прошлое со скоростью космического корабля. Право же, у меня было такое чувство, будто с каждым толчком шеста в руках молчаливого болотного жителя я углубляюсь в былые времена, и ждет нас там не чреватая опасностями дикость, а культура, столь же далекая от варварства, как наша собственная, но вместе с тем удивительно простая и бесхитростная. Мой переводчик из министерства информации не бывал здесь раньше, и первая встреча с плавучими селениями восхитила его не меньше, чем меня.

Когда я пять лет назад впервые приехал в Ирак, чувствовалось, что багдадским властям не очень по душе мой интерес к этому району. Не потому, что его обитателей считали опасными, просто они не поспевали за современным развитием страны. Соседи несколько пренебрежительно называли болотных арабов *мааданами*, буйволятниками, противопоставляя их верблюжатникам, или, вернее, автомобилистам, ведь верблюды теперь тоже вышли из моды...

Водоемы в краю болот слишком глубоки, чтобы применять колесный транспорт, и слишком мелки для обычных судов. Трясины непроходимы для коней и верблюдов, да любой чужак и пешком тотчас же заблудится в камышовой чаще. Только сами болотные арабы безошибочно ориентируются в лабиринтах мелких протоков среди болотных джунглей, потому им предоставили жить своей жизнью, не гнаться за прогрессом. Однако восторженные рассказы английского исследователя Уилфреда Тесиджера, Гевина Янга и немногих других, включая меня, проникших в дебри болотного края, повлияли на позицию Багдада. В этот раз мне даже охотно разрешили пользоваться кинокамерой и привлечь сколько угодно болотных арабов к строительству камышового судна на лужайке рядом с гостиницей.

Лишь редкие столбики дыма выдавали присутствие людей в царстве болот. Нигде не было видно никаких следов деятельности человека. Пока не подъедешь вплотную к поселению, и не приметишь его. Ни бугорка тебе, ни камня, с которого можно было бы окинуть взглядом местность поверх высоких камышей над пружинистой, как матрац, трясиной. Гусей, уток и прочих водоплавающих всевозможного рода и цвета такое обилие, словно человек еще не изобрел огнестрельного оружия.

Повезет — приметите косматого черного кабана, тяжелыми прыжками прокладывающего себе путь в гуще упругих стеблей. А уже возле самых селений увидите неторопливо бредущего по воде или взбирающегося на дернину огромного буйвола.

Но вот и селение вдруг перед вами. Какое откровение. Какое совершенное согласие с природой! Сводчатые камышовые дома сливаются с окружающей средой, как сливаются птичьи гнезда в камышах. Есть совсем маленькие домики, почти шалаши, однако преобладают просторные постройки. Издали их не видно по той простой причине, что вы приближаетесь к ним вдоль сплошной зеленой завесы. Самые высокие дома хочется сравнить с ангаром: стены и крыша образуют правильный свод, вход в жилище — с открытого торца. Иногда оба торца открыты, и получается подобие туннеля. Здешние строители обходятся совсем без железа и дерева. Каркас из камышовых дуг кроют циновками, привязывая их тростниковым волокном.

Совершенство конструкций и красота линий поразительны: каждое жилище напоминает маленький храм с роскошным золотисто-серым куполом на фоне вечно голубого небосвода пустынь. И в таком же голубом водном зеркале купается их опрокинутое отражение...

Это подлинно шумерская архитектура. В таких домах обитал трудолюбивый народ, даровавший нашим предкам искусство письма. В городах стены выкладывали из долговечного кирпича, но в болотном краю строили камышовые жилища. Мы видим их реалистичные изображения пятитысячелетней давности на камне и на шумерских печатях; и так же точно контуры современных лодок повторяют обводы маленьких жертвенных моделей из серебра или из камыша с асфальтовой обмазкой, которые находят в шумерских храмах археологи. Обе конструкции доказали, что они как нельзя лучше приспособлены к здешней среде и к местным нуждам.

Когда мы выпрыгнули из лодки на сушу, она закачалась у нас под ногами, словно гамак. От неожиданности мой спутник, чтобы не упасть, схватил меня за руку. Несколько шагов к туннелеподобному дому — и опора под ногами стала толще и надежнее. В знак приветствия мужчина средних лет пожал мне руку двумя руками, потом поднес ладонь к сердцу:

— Салам алейкум — мир Вам!

Я возвратился к друзьям... Пять лет назад я познакомился здесь со старым арабом, который запомнился мне особенно. Сейчас меня встретил его сын.

— Друг, как поживаешь? Как твоя семья?

— Слава богу. А ты? Твои дети? Твой отец?

— Отец жив, слава аллаху. Только он теперь в больнице в Басре, ему ведь больше ста лет.

Я огорчился. В каком-то смысле я именно из-за этого старца вернулся в болотный край. В прохладной тени камышового туннеля показался другой старик с длинной седой бородой, и мы, как того требует арабский обычай, дружно продолжали осведомляться о здоровье всех родичей, воздавая хвалу аллаху за его великодушие к нашим домочадцам. Сбросив обувь, мы опустились на чистые ковры и погрузились, опять же по обычаю, в учтивое молчание. Хозяева сидели, поджав ноги, прикрытые полами широких халатов; гостям подложили цветастые подушки, чтобы можно было удобно прислониться к мягкой камышовой стене.

Я с удовольствием обозревал знакомое просторное помещение; дом для гостей принадлежал тому самому столетнему арабу, которого увезли в больницу. Потолок высокий — шестом не достать. Плотная обивка из плетеных циновок покоилась на изогнутых дугой параллельных ребрах — семи камышовых бунтах толще человеческого туловища. Мне вспомнилась библейская притча про Иону во чреве кита; только в этом случае в оба конца открывались широкие пасти с двойным видом на чистейшее лазурное небо, голубую воду, зеленый камыш и несколько бахромчатых финиковых пальм.

Финиковые пальмы — редкость в краю болотных арабов. Большинство селений стоит на искусственных островах из вековых наслоений гниющего камыша

и буйволового навоза. Острова, чаще всего плавучие, на грунт ложатся только в засушливый сезон. Ежегодно сверху настилают свежий камыш взамен истлевших нижних слоев. Чтобы медленно текущие струи не размывали кромку, ее защищают сплошным забором из воткнутых в илистое дно стеблей камыша. Острова с домами то поднимаются, то опускаются вместе с водой, а разделяющие их протоки позволяют осуществлять сообщение внутри поселка на узких лодках — совсем как в Венеции.

Пройдя пешком три-четыре шага, болотный араб, как правило, дальше должен садиться в лодку. Некоторые острова настолько малы, что вместе с жилым строением или с хлевом для буйволов напоминают плавучий дом или Ноев ковчег, окаймленный узенькой пешеходной дорожкой. Обитающие на озерах в сердце болотного края семьи со всеми своими утками, курами, буйволами и лодками качаются вверх-вниз на пружинистых камышовых коврах, и по утрам, когда открываются плетеные калитки сводчатых камышовых хлевов, буйволы погружаются в воду и плывут, разгоняя уток, к своим пастбищам.

Наш хозяин, закутанный в халат, помешал угли маленького костра на глиняном пятачке посреди пола. Из изящного чайника по маленьким стаканам в серебристых подстаканниках разлили чай, и наших ноздрей коснулся ароматный пар. Один за другим тихо входили еще арабы в длинных одеяниях, оставляющих открытыми только румяные лица, приветствовали нас и рассаживались в тени у камышовых колонн.

— Б е р д и полагается срезать в августе.

Старик нарушил молчание словами, которые мне снова и снова повторяли в краю болотных арабов.

— Почему? — чуть не в сотый раз спросил я, хотя давно уже знал ответ.

Камыш, заготовленный в любом другом месяце, впитывает воду и теряет плавучесть. Только августовский б е р д и долго держится на воде. Кто говорил — год, кто — два, три, даже четыре года. Но почему все-таки именно августовский? А кто его знает, отвечали мне чаще всего, так уж заведено.

— В августе внутри стебля есть что-то такое, что не пускает воду,— продолжал старик.— Вот тогда и полагается заготавливать камыш; потом мы сушим его две-три недели, прежде чем пускать в дело.

Впервые мне сказали об этом на берегу Шатт-эль-Араба, в селении Гурмат-Али, расположенном между краем болот и Персидским заливом. Приехав в Ирак после двух экспериментов с папирусным судном египетского типа, я тогда был поражен зрелищем полудюжины огромных камышовых плотов, причаленных к берегу и напоминающих плавучие пирсы. Один из них я измерил: тридцать четыре метра в длину, пять в ширину и три в толщину. Его осадка составляла около метра. Болотный араб по имени Матуг, обитавший в тростниковом шалаше на этом плоту, угостил меня чаем. На мой вопрос, давно ли он живет на плоту, Матуг ответил, что поселился на этом г а р е всего два месяца назад. Один месяц ушел на то, чтобы сплавить его сюда из Суэба в болотном краю. И насколько же возросла осадка за все это время? Нисколько не возросла. Матуг заготовил камыш в августе. Сюда он приплыл, чтобы продать свой г а р е маленькой фабрике, которая прессует из камыша изолирующие плиты для современных домов.

Два месяца! Наша папирусная «Ра» уже через месяц пропиталась водой настолько, что палуба оказалась вровень с морем и волны захлестывали лежащий на ней груз. Матуг добавил, что в прошлом году он девять месяцев просидел на г а р е, пока фабрика смогла принять его товар.

Мысль о непотопляемых г а р е не давала мне покоя. Папирус для «Ра I» и «Ра II» срезали в декабре с таким расчетом, чтобы ладьи были готовы к отплытию весной. Почему же опытные лодочные мастера из племени б у д у м а на озере Чад не сказали мне, что мы неправильно выбрали время для заготовки строительного материала? И почему эфиопские монахи, которые заготавливали для меня папирус на озере Тана, уверяли, что месяц не играет никакой роли? Очень просто: африканские лодки на Чаде и Тане просто не успевали намокнуть, они находились в воде от силы день-другой, после чего их вытаскивали на берег, тогда как иракские болотные арабы всю жизнь проводили на островах из камыша.

Словом, в первый же мой приезд в Ирак я тотчас понял, что у болотных арабов можно почерпнуть знания, которых не даст мне никакой факультет и никакая ученая книга. На полицейской машине я добрался до Эль-Курны, где встречаются Тигр и Евфрат; здесь по разбитому проселку местный шериф довез меня до переправы, за которой находится крупное селение Мадина, построенное на отложенном Евфратом прочном песчаном грунте в глубине болотного края, в двадцати пяти километрах от шоссе. Шейх Мадины пригласил меня к себе и угостил незабываемым завтраком. Кофе, чай, молоко, йогурт, яйца, телятина, цыплята, рыба, инжир, финики, арабские лепешки, белый хлеб, печенья, компоты... С великим трудом добрел я до берега и втиснулся в узкую м а ш х у ф, которая должна была повезти меня еще дальше, в Умм-эль-Шуэх. Достойные жители Мадины были рады поделиться со мной всем, чем они располагали, однако у них не было самого главного, зачем я приехал: сведений о камышовых судах. Все они были знакомы с г а р е, какие я сам видел ниже по течению, но ведь г а р е — всего-навсего уложенные накрест снопы б е р д и для доставки на фабрику. Что до лодок, то они знали только разновидности деревянной м а ш х у ф: т а р а д а, м а т а у р и з а и м а, которые обмазывают асфальтом, а также более широкую б а л я м, предназначенную для перевозки камыша и циновок. Камышовые суда остались в прошлом, и только самые древние старцы могли мне что-то поведать о них.

Вот шейх Мадины и посоветовал мне отправиться в Умм-эль-Шуэх к старейшему из местных жителей (ему уже перевалило за сто лет) — вождю Хаги Суэлему.

Я не очень-то надеялся на память человека столь преклонного возраста, и картина, увиденная мной, когда расступился камышовый занавес и лодка бесшумно пристала к плавучему острову, не прибавила мне оптимизма. Отражаясь вверх ногами в водном зеркале, у входа в свой камышовый ангар сидел облаченный в белый халат седобородый старец, этакое воплощение Мафусаила. Но вот он поднялся, приветствуя гостя, устремил на меня живые дружелюбные глаза, и сразу стал высоким и сильным. Соплеменники, которые один за другим входили в его дом и рассаживались вдоль стен, с явным почтением смотрели на старого Хаги, вместе со мной внимательно и одобрительно слушая его исполненные юмора мудрые речи. Вскоре у тлеющего очага появился поднос с чайным прибором; тут же легла поставленная на ребро, распластанная наподобие огромной бабочки рыбина. Белая и сочная под хрустящей корочкой, да еще завернутая в свежую, с пылу, с жару лепешку, рыба оказалась такой вкусной, что я уплетал за обе щеки, словно и не было завтрака у шейха. Хозяин заботливо следил за тем, чтобы мой сосед отбирал самые лакомые кусочки и потчевал меня ими, словно какого-

нибудь царственного отпрыска. Согласно обычаю, до и после еды служитель подавал каждому полотенце и мыло и сливал на руки горячую воду над тазиком.

Хаги извинился за скромную трапезу (как будто не видел, с каким аппетитом я ел!) и обещал приготовить настоящее угощение, если я приеду снова. Конечно, приеду! Мне доводилось жить среди так называемых примитивных народов Полинезии, Америки и Африки, но болотных арабов нельзя было даже условно назвать примитивными. Цивилизованные люди, только их цивилизация отлична от нашей. Они обходятся без кнопочного сервиса, к пище и к радостям жизни идут кратчайшим путем. Их культура доказала свою добротность и жизнеспособность, продолжая существовать, меж тем как рушились, пройдя полосу развития и расцвета, ассирийская, персидская, греческая и римская цивилизации. Этой многовековой стабильности сопутствует то, чего у нас нет: уважение к предкам и уверенность в будущем. Нам кажется, что наша цивилизация превосходит все остальные; во всяком случае, мы рассчитываем, что так будет завтра, на основе достижений, накопленных многими поколениями. А что же на деле? Мы совершенствуем, строим, изобретаем, но чем больше новых благ, тем больше проблем, и в наши дни они достигают непредвиденных масштабов. Стрессы, молодежная преступность, гонка вооружений, загрязнение воздуха, почвы, воды, истощение ресурсов, инфляция, политический террор, перенаселенность, растущая пропасть между перекормленными и недоедающими. Наиболее развитые страны начинают понимать, что будущим поколениям грозят серьезнейшие неприятности, если все эти проблемы не будут решены в кратчайший срок. Наша цивилизация еще не может служить примером стабильности. Хотя мы напридумали столько благ и вещей, без которых не можем обходиться, что с жалостью смотрим на людей, не воспринявших наш образ жизни, единственно правильный и достойный в наших глазах.

— Мы не бедны,— произнес старик Хаги, словно читая мои мысли.— Наша гордость — вот наше достояние, и ни один из болотных арабов не голодает.

Ему довелось однажды попасть в Багдад — так он не чаял, как поскорее вернуться домой, в благословенный аллахом тихий, надежный болотный край. Город он представлял себе как рассадник алчности, соперничества, зависти и воровства. В болотном краю воровства не знают. Слава аллаху, у каждого есть все необходимое и никто не трясется над своим достоянием. Есть вдоволь корма для буйволов, вдоволь рыбы и дичи; понадобится мука и чай — отвез в Мадину лодку арбузов или камышовых циновок. Здешние женщины,— мудрый старец даже поднял руку,— прекрасны, у него у самого четыре жены. Сидящие вдоль стен одобрительным смехом приветствовали его слова.

Женщины болотного края и впрямь были хороши собой. Вероятно, поэтому им не разрешалось есть вместе с нами, даже подавать нам чай. Закутанные с головы до босых ног в черные одеяния, они скользили, будто тени, среди камышовых перегородок, задавая корм курам или готовя лепешки, которые пекли на внутренних стенках открытых вверху цилиндрических глиняных печей. Профиль такой же изящной чеканки, как у мужчин. Белые зубы, живые глаза блестят, будто звезды,— если успел их приметить, прежде чем робкая смуглянка поспешно отвернулась или накрыла лицо краем платка. Шестом и веслами женщины владели не менее искусно, чем мужчины. Я видел женщин, которые в одиночку управлялись с груженной циновками огромной балям и гнали при этом куда-то стадо плывущих буйволов. Но только маленькие девочки или старухи могли позволить себе вместе с мальчишками и взрослыми мужчинами улыбаться и махать нам, когда наша лодка скользила мимо жилья.

Поражало обилие рыжеволосых, особенно среди самых юных. Мне даже казалось, что рыжих девочек чуть не столько же, сколько черноволосых. Столько рыжих, сколько я увидел в селении Хуваир, старинном центре строительства лодок, мне не встречалось ни в одном европейском городе. Такое обилие не объяснишь чужеродной примесью, тем более что у болотных арабов по-прежнему действует неписаный закон, по которому нецеломудрие и неверность караются смертью. Иноземные солдаты времен британского господства, как мне объяснил Хаги, редко отваживались заходить в болотный край, и уж во всяком случае не для того, чтобы встретиться с арабской женщиной.

Хаги отлично сознавал, что мы, горожане, не выживем без привычных элементов нашей культуры, вроде электричества и автомашин. Однако он сильно сомневался, что его соплеменники станут счастливее, если к ним на болота протянут электрические провода и привезут кирпичи для домов. Счастливые люди улыбаются, говорил он. На улицах Багдада ему не привелось увидеть ни одной улыбки.

— В городе слишком много народу,— объяснил я.— Каждому встречному улыбаться просто невозможно.

Но Хаги ходил по таким улицам, где было мало народу. Там то же самое.

Мне нечего было возразить. Ведь не случайно болотные арабы неизменно выходили, чтобы улыбнуться и помахать нам, когда наша лодка проплывала мимо их жилищ, а ребятишки, весело крича и смеясь, подбегали к самой воде. Здесь стоит тебе чуть улыбнуться, как окружающие отзываются радостным смехом. В городе я не наблюдал такого ни в центре, ни на окраине. Выходит, прав старик Хаги.

Хаги помнил камышовые лодки. В дни его юности были в ходу три разновидности. Две — с полым корпусом, наподобие долбленок или сосудов, обмазанные снаружи и внутри асфальтом. Речь шла о красавице джиллаби и о гуффа; обе эти конструкции я и сам видел выше по течению Евфрата, к северу от Вавилона. Стройная джиллаби напоминает обводами машхуф, тогда как гуффа совсем круглая, вроде огромной автомобильной шины, и такая устойчивая, что она ничуть не накренилась, когда я сел на край.

У болотных арабов я впервые после камышовых лодок озера Титикака увидел образцы такой же искусной работы со стеблями водных растений. Широкие гладкие дуги из камыша, надежно подпирающие высокий потолок дома Хаги, поражали своим совершенством. Расставленные с одинаковым интервалом, словно отлитые в одной форме; внизу — толще человеческого туловища, медленно сужающиеся кверху. Показав на одну из опор, Хаги пояснил, что третий род виденных им в юности судов делали примерно из таких связок камыша, только они сужались в обоих концах. Много соединенных вместе связок образовали компактное суденышко с изогнутыми кверху, заостренными носом и кормой. Корпус вязали из берди; касаб годился лишь для шалашей на палубе. У берди губчатая сердцевина, а касаб — полый, ломкий, легко пропитывается водой. Велев мальчику принести по стеблю каждого вида, Хаги показал мне, что мягкий нижний конец берди можно есть. В са-

мом деле, хрустящий стебель отличался приятным вкусом, как и молодые стебли папируса.

Чтобы лодка из берди долго держалась на воде, продолжал Хаги, стебли надо сжимать очень туго. Двое мужчин изо всех сил затягивают веревочную петлю, тогда связка получается твердая, как бревно. Я еще раз потрогал опоры его дома: верно, пальцем не сомнешь, твердые, как дерево. Я спросил о пропитке, но Хаги никогда не слышал, чтобы такие лодки конопатили асфальтом или еще каким-нибудь веществом.

Мне довелось однажды видеть фотографию камышовой лодки такого типа, который описал Хаги. Она была напечатана в газете «Дейли Скетч» 3 марта 1916 года, во время первой мировой войны. Выцветшая подпись гласила: «Такие лодки постоянно видят наши люди в Месопотамии». Ее вполне можно было бы принять за лодку с острова Пасхи или озера Титикака, если бы в ней не сидел араб.

Спасибо крепкой памяти Хаги, не то я опоздал бы на полвека с приездом на землю бывшего Шумера. Хаги перебросил мост в прошлое. Глядя на старца, я думал, что он вполне мог быть прямым потомком библейского патриарха Авраама... Хаги жил по соседству с Уром, где родился Авраам, которому мы обязаны одним из первых описаний того, как месопотамцы в древности строили суда.

Некоторые современные ученые видят в Аврааме историческое лицо, жившее в Двуречье около 1800 года до нашей эры. По Ветхому завету, он покинул Ур вместе с отцом, когда тот со всем своим племенем и скотом от рубежей болотного края двинулся на север, в ассирийский город Харран. Позже Авраам из Харрана направился дальше, в страны Средиземноморья. Уроженец Ура дошел до самого Египта, прежде чем окончательно решил осесть на земле обетованной. Рассказ о его странствиях — документальное свидетельство древнейших связей по суше между Двуречьем и долиной Нила.

С той далекой поры река Евфрат и зеленые болота со всем, что на них произрастает, отступили километров на десять от величественных развалин Ура, но исполинская шумерская храмовая пирамида по сей день вздымается из праха к небесной синеве поразительным памятником дерзаний и бренности рода человеческого.

В шумной гавани Авраам встречал купцов из дальних стран, а в тени могучего храма писцы и мудрые старцы передавали подрастающим поколениям свои познания о прошлом и наставления о том, как обеспечить себе счастье в загробной жизни. Надо думать, Авраам видел хранимые жрецами лодочные модели из серебра и обмазанного асфальтом камыша — жертвоприношения осмотрительных мореплавателей. И даже если он сам не ступал на палубу корабля, ему, конечно же, были хорошо знакомы различные суда, швартовавшиеся у местных пристаней и берегов.

Сидя вместе с Хаги в камышовом доме и слушая его рассказ о том, как строили джиллаби, как обшивали каркас камышом, который затем конопатили битумом, я мысленно видел перед собой миниатюрный вариант знаменитого судна, описанного в Ветхом завете. Ноев ковчег... При этих словах многие с улыбкой вспоминают слышанную в детстве наивную историю про пузатый плавучий дом и добродушного бородатого старца, гонящего вверх по трапу попарно слонов, верблюдов, жирафов, обезьян, львов, тигров и других зверей и всевозможных птиц. Когда я мальчишкой выстраивал игрушечных деревянных зверей на трапе деревянного ковчега, мне в голову не приходило, что из старого предания можно извлечь какие-то сведения, и уж никак я не мог предвидеть, что сам окажусь на родине этого предания и буду штудировать ученые труды, докапываясь до его корней...

В огромном архиве ассирийского царя Ашшурбанипала, насчитывающем десятки тысяч плиток, есть, в частности, впервые прочитанный в 1872 году подробный рассказ о всемирном потопе. Сходство этого рассказа с иудейской версией настолько велико, что они, несомненно, восходят к общему источнику. Поскольку ассирийцы унаследовали свою письменность и мифологию от шумеров, а иудеи, по их утверждению, вышли из бывшей шумерской столицы Ур, естественно искать этот общий источник в Шумере.

В ассирийском тексте имя старца, построившего корабль для спасения человечества, не Ной, как в иудейской версии, а Ут-напиштим; однако оба имени скорее всего аллегорические. Далее, у ассирийцев вместо единого иудейского бога Яхве видим бога морей Энки. По ассирийской версии, историю о всемирном потопе рассказал одному из своих предков в Дильмуне сам венценосный кораблестроитель Ут-напиштим. Будто бы бог морей проникся к нему расположением и открыл тайный заговор других богов, задумавших утопить весь род человеческий. Тот же бог морей научил Ут-напиштима построить большой корабль и взять на борт родных и приближенных, а также свой скот. Царь послушался совета и построил корабль:

«На седьмой день корабль был готов. И чтобы облегчить спуск на воду, были разложены катки вверху и внизу на две трети... Нагрузил я его всем своим достоянием, нагрузил его всем своим серебром, нагрузил его всем своим златом, нагрузил его всем своим племенем. Взял на борт всю семью и слуг моих, и скот, и степных зверей, и всех мастеров я взял... Кормчему судна Пузур-Амурри вверил я корабль вместе с грузом».

Шесть дней и семь ночей заливала землю вода, и на седьмой день корабль пристал к вершине горы в Верхнем Курдистане — в том самом краю, где Ной в предании иудеев пристает к горе Арарат. В ассирийском тексте с корабля выпускают сперва голубя, потом ласточку, и обе птицы возвращаются; лишь после того, как не возвратился выпущенный ворон, царь понял, что воды спадают, можно без опаски сходить на сушу вместе с племенем своим и скотом. Покинув корабль, люди принесли жертву богам, и те обещали никогда больше не карать все человечество за грехи нескольких людей.

Любопытно, что в ассирийском тексте спасшимся от потопа боги повелевают поселиться «при устье рек, в отдаленье». Для жителей Ассирии это означало устье Евфрата и Тигра, где находилась некогда страна шумеров. Другими словами, по ассирийской версии возродившееся человечество сначала заселило берег Персидского залива и болотный край в Южном Ираке.

Тем интереснее узнать, что говорили по этому поводу сами шумеры. Их версия была обнаружена археологами Пенсильванского университета. В Ниппуре, к северо-западу от слияния двух рек, раскапывая огромный шумерский зиккурат — столь характерную для древних городов Двуречья ориентированную по солнцу ступенчатую пирамиду с храмом на макушке,— они натолкнулись на обширную библиотеку. У подножия пирамиды лежало 35 тысяч плиток с письменами, и на одной из плиток удалось прочесть исконное шумерское предание о всемирном потопе.

В отличие от более поздних ассирийской и иудейской версий, у шумеров спасенные после по-

топа не высаживаются на какой-то горе внутри страны, а сперва заселяют находящийся за морем на востоке Дильмун, откуда боги затем приводят их на новое место жительства в устье двух рек.

Ясное указание на то, что ассирийский текст представляет собой вариант более древнего шумерского оригинала, специалисты видят в следующем: в обоих случаях спасителем рода людского изображен шумерский бог морей Энки. В роли избранника, которого бог учит построить большой корабль для своего спасения, у шумеров также выступает благочестивый, богобоязненный, кроткий правитель некого царства, но зовут его Зиусудра. К сожалению, часть плитки с описанием того, как Зиусудра строил свой корабль, не уцелела; во всяком случае, судно было достаточно большим, чтобы вместить не только людей, но и скот. После того, как все взошли на борт, воды семь дней и ночей заливали землю «и могучие волны бросали огромный корабль», пока Уту, шумерский бог солнца, наконец не явил свой лик и не осветил небо и землю. Тут Зиусудра распахнул окно и простерся ниц перед богом. Затем он поспешил принести в жертву быка и овцу; очевидно, Зиусудра в отличие от Ноя захватил с собой больше одной пары животных. Правда, зато он не брал на борт диких зверей. Как видим, в ходе тысячелетий исконная версия о спасшихся людях, которые везли на судне только домашний скот, видоизменилась, и Ной выступает уже в роли спасителя диких животных.

Самое важное во всех трех вариантах — большие корабли. В каждом случае говорится о домашних животных, о том, что до потопа существовали города и царства, но нигде не сказано, чтобы человек и его скот спаслись от воды на какой-то высокой пирамиде или башне.

Пять тысяч лет назад из рук писцов вышли древнейшие известные нам фрагменты письменной истории. Истории, которая начинается с того, что после великой катастрофы люди и скот высаживаются с большого корабля в Дильмуне, откуда, опять-таки морским путем, прибывают в Ур, в Двуречье. Досадно, что не сохранилась часть древнешумерской плитки с описанием строительства корабля, но поскольку Зиусудра и Ут-напиштим— суть два имени одного и того же венценосного кораблестроителя, мы можем в своих умозаключениях опираться на ассирийскую версию. В древнейшем известном нам героическом эпосе ассирийский поэт отправляет своего героя, царя Гильгамеша, на корабле в страну предков Дильмун, где, как уже говорилось, царственный долгожитель Ут-напиштим рассказывает ему свой вариант истории о потопе. Назвав себя сыном царя Убар-Тату, правившего в Шуруппаке до всемирной катастрофы, Ут-напиштим затем в поэтической форме воспроизводит слова бога морей, который повелел ему строить корабль:

«Камышовый дом, камышовый дом. Стена, стена. Слушай, камышовый дом! Слушай, стена! Шуруппакиец, сын Убар-Тату. Разрушь свой дом и построй корабль!»

Естественно, разрушив камышовый дом, можно было построить только камышовый корабль. Это согласуется и с иудейской версией, где Ною предписывается: «Сделай себе ковчег с ребрами кипарисовыми, покрой его камышом и осмоли внутри и снаружи».

В ассирийском эпосе также есть намек на то, что венценосный кораблестроитель конопатил свой корабль. Сам Ут-напиштим говорит, что, разрушив камышовые чертоги: «Шесть с а р о в смолы влил я в горячий котел, три с а р а асфальта добавил. Три с а р а масла принесли работники, не считая одного с а р а, который хранился в трюме, и двух с а р о в, которые припас кормчий».

Принципы строительства, описанные в предании о Ное, те же, только в гораздо меньшем масштабе, о каких говорил мне Хаги, рассказывая про д ж и л л а б и. Недалеко от Вавилона я сам видел д ж и л л а б и с шестью пассажирами. Естественно, размеры древних царских судов должны были соответствовать прочим сооружениям эпохи деспотических держав. В ассирийском эпосе величина корабля Ут-напиштима выражена словом «ику», подразумевающим меру, равную площади основания Вавилонской башни. Вряд ли следует понимать это буквально, хотя вообще-то было легче собрать конструкцию таких размеров из длинных связок камыша, в изобилии произрастающего на болотах, чем из мелких кирпичей, каждый из которых надо было формовать и обжигать в гончарной печи.

Иудеи более умеренны, длина Ноева ковчега — триста локтей, ширина — пятьдесят локтей и высота — тридцать локтей (соответственно сто пятьдесят, двадцать пять и пятнадцать метров). Иначе говоря, ковчег был всего в четыре раза длиннее камышового г а р е, наскоро сооруженного Матугом.

Обширные раскопки на острове Бахрейн в Персидском заливе, проведенные датчанами, дали новый материал исследователям первоначального предания о всемирном потопе. Найденные здесь города, по мнению специалистов,— первое конкретное подтверждение того, что Бахрейн и есть упоминаемый в документах шумерских купцов Дильмун, страна, где предки шумеров обосновались после потопа. Подводя итоги пятнадцатилетних работ на Бахрейне, видный датский археолог П. В. Глоб поддерживает распространенное толкование шумерской версии. Как известно, Леонард Вулли, раскапывая Ур, обнаружил под резиденцией шумерских правителей трех-четырехметровый однородный слой ила, ниже которого находились развалины более древнего города, затопленного во время катастрофического наводнения, когда вся Нижняя Месопотамия была покрыта восьмиметровым слоем воды. Понятно, немногим спасшимся тогда казалось, что погиб весь мир, и память людская сохранила воспоминание о потопе, запечатленное впоследствии на шумерских глиняных плитках. Глоб полагает, что некоторые горожане сумели спастись, взобравшись на стены самых высоких построек. Но почему именно построек, спрашивал я себя, если речь шла о портовом городе с множеством камышовых судов?

...Я посмотрел налево, направо. Как далеко от дома Хаги увели меня мои размышления. Камышовый дом, камышовый дом. Стена, стена. Слов нет, Хаги мог бы соорудить неплохое судно, разобрав большой дом, в котором мы сидели. Да и зачем разбирать: перевернул постройку — вот тебе и готовый корпус ладьи с крепкими ребрами, останется лишь заделать оба конца и обмазать камыш внутри и снаружи смолой или асфальтом.

Разумеется, никто не собирался рушить дом Хаги. Вернувшись пять лет спустя в те же места, я с радостью убедился, что он целехонек. Правда, мне недоставало старца, но сыновья его никуда не делись и приняли меня по-царски.

Ша-лан, старший сын Хаги, и другие мужчины, собравшиеся в его доме, заметно оживились, услышав, что я вернулся, чтобы найти в болотном краю желающих помочь мне заготовить б е р д и и построить судно наподобие тех, про которые пять лет назад рассказывал старик Хаги. Мне требовалось двадцать человек. Ша-лан поспешил заверить меня, что лично подберет подходящих людей, все будет в порядке. Посовещавшись, присутствующие реши-

ли, что на роль бригадира лучше всех подойдет Гатаз, он мастер строить дома и уж наверно знает, как делают конусовидные связки.

Кто-то сходил за ним на машхуф, и я увидел пожилого араба с располагающей внешностью и веселой искоркой в глазах. В просторном клетчатом халате он стоял в лодке, высокий и стройный, будто мачта. С первой минуты у нас с Гатаз установился такой контакт, словно мы всю жизнь были друзьями. Мои слова о том, что я собираюсь построить камышовое судно и выйти в море, он воспринял как нечто вполне естественное и сразу же поинтересовался, сколько камыша нам понадобится.

Я смерил шагами пол. «Ра I» была около пятнадцати метров в длину; «Ра II» — неполных двенадцать. На этот раз я задумал набрать команду побольше, а потому и судно должно быть крупнее — метров восемнадцать в длину, примерно такое же, как дом, в котором мы находились. Но Хаги говорил, что губчатые стебли нужно сильно сжать; стало быть, объем заготовленного камыша должен превышать конечный объем ладьи.

— Думаю, стоит заготовить берди вдвое больше, чем вместилось бы в этом доме от пола до потолка,— сказал я.

Все подняли глаза на изогнувшийся высоко над нами камышовый свод. Гатаз оставался невозмутимым. Какие связки мне понадобятся, такие он и сделает.

Мы условились, что в сентябре двадцать человек во главе с Гатаз соберутся у Адамова древа и приступят к строительству, но перед тем я еще приеду в августе и прослежу, чтобы болотные арабы из деревни Эль-Гассер, расположенной ближе к строительной площадке, заготовили камыш и как следует высушили его.

Арабские друзья Тура Хейердапа приступипи к заготовке камыша, а самого начапьника экспедиции ждапо еще много деп. Надо быпо закупить в Европе снаряжение и провиант и договориться об отправке его в Ирак. Надо быпо подписать контракт с финансировавшими экспедицию телевизионными компаниями Ангпии, Франции, ФРГ, Японии, Швеции, США. Предстояло испытать подготовпенную Саутгемптонским университетом ппастиковую модель «Тигриса».

Возвратившись в Эпь-Курну, Тур Хейердап вместе с норвежским членом интернационапьного экипажа Хансом-Петтером Бёном, ипи попросту Эйч-Пи, занялся возведением стапепей. Прибып заготовпенный камыш, припетепи из Южной Америки, с озера Титикака, индейцы, помогавшие строить «Ра II», и вместе с арабами приступили к работе. Распопагая только приблизительными рисунками и древними модепями лодок, Тур Хейердап допжен был во многом наугад конструировать парус и рулевые веспа дпя «Тигриса», что потом повпекпо за собой известные трудности.

Поспе ряда злокпючений 23 ноября 1977 года состояпся старт. На первом участке, когда падья шпа вниз по реке, местные впасти придапи ей в помощь моторный катер бапям с знающими местный фарватер арабами. «Тигрис» спускапся по Шатт-эль-Арабу к заливу.

...За столом на палубе сидели и хорошо знакомые и совсем новые для меня люди. Возраст, считая и мой,— от двадцати до шестидесяти трех лет. И не менее широкий спектр национальностей и характеров.

Вот мой старый друг Норман Бейкер из США. Жилистый крепыш. Ни капли жира, сплошные мышцы. В зимнем пальто — субтильный на вид, в плавках — богатырь. Впервые наши пути скрестились на Таити двадцать лет назад; он пришел туда под парусом с Гавайских островов, я — на экспедиционном судне с острова Пасхи. Ему под пятьдесят. Офицер запаса американских ВМС, а в своей гражданской жизни — строительный подрядчик в Нью-Йорке. На «Ра I» и «Ра II» был моим старшим помощником. С Норманом на борту я чувствовал себя подлинным Ноем: подвижный, как обезьяна, сильный, как тигр, упрямый, как носорог, обладает волчьим аппетитом и в шторм ревет, как слон.

Рядом с ним — наш дюжий русский медведь, Юрий Сенкевич, сорок лет. Сложен, как борец, миролюбив, как епископ, специалист по космической медицине, а со времени нашей последней встречи он еще стал популярным ведущим московского телевидения. В обеих экспедициях «Ра» Юрий выполнял обязанности судового врача; постепенно стал завзятым путешественником, и ведет еженедельную программу «Клуба кинопутешествий», которую смотрят больше ста миллионов советских телезрителей. Любитель пошутить и посмеяться. Уверяет, что это вошло у него в привычку с тех пор, как он летел в Каир, чтобы участвовать в экспедиции «Ра I», и для храбрости глотнул водки. Ибо в моем письме на имя президента Академии наук СССР я просил подобрать советского врача, наделенного чувством юмора.

Карло Маури из Италии, ему тоже под пятьдесят. Участник обоих трансатлантических плаваний на папирусе. Голубоглазый блондин, что твой северный викинг, а благодаря окладистой бороде его скорее, чем меня, можно было посчитать Ноем. Карло — один из самых прославленных итальянских альпинистов, лазил вверх-вниз по самым крутым и высоким скалам на всех континентах; в ряду моих знакомых никто не висел столько на веревках и не связал столько надежных узлов, сколько он. Человек южного темперамента, Карло мгновенно из кроткого агнца превращается в рыкающего льва, а через минуту, глядишь, уже взялся за перо и воспарил на крылатом Пегасе. Умеет обходиться без еды и без комфорта, но не может жить без веревки в руках. Карло была поручена роль экспедиционного фотографа, и ему же предстояло изощряться в изобретении хитроумнейших найтовов и узлов всякий раз, когда рубке, или книце, или стойке рулевого мостика взбредет на ум исполнить твист.

Детлефа Зоицека из ФРГ я прежде совсем не знал. Двадцать шесть лет — один из самых молодых капитанов западногерманского торгового флота, а сверх того ярый спортсмен, инструктор альпинизма в Берхтесгадене. Мне его рекомендовали немецкие друзья, которых я просил подыскать достойного представителя послегитлеровского общества. Приверженец натурализма и высоких идеалов, сторонник мира, противник войны, противник насилия и расизма. Сам без нужды рта не раскроет, но умеет внимательно слушать и от души посмеяться над доброй шуткой.

Герман Карраско, пятьдесят пять лет, промышленник и кинолюбитель из Мексики, следил за тем, чтобы мы не скучали. Вот уж про кого нельзя было сказать: какое тело — такая душа. Казалось, этому тучному усачу самое подходящее занятие — сидеть себе под кактусом, надев на голову сомбреро. Пальцем в небо! Лозунг его личной кинколлекции гласит: весь мир — моя арена. Сидит в нем этакий живчик, который заставляет Германа несколько раз в год бросать свои каучуковые фабрики в Мехико и странствовать по свету. Это он,

нырнув под полярный лед, снимал Рамона Браво, когда его тянул за ногу белый медведь. Шрам около глаза — памятка о том, как он свалился с дерева в джунглях Калимантана, снимая орангутанов. Герман сталкивался с акулами в Полинезии и в Красном море; его любительская кинокамера повидала все страны мира, и особенно много кадров снято в КНР. Он мечтал пройти с нами на «Ра», да не вышло, и тогда мы так и не познакомились. Зато теперь я знал его хорошо. Мы шагали вместе по жгучим пескам Нубийской пустыни, снимая наскальные изображения судов додинастической эпохи, и шлепали под проливным дождем на лесистых берегах Мексиканского залива, наводя объектив кинокамеры на пирамиды ольмеков и майя и на статуи доколумбовой поры, изображающие бородатых людей. В Гватемале он жил через дверь от меня в гостинице «Европа», когда страшное землетрясение 1976 года разрушило ее, засыпав нас обломками и убив тех, кто занимал соседний номер, и еще двадцать тысяч человек...

Вот какой человек сидел теперь с нами на борту камышовой ладьи. А рядом с ним — еще один новый знакомый, японец Тору Судзуки, специалист по подводным съемкам; возраст — сорок с хвостиком. О Тору мне было известно лишь то, что он не один год снимал жизнь подводного мира на Большом Барьерном рифе, а в последнее время держал японский ресторанчик где-то в Австралии. Я включил его в состав экспедиции, полагаясь исключительно на рекомендацию своих японских друзей. Японцы — люди гордые, умеющие владеть собой, и я мог не опасаться, что мне подсунут какого-нибудь склочника. Немногословный улыбчивый атлет и безотказный работяга, Тору прекрасно владел английским. Лучшего выбора я и сам не мог бы сделать.

В этой пестрой компании два скандинава казались близнецами. Оба предложены Валлийским колледжем. Асбьёрн Дамхюс, Дания, двадцать один год. Ханс-Петтер Бён, Норвегия, двадцать два года. Типичные потомки викингов. Могу представить себе, что парни вроде Асбьёрна были среди датчан, которые покорили многие области средневековой Англии и умыкали осчастливленных их вниманием дам, а Эйч-Пи вполне мог бы сидеть на верхушке мачты и кричать «Земля!», когда ладья Лейфа Эйрикссона подошла к Винланду. Эти друзья постоянно что-нибудь затевали, вместе придумывали самые невероятные розыгрыши. Богатые на выдумку, с техникой на «ты» и настоящие умельцы. Среди бурных волн они чувствовали себя так же непринужденно, как дома в ванне, и обоим не терпелось испытать настоящие приключения, прежде чем снова браться за университетские учебники.

Самый молодой — Рашад Назир Салим, иракский студент, двадцать лет, будущий искусствовед. Худощавый, но крепкий; мозговитый и жадный до знаний, но без твердо устоявшихся взглядов. Страстный арабский патриот, но добродушный и ни капельки не агрессивный. Прибыв с рекомендательным письмом в гостиницу «Сады Эдема», он на безупречном английском языке застенчиво рассказал, что отец прежде был дипломатом в Европе и возил его с собой, но затем дипломат превратился в одного из самых известных живописцев Багдада, и Рашад мечтал пойти по его стопам.

На полголовы выше всех сидящих за столом — одиннадцатый член экипажа, Норрис Брук, США. Профессиональный кинооператор; возраст — сорок лет. Высокий, худой и на диво подвижный. С ним я тоже не был знаком. И не я его выбирал. Вплоть до нашей первой встречи он был для меня лишь обязательным параграфом в контракте с телевизионным консорциумом, который одолжил мне средства на экспедицию. Норрис мало говорил, зато все видел. Он был вездесущ со своим неразлучным «младенцем» — специализированной синхронной кинокамерой с длинным микрофоном наверху, похожим на детскую бутылочку. Он нянчил свою камеру, взобравшись на макушку мачты; с нею же, нажав спуск, прыгал в воду с крыши главной рубки. Пока я не узнал поближе Норриса и его таланты, я предполагал, что Национальное Географическое общество США выбрало его за рост. Ему ведь было предписано снимать нас, даже если мы станем тонуть. Что ж, его голова еще будет торчать над водой, когда мы все успеем захлебнуться... Поначалу трудно было привыкнуть к тому, что камера Норриса всюду сует свой нос, следя за всем, что мы делаем и говорим, и ребята не раз подходили и спрашивали меня, что за человек этот долговязый оператор. А я и сам не знал, что он за человек. Слышал, что годом раньше Норрис Брук с таким же заданием участвовал в экспедиции на двойном каноэ из стекловолокна, которое прошло маршрутом древних полинезийцев от Гавайских островов до Таити. Другие операторы снимали с сопровождающего парусно-моторного кеча, но долговязый Норрис всю дорогу ютился вместе с экипажем каноэ, обеспечивая крупный план. Плавание прошло без особых происшествий, если не считать бурного психологического конфликта между полинезийской командой и чужеземными руководителями эксперимента. Никто не скрывал, что от Норриса ждут кадры, отражающие еще более бурные стычки среди смешанной команды «Тигриса». Вышеупомянутый психологический конфликт стал главным стержнем готового фильма о смелом переходе на двойном каноэ, и, поскольку паруса и волны могут занимать зрителя от силы несколько минут, нашему одиннадцатому члену экспедиции, конечно же, было велено не прозевать минуту, когда мы схватимся на кулаках. Я объяснил ребятам, как снова и снова твердил участникам предыдущих океанских плаваний на малых судах, что существует так называемый «экспедиционит», что для людей, подолгу обитающих в тесной рубке, он опаснее любого урагана, и мы непременно увидим его акулью пасть, если не будем настороже и не сумеем себя сдерживать, как бы ни хотелось наорать на соседа за то, что он забыл в твоей постели рыболовный крючок или справляет нужду с наветренной стороны.

Ребята слушали меня внимательно, и я даже начал подумывать, что вездесущий «младенец» Норриса может оказаться самым эффективным и желанным для руководителя средством против «экспедиционита». А впрочем... Ведь этого самого «сосунка» американец таскал с собой в полинезийской экспедиции и привез такие кадры... Вот и Карло уже ворчит, потому что Норрис знай себе кино снимает, тогда как он, Карло, кроме фотографирования, обязан варить макароны и кантовать груз.

Улучив минуту, когда мы с Норрисом очутились с глазу на глаз, я сказал ему, что он, конечно, вправе вести себя на борту, как пассажир. Но для него же будет лучше не чувствовать себя посторонним, а наравне со всеми нести рулевую вахту, дежурить на камбузе и выполнять прочие повседневные дела. Надо снимать — в любую минуту подменим. Норрис ответил, что и сам хотел просить меня об этом. Хотел стать членом нашего товарищества. И он стал им...

Ладья развила хороший ход, около трех узлов, и с заходом солнца мы собрались при свете керосинового фонаря за столом, где нас ждал приготовленный Рашадом арабский плов с изюмом и лу-

ком. Внезапно рулевые крикнули с мостика, что на реке впереди полыхает пламя. Мы взобрались кто на стол, кто на рубки, а Норрис в два счета очутился на верхушке мачты. И правда, справа три длинных языка пламени, вырываясь из высоких газовых труб, стелились в темноте над рекой. Оберегая от огня камышовую ладью, мы прижались к другому берегу. Картина была живописная и драматическая, могучее пламя так и норовило дотянуться до «Тигриса», озаряя ярким светом парус, рубки и наши лица. Даже пальмы на левом берегу были освещены. Миновав эту опасность, мы вскоре приметили на том же правом берегу свободную бетонную пристань. Балям с нашими лоцманами причалила первой и сыграла роль привального бруса для «Тигриса».

С восходом солнца мы рассмотрели огромный промышленный комплекс, которому принадлежала пристань. Работающие на комплексе европейские инженеры включили подъемный кран и помогли нам перенести на берег наши исполинские рулевые весла. Мы уменьшили на одну треть площадь лопастей, а сопровождающий нас до залива русский плотник Дмитрий Кайгородов обтесал топором веретена, намного облегчив их и вернув им почти круглую форму. Радушные инженеры из Швейцарии и ФРГ накормили нас и завтраком и обедом. Они руководили строительством большого бумажного комбината, первая очередь которого уже вступила в действие. Вместе с другим комбинатом, строящимся выше по реке, это предприятие было призвано обеспечить бумагой безлесный Ирак. Бумажную массу делали из заготовленного на болотах тростника и камыша. Особенно подходил для этого касаб, и его сплавляли по реке в виде огромных плотов гаре. На обширной площадке рядом с комбинатом лежали тысячи тонн тростника, ожидающего превращения в бумажную массу.

В этой связи нас подстерегала новая, кошмарная проблема, с какой шумерам никогда не приходилось сталкиваться. Мы уже обратили внимание на то, что на этом участке Шатт-эль-Араб особенно загрязнен, но только вечером, спустившись к причалу после веселой пирушки, увидели плывущие по черной воде белые хлопья. В свете карманных фонариков вокруг нашей золотистой ладьи вообще не было видно воды — сплошное безе с мазками желтого крема.

Кто-то из ребят побежал вверх по берегу и обнаружил, что белые хлопья устремляются в реку по канаве, берущей начало у фабричных построек. Один из инженеров объяснил, что по ночам промывают старую мельницу. Новая мельница, которую сейчас монтируют, не будет загрязнять реку, а старая вот загрязняет... Химикалии из бумажного комбината! Корпус «Тигриса» наполовину погружен в густое месиво отходов предприятия, превращающего камыш в бумагу.

Мы попробовали разгонять бело-желтую кашу гребными веслами — куда там, коварные хлопья тотчас затягивали снова черные клочки чистой воды. И уйти от них нельзя: тяжелые рулевые весла лежали на берегу, реконструированные лопасти только-только начали покрывать свежим слоем асфальта.

Наутро вся команда была готова поклясться, что осадка «Тигриса» заметно увеличилась. Норман не сомневался: камыш пострадал от химии. И как мы ни старались поскорее установить на место рулевые весла и поднять парус, отчалить удалось лишь около полудня. Идя вниз по реке, мы и на другой день обгоняли плывущие тем же курсом пышные хлопья.

Слава богу, круглые веретена рулевых весел вращались на прокладке из буйволовой кожи куда легче. Вот только ветер стих. Начисто пропал. Правда, река продолжала течь. Не спеша. Кругом простирался чудесный, ничем — кроме белых хлопьев — не оскверненный ландшафт. Финиковые пальмы... Буйволы... Гуси, утки, заросли тростника... Деревушки на берегах, весело приплясывающие ребятишки. Кто бежал вдогонку за нами, кто карабкался на пальмы. Лающие псы... Женщины в ярких платьях, выглядывающих из-под длинных черных накидок. Одни пасли овец, другие несли на голове воду в бутылочных тыквах или алюминиевой посуде. Гончарные сосуды вышли из употребления. Две-три лодки с рыбаками... И все. Мир, тишина. Багровый закат за пальмами. Потом река остановилась. И мы бросили якорь, не дожидаясь, когда она потечет вспять под напором морского прилива.

На другой день впереди, как по мановению волшебного жезла, вновь появилась современная цивилизация. Проходя остров Синдбад, пришлось просить наших лоцманов, чтобы провели «Тигрис» на буксире между огромными устоями нового моста, который уже соединил другую сторону острова с берегом. Я побывал здесь до того, как мы начали строить свое судно, и разговаривал с немецкими инженерами. Сооружение исполинского моста шло стремительными темпами, еще месяц — и он будет готов. Тогда уже под его низкими пролетами никакая камышовая ладья с шумерской мачтой не сможет пройти из Тигра или Евфрата к морю.

Множество людей облепили устои и заполнили пристани оживленной гавани Басры. Мы шли на буксире в сопровождении полицейских катеров. Грузовые пароходы приветствовали нас сиренами и колоколами. Иракские военные суда салютовали флагами, и вдоль их бортов были выстроены матросы. Со всех сторон — гудки, свистки; Юрий схватил наш бронзовый горн, вскочил на крышу рубки и принялся трубить в ответ, а остальные ребята висели на перекладинах двуногой мачты, махая руками и крича. Я тоже не удержался от радостного крика, когда Карло показал мне на норвежский пароход из моего маленького родного города Лаврика.

На душе было весело. И страшно. А вдруг мы не сможем пойти дальше реки? Вдруг кислоты в отходах бумажного комбината повредили камыш?

Шумная гавань осталась позади. Все, кроме рулевых, спустились на палубу. Веселье — весельем, но и поесть не худо бы. Асбьёрн подал на стол гуляш по-датски...

Около двух часов дня мы поравнялись с иранской границей. Дальше только западная акватория реки принадлежала Ираку, а берег, у которого стояли на якоре суда, относился к Ирану. Здесь наше появление не вызвало никакой реакции, но когда нас догнала балям, ее команда с ужасом обнаружила, что мы идем чересчур близко к срединной линии. Во время моего предыдущего визита в Ирак несколько лет назад отношения между соседями были крайне напряженными, на грани войны, теперь же они хорошо ладили, если не считать, что Ирак недавно взял верх над Ираном на футбольном поле...

Лоцманы так боялись нарушить среднюю линию, что все время прижимались к иракскому берегу. Временами мне даже казалось, будто рулевые весла задевают дно. Судя по всему, наши проводники на балям и сами-то еще никогда не спускались по реке дальше Басры.

С приходом ночи они решили остановиться. Показали нам место для стоянки перед излучиной,

где у иранского берега были два парохода — один под южнокорейским, другой под либерийским флагом,— и предложили отдать якорь. Мы послушались. Детлеф бросил якорь в воду, но канат почему-то не хотел разматываться. Он выдернул якорь обратно и увидел на лапах ил. Я попробовал повернуть правое рулевое весло. Туго идет, будто ложка в холодном сливочном масле... И левое весло тоже. Рашад крикнул лоцманам, что мы попали на мелководье. Они прокричали в ответ, что здесь самое глубокое место. Мы бросили им конец и попросили отбуксировать нас в сторону. Они включили мотор — не тут-то было. При глубине чуть больше метра ил начал засасывать «Тигрис» не хуже болотной трясины. Попытались отталкиваться шестами — уходят в вязкий грунт, не сразу и вытащишь.

Лоцманы объявили, что надо ждать прилива. А когда он начнется, наперед сказать невозможно. В разные дни прилив начинается в разное время, во всяком случае, не в те часы, что выше по реке. Мы наклонились над мутной водой. Смотрим. Не двигается. Самый разгар прилива! А затем вода стала медленно отступать к заливу. Мы трудились, как бешеные, но без успеха. То ли «Тигрис» уходил все глубже в густой кисель, то ли нас все больше обволакивало илом. Плохи наши дела! Во главе с Юрием и Карло мы общими усилиями сумели поднять и укрепить рулевые весла вровень с днищем.

Взошла луна, а мы торчим на том же месте, и на душе нехорошее чувство, будто нас неумолимо тянут в глубь липкой бездны руки незримого осьминога... Мимо «Тигриса» вверх по реке проходили в ночи ярко освещенные суда. Их-то вели настоящие лоцманы, знающие, что следует держаться подальше от нашего берега.

При свете луны Детлеф и Тору отважились подойти на шлюпке к иранской стороне и спросить команду либерийского судна, не могут ли они стащить нас лебедкой с мели. Последовал вежливый отказ: команда опасалась иранской полиции, поскольку мы застряли в Ираке. Тогда наши посланники подгребли к южнокорейскому судну. Корейцы соглашались подать трос до середины реки, но не дальше. И ведь нам все равно надо было ждать очередного прилива, иначе мы рисковали, что их лебедка разорвет на части наши бунты. На вопрос, когда теперь ожидается прилив, либерийцы и корейцы ответили совсем по-разному, так что наши ребята вернулись из Ирана ни с чем.

Положение что ни час становилось все хуже. Мы приготовились к тому, что прибывающий речной ил совершенно поглотит камышовые бунты.

Поздно ночью вода перестала отступать. В лунном свете казалось, что дно реки у нашего берега почти обсохло. Никаких событий не предвиделось, и мы один за другим легли спать, оставив вахтенного на крыше рубки.

В половине третьего я проснулся от шума воды, словно где-то открыли кран. Высунулся из рубки, вахтенный посветил фонариком, и я увидел, что шоколадного цвета вода устремилась вверх по реке, с бульканьем омывая торчащую у меня перед носом лопасть левого рулевого весла. Казалось, мы мчимся вниз по мутной стремнине. На самом деле «Тигрис» стоял на том же месте, а от залива с поразительной скоростью наступал приливной поток. Теперь-то уж точно ладью либо совсем занесет илом, либо сорвет с грунта! Мы снова спустили на воду шлюпку, Детлеф с Асбьёрном отвезли оба якоря на самое глубокое место, а остальные члены команды дружно впряглись в канаты, пытаясь снять «Тигрис» с мели.

Шел десятый час нашего плена, когда совместные усилия приливного потока и наших мускулов сдвинули ладью с мертвой точки. В половине четвертого нос «Тигриса» начал постепенно отворачиваться от берега. Продолжая выбирать якорные канаты, мы криками разбудили лоцманов на б а л я м. Я предпочел бы тут же и отпустить их восвояси, но где-то за очередным поворотом находился крупный иранский город Абадан, и без буксировки нам вряд ли удалось бы пройти между танкерами и нефтеочистительными установками. В пять утра мы смогли вернуть рулевые весла в рабочее положение и поднять парус к звездному небу. Убывающий лунный диск был окаймлен широким ярким ореолом.

За первой же большой излучиной мы увидели очертания Абадана на фоне утренней зари. Высоченные дымовые трубы, радиобашни, скопище могучих танкеров. Подул слабый лобовой ветер, и все еще давало себя знать встречное приливное течение, а потому мы убрали парус и попросили наших лоцманов провести нас возможно скорее через воды, грязнее которых нам в жизни не доводилось встречать. Из своего рода Эдема на Тигре наше золотистое суденышко вдруг было низвергнуто в современный ад. Жидкую среду между огромными пароходами и портовыми сооружениями нельзя было назвать ни морской, ни речной водой — это было черное мазутное месиво, усеянное всяким хламом. Более свободные участки поверхности переливались всеми цветами радуги в пронизывающих индустриальную мглу лучах утреннего солнца. Шумеры пришли бы в ужас, если бы увидели среду обитания, с которой современный человек связывает понятие о прогрессе. По черной от нефти и мазута нижней половине зеленых стеблей б е р д и у иракского берега без труда можно было определить высшую точку прилива. Остро пахло нефтью. Нам было стыдно глядеть на наше гордое суденышко, испачканное выше ватерлинии жирной черной грязью от мелких волн, поднятых пароходами, неторопливо следующими мимо. И хотя мы опасались, что сильная тяга может повредить бунты, Рашад передал лоцманам на б а л я м, чтобы включили полный ход. Надо было поскорее выходить в залив.

(Продолжение следует.)

ВАЛЕРИЙ РЮМИН

РАБОТА КАК РАБОТА

С большим интересом прочитал я рассказ Валерия Рюмина о его 175-суточном полете. Весьма любопытно было узнать, как воспринимался этот уникальный по своей сложности полет самим космонавтом. И всюду чувствуется характер Валерия. Его сдержанность, его безудержная преданность делу, его жизнелюбие.

Сегодня Валерий снова на орбите. Третий раз за два с половиной года! Столь скорого возвращения его в космос после рекордного по длительности полета не планировали ни он сам, ни те, кому положено формировать экипажи. Но обстоятельства сложились так, что нужно было подключить к подготовке опытного космонавта. И Валерий доказал всем, что лететь должен именно он. Валерию удалось развеять всякие сомнения руководителей программы, связанные с тем, что перерыв между полетами был слишком мал. Он проявил при этом необыкновенную целеустремленность и пошел в полет полностью уверенный в своих силах.

Мы желаем сегодня экипажу станции «Салют-6» успешного выполнения полетного задания и надеемся, что еще немало узнаем о делах и характерах этих мужественных людей.

Алексей ЕЛИСЕЕВ

День нашего с Володей Ляховым старта — 25 февраля 1979 года — начался с того, что врач экипажа Роберт Дьяконов, разбудив нас без всяких церемоний ровно в восемь, сказал:

— Мужики, у меня к вам предложение. Работенка есть суток эдак на 170. Там, где говорят, есть какая-то сенсорная депривация, невесомость... Все время вдвоем будете. Ну, гости разок прилетят. Еще можно отказаться, но, я думаю, вам стоит попробовать. Если согласны, сейчас мои коллеги вас осмотрят, потом позавтракаем и — вперед.

Мы рассмеялись. День начинался хорошо.

После завтрака я позвонил из нашей гостиницы «Космонавт» домой — поговорил с женой, как мог, успокоил ее. Предстоящая долгая разлука со мной восторгов дома не вызывала. Чтобы подбодрить сына (у меня двое детей: дочь Вика и сын Вадим), я назначил его, как теперь единственного оставшегося мужчину, на время моего отсутствия «главой» семьи, чем Вадим очень гордился впоследствии.

Дорога от гостиницы до стартовой площадки, длиною в час, мне хорошо знакома. Много ездил этой дорогой, когда еще был специалистом по наземным испытаниям. Проехал по ней и с Володей Коваленком к своему первому космическому старту. Так получилось, что тот полет длился всего двое суток. Не удалась стыковка, хотя поначалу все шло хорошо. Мы тогда сблизились со станцией, даже «потрогали» ее своим кораблем, а вот дальше... Пришлось возвращаться на Землю ни с чем. Кто работает с техникой, знает, что и проверенная, отработанная машина может дать отказ. Да и человек, впервые попадая в такие необычные условия, бывает не всегда точен в своих действиях.

И вновь — тренажеры. Как людей, имеющих пусть небольшой, но поучительный опыт, нас развели по разным экипажам. Володя Коваленок успешно закончил свой второй, 140-суточный полет. Теперь была моя очередь. Для меня это было как бы второй попыткой. Я понимал, что третьей может и не быть, это же не спорт. А командиром нового экипажа стал Володя Ляхов.

Что я знал о нем? Родился в Донбассе за день до нападения гитлеровской Германии на нашу страну. Отец, который работал на шахте, через месяц ушел на фронт и погиб. Трудное детство закалило характер. Окончив летное училище, он служил на Сахалине, летал на истребителях. В 1967 году попал в отряд космонавтов. Двенадцать лет ждал своего часа — изучал космическую технику, сдавал бесчисленные экзамены и наконец завоевал право на полет. Вот с таким парнем мне и предстояло пролетать полгода.

Еще недавно люди не представляли, возможно ли так долго быть только вдвоем. В рассказе О. Генри «Справочник Гименея» есть такие слова: «Если вы хотите поощрять ремесло человекоубийства, заприте на месяц двух человек в хижине восемнадцать на двадцать футов. Человеческая натура этого не выдержит». И написано это всего-навсего 70 лет назад. Космонавты теперь доказали, что такое обвинение человеческой натуры несостоятельно. Однако длительное пребывание с глазу на глаз даже с самым приятным тебе человеком само по себе испытание.

Старт и выведение корабля «Союз-32» прошли без замечаний. Для меня это был уже второй старт, и все нюансы участка выведения мне были знакомы. К моменту нашего старта станция уже совершила более 8 тысяч витков. На ней отработали две длительные экспедиции — Юры Романенко и Георгия Гречко — 96 суток и моего Володи Коваленка с Сашей Иванченковым — 140 суток. По программе «Интеркосмос» на станции работали экипажи посещения с участием космонавтов Чехословакии, Польши и ГДР. Выходы в открытый космос, стыковки, перестыковки — все уже было. За полтора года на орбите, конечно, станция подустала, а, говоря языком специалистов, кончался ресурс многих систем и приборов. Значит, первейшая задача — осмотреть ее, проверить системы и начать «капремонт». Набор инструментов на станции был. Но основной целью полета было выполнение большой программы научных исследований.

И вот станция в самом центре визира — небольшая точка. Растет, надвигается. Огни уже рядом, теперь буквально подбираемся к ней, сантиметров по тридцать в секунду делаем, не больше... И вдруг, буквально за считаные секунды день сменился ночью. Это на Земле — сумерки, вечер... Ничего не видим, глаза не успели перестроиться... А сейчас, именно сейчас, должны коснуться. Ну, есть касание? Должно быть...

— Есть касание... Есть стык... Есть мехзахват.— У Володи радостный, почти мальчишеский фальцет сейчас. На часах 15 часов 29 минут. 26 февраля.

Два витка на проверку. Вплываем в станцию. В наш дом теперь на долгое-долгое время. Наконец-то! Напряжение спало, и чувствуем огромную усталость. Вся «прелесть» невесомости дает себя знать. Лица наши за день так опухли, что в зеркале себя не узнаешь. Подташнивает. Нет навыков в координации движений, все время обо что-то ударяешься, и все больше — головой... Из рук все уплывает, запутывается... А ведь работа не ждет, ее делать, кроме нас, здесь некому. Надо проводить расконсервацию станции, то есть оживлять те системы и приборы, которые нам нужны сейчас. Видя, что Володя очень устал, уговорил его идти спать. Сам еще повозился немного. Я бортинженер, и это — все больше по моей части.

В последующие дни мы вставали в восемь утра, а ложились во втором часу ночи. Хозяйство большое, обшарили каждый уголок. Надо же запомнить, где что лежит. И о себе подумать. Место мое для сна, например, меня никак не устраивало. Хоть мне до дяди Степы далеко, но все же я был повыше бортинженеров, обитавших здесь до меня, и потому ноги вытянуть никак не мог. Нашел другой уголок на полу, там и устроил себе спальню.

Привыкали с трудом, все странным казалось. На Земле упадет что-то, вниз рука тянется, а здесь за инструкцией мячиком подскакиваешь вверх, а попутно обязательно заденешь ногой какой-нибудь тумблер на приборе. В педаль на велоэргометре никак не мог попасть ногой с первого раза. Велоэргометр на потолке, хотя, конечно, «пол», «потолок» — здесь понятия относительные. Я-то решил для себя считать — там, где ноги, всегда пол...

Вот в этом мире мы должны были научиться быть вдвоем, во всех мелочах учитывать мнение и характер друг друга. До полета мы вместе долго готовились, но вся подготовка велась в окружении людей, а это совсем не то же, что очутиться вдвоем. Могли поругаться, обидеться, дома потом отойти. А здесь куда друг от друга денешься? Каждое слово тут имело значение, даже тон.

За работой в иллюминатор заглянуть почти некогда, а как-то посмотрел повнимательнее: над нашей страной — весна. Земля стала пегая. Вдруг появились большие серые пятна на белом фоне. Снизу нам сказали: «Плюс восемь сегодня».

Самое мое любимое время года. И как подарок — первый сеанс связи с родными.

— Как обстоят дела у вас с невесомостью? — спросил мой сын. Мы расхохотались. И вслед за ним — Юра и Ольга — дети Володи и моя Вика стали кричать все вместе, как сороки. Слов разобрать не могли, все пытались что-то сказать... Куда там... Волновались жены. Их больше всего интересовало, как мы себя чувствуем. Тут как раз мы вошли в зону телевидимости, и они, думаю, смогли сами убедиться, что выглядели мы бодро. Мы к этому времени уже почти освоились в невесомости. Ну и, конечно, старались, чтоб это было наглядно. Вроде бы удалось успокоить родных.

Мы же спрашивали: как дела дома, как дети учатся? Понимали, конечно, что жены ничего неприятного не скажут. Ведь помочь мы им никак не можем. Но поддержку друзей на Земле они всегда имели. Мы это знали. Потом было много встреч с семьями, но первая запомнилась особенно отчетливо.

Пришло время, и мы окончательно привыкли к невесомости, организм больше не протестовал против странностей этого мира. Сил прибавилось, работоспособность восстановилась.

Появился первый листочек у огурцов, и остальная рассада вот-вот должна была взойти. Ухаживали. Мы очень надеялись, что огурцы вырастут и скрасят нашу жизнь в этом машинном зале. У нас были «официальные» объекты для биологических экспериментов, но мы и сами набрали семян.

Рассказывали в сеансах связи, как работаем паяльником,— это было впервые. Пошел в дело универсальный электропривод, который и гайки откручивает, и резьбу нарезает, и сверлит. Мы так расхваливали этот инструмент, что Земля поинтересовалась язвительно, не пробовали ли мы им бриться. Вспомнил, в цехе я с рабочими обсуждал, что если придется кабели менять, как подлезть к панели. Но оказывается, здесь это просто: встанем голова к голове, один давит на отвертку, а другой гаечным ключом крутит.

Пришел к нам «Прогресс», грузовой транспортный корабль. Привез массу нужных вещей для полета. Регенераторы для получения кислорода и воду, питание, блоки научной аппаратуры для замены и телевизионный приемник. Экран небольшой, где-то 280 мм по диагонали, но — телевизор! Когда станцию делали, телеприемник не предусмотрели. Идея возникла позже. И сейчас пришлось приспосабливать имеющуюся телевизионную систему борт — земля к приему изображения из Центра управления.

Ведь здесь просто в окно не вылезешь и антенну не установишь. Мы смонтировали приемник, и впервые в космосе состоялась пробная передача изображения на борт. Все прошло замечательно. Мы читали газету, которую на Земле держал руководитель полета Алексей Елисеев. Все поздравляли нас, а мы поздравляли их. Впервые в мире появилась не просто связь, а двусторонняя видеосвязь Земля — Космос! Теперь можно передавать на борт схемы, таблицы, чертежи. Впоследствии это нам очень пригодилось. Да и встречи теперь будут более приятными. Грузовик прибавил работы. Мы старались в первую очередь все выгрузить и перенести на станцию. Мало ли что могло быть? Вдруг его придется срочно отстыковать. Следующая задача была загрузить его всем ненужным на станции, тем, что уже отработало.

Провели ремонт двигательной установки. Один бак был неисправен, мы из него топливо перекачали, а остаток слили в «Прогресс», не руками, конечно, автоматика работала. Забегая вперед, скажу, что успех этой операции позволил станции летать еще очень долго.

Как просто пишу об этом сейчас, а сколько волнений было у нас и на Земле! Промоделировали все до старта, но невесомость могла выкинуть что угодно — предложить свои условия, свои задачи.

Я люблю машины. С детства был неравнодушен к «железкам». Немного завидую людям, которые наиболее остро чувствуют мир и себя в нем через музыку, цвет, художественные образы. Для меня же, например, в хорошем, остроумном техническом решении, удачной конструкции, любовно, с душой сделанной детали не меньше живого, человеческого.

Годы работы на испытаниях в КБ обострили это чувство, я вот станцию ощущаю, как живую, со всеми ее слабостями и силой. Уставшую сейчас. Ночью, ведь знаю, надо хорошо выспаться... но просыпаюсь и прислушиваюсь... Хорошо, ровно работает «машинка». А ведь ни минуты отдыха. Иногда кажется, нет, вот здесь должна не так «дышать», значит, завтра надо проверить то-то и то-то. Отец мой, который токарем начинал, говорил: «Ты к станку с душой, и он к тебе с душой». Так что любовь к технике у меня, видимо, в генах.

Опыт на орбите пригодится, чтобы делать следующую станцию «умнее», удобнее. Замечаний накопилось немало. Не все оказалось достаточно продуманным — нельзя что-то созданное для решения земных задач затем приспосабливать для космоса. И вообще мне не нравится, когда кто-то или что-то к чему-либо приспосабливается.

Но «Салют» наш надежен, это главное. Как-то ночью завопила пожарная сирена. Мы даже не испугались, сразу почему-то решили: «Тревога учебная». Но понюхали, полетали по станции — порядок. Сирена сама включилась, от скуки.

Раз в десять дней проводились совместные медицинские обследования. Хорошо хоть так редко. Ведь еще недавно, когда месяц в космосе казался пределом человеческих возможностей, такие обследования были через каждые три дня. Время космическое дорого, а тут целый день врачам отдавай. А хлопот! Сразу после сна, в покое, а потом днем, при различной нагрузке, накладываем около 20 датчиков на все тело и голову. Сигнал о работе организма идет на Землю, но мы тоже можем видеть на экране своего осциллографа, как и что в нас работает.

Когда лежа — это еще куда ни шло... А вот когда с проводами от всех эти датчиков ты крутишь педали, то, может, это радость для велоэргометра, но только не для нас. Провода запутываются, датчики мешают, пот горошинами. Но что делать? Надо — значит надо. Мы же сами заинтересованы живыми и здоровыми вернуться на Землю, так что единственный выход — терпи и крути. В конце дня нам давали полную объективную информацию о состоянии нашего здоровья, рекомендации по режиму. Мы верили, что ничего страшного с нами не происходит, и плыли дальше.

Настроение было хорошее. Станцию подновили, сами многому научились. Ждали гостей. По программе «Интеркосмос» к нам должны были прибыть для совместного прохождения службы Коля Рукавишников и болгарский космонавт Георгий Иванов.

И вот они полетели. Корабль вышел на орбиту. Мы же принялись еще раз убирать станцию — пропылесосили ее, аппаратуру расчехлили...

У них прошли штатно все коррекции. Мы уже приготовили хлеб-соль. Соскучились по людям. Расскажут обо всех новостях, ну что там наши короткие сеансы связи — в основном все по делу, по протоколу.

Валерий Рюмин
с сыном Вадимом
и дочерью Викторией.

Корабль уже рядом. Примерно в пяти километрах. Все ближе, все отчетливее видим его. На корабле включается двигатель. Но факел... факел почему такой необычный? Как-то резко отклонен в сторону. Быть не может, чтобы двигатель отказал, он на стольких полетах служил верой и правдой, никогда никаких капризов...

Верить не хотелось, но тем не менее дела обстояли так, что стыковку Земля отменила.

Если бы их старт просто не состоялся, мы бы расстраивались, злились: вот, мол, не повезло, придется одним доживать. А тут о себе и не думали, за ребят волновались. Ведь именно этот двигатель обеспечивает спуск с орбиты. Есть, конечно, дублирующий, но уже не было уверенности в нем. Да, мужики попали в трудное положение. При плохом раскладе могли оказаться пленниками космоса.

На Земле всю ночь анализировали положение, чтобы безаварийно посадить экипаж. И мы не спали, перебирали варианты.

И вот 12 апреля. Наш праздник. Обидно так. Да что делать? Не скоро космос станет безопасным. А скорее всего, никогда. Слышим в эфире голос Рукавишникова:

— Заря! Я Сатурн! Идем на баллистический спуск!

Такой спуск не шутка, перегрузки у них будь здоров. В восемь раз увеличивается вес человека! Это, фактически, до ввода парашютов — падаешь, как камень. Мы такие спуски при подготовке проходим, но, как говорится, не дай господи! Давит сильно.

Томительные минуты. И наконец мы видим, как они благополучно идут к Земле.

А наша жизнь осложнилась. Запланированную совместную работу теперь придется выполнять самим. А у нас своих дел невпроворот, и больше никто к нам не прилетит. Наводило на некоторые размышления и то, что у нас на корабле стоит тот же двигатель. А летать еще нужно было более четырех месяцев.

Стали чахнуть растения, которые так хорошо было шли в рост. Выход один: закусить удила и вперед! И работать с утра до ночи, чтобы никакие лишние и ненужные мысли не лезли в голову. Чтобы не мучили сомнения.

Летели дни. Вот уже половину отмахали. Как же человек умеет ко всему привыкать! Я еще раньше, когда в армии служил, удивлялся, что могу спать в танке на марше, под гул и грохот. И здесь привыкли, обжились. Встаем в 8.00 — сигнал есть такой с противным голосом. Сразу из спального мешка — к подогревателю пищи. Пока зарядкой с эспандером занимаемся, и завтрак готов. Бреемся каждое утро электрической бритвой со специальной насадкой для сбора волос. Зубы чистим щеткой с вмонтированной в нее электрической батарейкой. Лицо и руки протираем салфетками, пропитанными специальным лосьоном. В общем, все наказы Мойдодыра выполняем, со скидкой на условия, конечно.

На завтрак уходило 10—15 минут. Различное консервированное мясо, творог в тубах, хлеб, чай или кофе быстрорастворимый, печенье. Всего понемногу. Может, не всегда вкусно, но питательно.

А в 9.30 у нас начиналась работа. Технологические

эксперименты в печах «Сплав» и «Кристалл». Астрофизические наблюдения. Наш субмиллиметровый телескоп — самый большой прибор на станции. Володе тут приходилось ориентировать станцию и точно удерживать ее в нужном положении. Иногда не хватало рук. Приспособился включать один из приборов ногой. Когда не было облачности, работали с МКФ-6 — многозональным космическим фотоаппаратом. У нас был целый набор самой различной аппаратуры для съемок. Были и специальные приборы для исследования Земли, в том числе разработанные болгарскими учеными. В отсутствие Георгия Иванова нам пришлось работать с этими приборами, как говорится, с листа.

После часа работы — физические упражнения. На Земле какая же это радость — размяться! А здесь семь потов сойдет... Пот, впрочем, здесь собирается капельками, их тысячи по всему телу. И убрать этот водяной горох можно только полотенцем.

Обед — суп из тубы, консервированные мясо и соки, молоко или чай по желанию. К обеду был иногда репчатый лук, чеснок. Всегда хотелось соленого. Сладостей на борту было много, но они успехом не пользовались.

Потом работа — исследования и наблюдения часа на два — четыре, а иногда, если нельзя прерывать, и дольше.

И вновь физкультура. Если, допустим, я упражнялся утром на велоэргометре, то теперь на бегущей дорожке. Я никогда не испытывал желания заниматься здесь физическими упражнениями. Каждый раз приходилось себя заставлять. Хотя бы придумать, что в это время еще можно делать, а то глядн в потолок, нудно же. Вот есть у нас такой костюм — «Тонус». Сидишь в нем десять минут, и за это время я успевал два рассказа Зощенко прочитать. И не только себе и Володе, но и смене в ЦУПе. Зощенко действительно тонизировал. А вообще-то мы еще очень далеки от понимания, как действует невесомость... Может быть, надо не все мышцы нагружать, а выборочно. А вдруг наоборот?

Вечером, то есть после ужина (на самом деле и день и ночь за сутки сменяются в космосе 16 раз), по программе было личное время, но, как правило, мы обсуждали прошедший день, эксперименты следующего дня. Взаимный контроль обязателен. Слишком серьезной работой занимаемся. Ошибки могут дорого обойтись. И выяснилось, что мы малоразговорчивые люди. Редко беседовали о чем-то отвлеченном, не связанном с работой. А может, уставали. Вот когда в дни отдыха поговорим с родными, разбередят душу они нам, уже тогда предаемся воспоминаниям вслух.

Работали мы по земному расписанию, в согласии с трудовым законодательством, при двух выходных днях. Хотя один из них был санитарный, пылесосили или мылись. Ох, эта космическая баня! Целый день уходил, чтобы подготовить ее, подогреть воду и все убрать после мытья. Видели, как собаки из воды вылезают и отряхиваются? Вот и мы в этой трубе, что те собаки, так же стряхивали пыль водяную с себя. Но все равно хорошо!

Как-то в сеансе связи комментатор телевидения Саша Тихомиров упрекнул нас в чрезмерной аккуратности, вот, мол, готовимся к телесеансу, все раскладываем, убираем, а ему нужна рабочая обстановка. Его бы сюда! Понял бы, что в космосе «лирический» беспорядок не проходит. Космос любит аккуратность. Мне кажется, что я с закрытыми глазами мог любую вещь найти в станции.

Что касается «готовиться», это да, я до сих пор не привык выступать перед телекамерой. Тут мы грешны, готовились и волновались. Да к тому же у меня иногда буква «р» не получается, даже в космонавты из-за этого не хотели брать, все пытались выяснить, врожденное у меня свое свойство или же в детстве меня с какого-то этажа уронили.

Нам показывали Звездный городок, Москву. Я редко бываю в театрах, концертах. А тут кого только не увидали, даже самого Леонида Утесова. Бодро держится. Стихи нам читал, песни свои, с детства памятные, пел. Были на борту шахматы, телеигры, много музыкальных записей. Аллой Пугачевой мы просто объелись, а вот русские романсы, сколько ни слушай, не надоедали. Но больше всего я любил полистать альбом «Природа Подмосковья». Как мы были благодарны тем, кто, нарушая, наверное, инструкцию, положил эту книгу в грузовик. Вспоминался поселок Загорянка, где жил в детстве, уютные домики, сосны, подступающие прямо к домам, туман над Клязьмой. Или как мы с Наташей и с ребятами жили в палатке на Рыбинском водохранилище. Все время шел дождь, мы таскали ведрами грибы, малину...

Здесь, на фотографиях, все гладко, все красиво... А Клязьма под Болшевом тяжело больна, вся осокой заросла, а дальше у Щелкова просто черная. Я это к тому, что отношение к «небольшому», что рядом с тобой, кажется мелочью, мол, не сказывается на огромном мире. Земля велика... Да нет, не так уж она велика.

В нашей программе есть и изучение биосферы. Причем предметное: совершенствуем методы охраны окружающей среды. Старались, наблюдали, фотографировали, снимали на пленку. Все чаще из ЦУПа нам сообщали: «На следующем витке с вами будет говорить океанолог, а потом представитель объединения «Леспроект». А если будет время, ответьте на вопросы гляциолога». А потом, когда засыпал, снились леса, но не четко. Дождя не видел и не слышал. Видимо, к снам надо иметь севастьяновский талант.

Чтобы мы не грустили о лете, «Союз-34» привез нам контейнер с тюльпанами. Цветы, конечно, не повод для рейса грузовика, просто у нашего «Союза-32» кончался ресурс на орбите. Значит, надо его заменять. А вторая причина заключалась в том, что нужно было проверить доработанную после неудачи двигательную установку. За время, прошедшее после полета «Союза-33», специалисты на Земле выяснили причину аварии, провели сотни стендовых включений доработанного двигателя, и теперь это нужно было подтвердить летными испытаниями.

Мы поменялись с Землей кораблями, отправили посылку с результатами научных исследований, приборами, вышедшими из строя, они нужны теперь для анализа.

Это было, пожалуй, самое плодотворное время. Длительный полет научил нас видеть Землю. Смотреть и видеть — это вещи разные. К примеру, раньше смотришь то в иллюминатор, то на карту... Где это мы? Что это? А сейчас успеваешь «ухватить» объект в считанные секунды.

Больше времени стали уделять визуальным наблюдениям, съемкам. По нашим координатам («Айда на рыбалку»,— говорил Володя) поисковые группы и промысловые суда выходили на рыбные косяки. Все чаще я уходил в переходный отсек, закрывал оба люка, чтобы в темноте снимать на сверхчувствительную цветную пленку с минутными выдержками. Охотился за вторым эмиссионным слоем...

Как мы мало знаем о природе многих явлений! Вот в Индийском океане видели вспучивание воды. Будто два огромных, километров на сто, вала со-

шлись в борьбе. Что это? Нет до сих пор и однозначного объяснения природы серебристых облаков. Тайны, тайны... Сейчас столько говорят об инопланетянах, хотя никто их не видел. Думали, что если уж они есть, непременно увидим... Увы, ничего, хоть сколько-нибудь отдаленно напоминающего корабли пришельцев, мы не увидели. О том, как лучше проводить визуальные наблюдения, нам в сеансах связи рассказывали Георгий Гречко и Юра Романенко. Делились опытом работы Володя Коваленок и Саша Иванченков. А когда наступил наш 141-й день на орбите, они поздравили нас с превышением рекорда длительности. Как верно говорил Коваленок. «В космосе надо уметь настраиваться. Убедишь себя и товарища, что месяц не срок, короче дождливой недели на Земле, и действительно, месяц пролетит незаметно».

А я могу сказать теперь, что двое нормальных людей, я подчеркиваю, нормальных, могут сколь угодно долго пребывать с глазу на глаз, если этого требует дело. И пусть они будут разными по характеру, вкусам и даже не обязательно близкими друзьями.

Вот и пришло время заключительного, очень интересного эксперимента. Последний из «Прогрессов», всего их было три, привез нам в разобранном виде десятиметровую антенну, она называется КРТ-10. Мы смонтировали ее в переходной камере станции и грузовом отсеке «Прогресса». Как только грузовик стал уходить, я дал команду на выдвижение антенны и ее раскрытие.

Телекамера, установленная на отходящем «Прогрессе», передавала на Землю и нам на экран, как «зонтик» размером с трехэтажный дом постепенно раскрывается во втором причале нашей станции. Это было зрелище! Мы гордились своей работой, просто вырастали в собственных глазах!

Начиная с этого дня и до 9 августа занимались радиоастрономическими исследованиями. Получили первые результаты. Наша антенна работала в паре с наземной — 70-метровой антенной в Крыму, образовывая как бы интерферометр с переменной базой. То есть длину его составляло расстояние от наземной антенны до нашей. Подобных экспериментов в мировой практике пока не было. Надо сказать, и сборочные работы подобной сложности на орбите еще никем не выполнялись. А это уже значило, что проложена тропинка к работам еще большей сложности — по сборке огромных конструкций в космосе.

Но вот завершили и этот эксперимент и потихоньку начали сворачивать свои дела. Закрыли технологические печи, за полет выполнили на них более 50 экспериментов. Укладывали биологические контейнеры. Обидно, что тюльпаны не расцвели, так в бутонах и засохли, не поняли они этой невесомости. Везем для исследования. Отрицательный результат — тоже результат.

Последние метры пленки тратили. Снимали Памир в снежных шапках...

Представляли уже, как возвращаемся — знали номер посадочного витка,— как нас встречают, как пахнет степь. Предавались мечтам, как поедем отдыхать. Оставалось только-только отделить антенну от станции, чтобы освободить второй причал и подготовить станцию к беспилотному полету.

Включили телекамеру наружного обзора. Я выдал команды на отделение антенны. Считал, что сейчас сработают специальные пироболты и после этого пружинные толкатели отбросят антенну. Вот сейчас она отойдет, и все. К нашему удивлению, антенна дернулась, но от станции не ушла. На́ тебе! Такого не ожидали ни мы, ни Земля.

Последующий осмотр телекамерой и через иллюминатор показал, что по крайней мере в одном месте антенна зацепилась за крестовину стыковочной мишени. А все ее зеркало мы не могли осмотреть. Зацепленная антенна будет мешать станции летать в беспилотном варианте, у нее не сможет работать система ориентации. Ну, сначала казалось, дунь — и улетит. Пробовали раскачивать станцию. Безрезультатно. Сказали мы по-мужски этой антенне все, что о ней думали.

Думали на Земле, думали мы. Или бросить все как есть и погубить станцию, или все же сделать попытку ее спасти — выйти в открытый космос?

Ну, станция свое отработала. Всю ранее планируемую программу выполнила. Но для чего же так старались мы, ремонтировали, обновляли ее аппаратурную часть? Комплексная проверка всех систем, недавно проводившаяся, подтвердила, что станция в лучшем состоянии, чем до нашего прихода. Правильно, за тем и шли.

А если выйти в открытый космос? Характер зацепа однозначно не определен, одно место видели, а вдруг их много? Скафандры уже два года на борту и до нас уже дважды пускались в дело. К тому же работа на выходе требует больших физических усилий, а мы уже шесть месяцев только машем в невесомости руками и ногами.

Неясностей было много, но и мы и Земля пришли к выводу: надо выходить! На связи с нами — Алексей Елисеев. Всегда он выходит на связь, когда трудно. Спокойный, немногословный. И сейчас коротко сказал, что мы выполнили свой долг, отработали программу и вправе отказаться... Но какое там отказаться! Надо! Стали обсуждать детали этой операции.

В Центре управления полетами наступили бессонные ночи, да и у нас тоже. Мы практически перестали заниматься даже физкультурой. У нас была теперь другая физкультура. Проверяли выходные скафандры, заменяли в них блоки. Пригодился и телеприемник, по нему нам передавали некоторые схемы и варианты наземной проработки этой операции. Пригодился и паяльник, когда срочно пришлось ремонтировать один из пультов.

И наступило это утро. Мы перенесли в спускаемый аппарат возвращаемое оборудование. В основном это были пленки, кассеты магнитных регистраторов, ампулы с фиксируемыми биологическими объектами, результаты наших космических плавок. Это все на тот случай, если бы мы уже не смогли возвратиться в станцию. Такая вероятность ведь тоже не исключалась.

После обеда, подготовив станцию, мы стали облачаться в специальные костюмы, на головы надели шапочки с наушниками, а потом «пошли» в скафандры. При моем некосмическом росте — метр восемьдесят пять! — это не самая простая задача. Володя помогал, а точнее — просто запихивал меня в скафандр.

Открываю люк. Поплыла Земля, Средиземное море. Солнце. Не ветер, его нет, а какая-то сила выталкивает из люка. Подумал, что перед прыжком из самолета все наоборот. Усмехнулся. Ну, значит, дело будет.

В «говорящей» шапке голос Виктора Благова: «Ребята, работайте спокойно, не волнуйтесь». «И вы не волнуйтесь»,— говорю я, говорю больше для жены, зная, как она-то сейчас волнуется.

Выбираюсь на поверхность. Теперь надо открыть специальный поручень. Дергаю. Еще раз. Наконец, «со скрипом» удается его отбросить. Встаю на

якорь, держась за поручень. Вдруг мгновенно, как это здесь происходит, день накрывается ночью. И сразу стали видны огни городов на черном фоне. Это Япония. Если бы я бывал в Токио, то, наверное, опознал бы основные магистрали города. Дальше — темный Тихий океан. И Луны не было. Только звезды. Я поежился. Работать в такой темноте было нельзя, да это и не требовалось. Так около получаса висел «на подножке трамвая».

Но вот на границе Земли и атмосферы появилась тоненькая синевато-зеленоватая полоска. Она быстро увеличивалась, светила уже всеми цветами радуги. Сейчас покажется солнце.

Мы решили начинать. Володя вышел из отсека. Я разворачиваюсь и начинаю двигаться к антенне, а он теперь занимает мое место. Он выбирает фал. Володя должен был предупреждать меня и о поведении антенны, подстраховывать... И если бы со мной что случилось, он затащил бы меня в отсек.

Вот и торец станции. Антенна висит, вижу, что, кроме «мертвого» предполагаемого зацепа, есть и другие. Металлические спицы вошли в мягкую обшивку станции, расклинили ее. Да, работка!

Рассказываю об этой ситуации Володе. С Землей сейчас связи нет. Решаем, что надо перекусить четыре стальных тросика. А там посмотрим. Действовать надо осторожно, а то антенна накроет меня, как сетью.

Вздохнул и, выбрав из привязанного к перчатке инструмента нужный, медленно начал. Приблизился к тросику, толщина его около миллиметра и натянут, как струна. Примерился и... щелк, но звука не слышал — только антенна, эта махина, дрогнула и быстро пошла прямо на меня. Слышу в наушниках — Володя кричит: «Осторожно, вправо!» Еле успел увернуться. Постепенно колебания затихли. Обрезал второй тросик, и антенна опять качнулась, но в другую сторону. И так все четыре. Эти уже спокойно. Прием отработал. Однако антенна покачалась, покачалась, но не отваливает. С собой у меня была длинная, метра полтора, палка с усами. Отдыхаю. Затем наклоняюсь, поддеваю антенну этой палкой и со всей силой, резко отталкиваю ее от станции по направлению к Земле. Пошла!

И тут мне очень захотелось вернуться в станцию. Уж слишком удачно все вышло. Как-то неправдоподобно даже. Честно говоря, я очень сомневался, что все получится. А теперь... Нет, еще нельзя уходить — надо осмотреть станцию. Да, поработал над ней космос, поизмывался, обшивка кое-где порвалась, выцвела. Салфеткой вытер пыль с иллюминаторов — и в карман: на Земле, думаю, эта пыль доставит специалистам удовольствие. Собрал и образцы материалов и покрытий, которые оставила предыдущая экспедиция,— тоже для анализа.

Тут начался сеанс связи. Представляю, каково на Земле им было ждать. Докладываем, что антенны нет. А в ответ тишина, не верят. Это потому, что все сделали быстрее, чем планировали. Земля запросила нас снова, и мы снова подтвердили, что идем назад, что почти у люка уже, а антенна гуляет в космосе. И тут в Центре управления полетом грянули такие аплодисменты, что можно было подумать — там огромный зрительный зал. Теперь домой!

Если бы не эта незапланированная «большая прогулка», свой день рождения праздновал бы на Земле. А так пришлось поддержать традицию. Кто же это у нас на орбите отмечал свои дни рождения? Севастьянов, Климук, Иванченков, а недавно мой Володя Ляхов. У меня круглая дата — 40 лет. Целый день принимал поздравления.

— Хороший ты подарок себе преподнес вчера,— сказал мне оператор связи.

«Такой подарок, так лучше никаких»,— подумал я, но промолчал. Им там ведь вчера тоже не меньше досталось.

ЦУП я знаю не с орбиты. Сам варился в этом котле. И скажу, что с такой самоотверженностью, преданностью делу мало, наверное, где работают. Нас в космосе двое, их там много больше. И груз у них на плечах такой, что, переложи его на плечи космонавтов, и полет не состоится. Мы спим ночью потому, что на Земле они не спят. Что-то не получилось в эксперименте, всех специалистов на ноги поднимут, но к утру, будьте уверены, решением помогут. Да что говорить, бывали они, верно, нами и недовольны, но только мы этого никогда не чувствовали. А двенадцать часов смены кого хочешь измотают.

Я узнавал их по голосам, зримо представлял, как они надевают гарнитуры для связи, смотрят на часы, готовясь к сеансу, как, отложив свои заботы на потом, докладывают по цепочке: «К работе готов». Я люблю этих мужиков. Жаль, что журналисты так мало о них пишут.

Итак, мне сорок. Вообще-то к своему возрасту я отношусь ненапряженно. Здоровьем бог не обидел, друзья есть. С женой повезло. Ей со мной, наверное, меньше. Слишком все понимает про полеты. Одна у нас специальность.

Может, иногда я слишком требователен к людям, да бываю резок, не со всеми в ладах. Да уж вряд ли смогу измениться.

Итак, к исходу своей четвертой декады я завершил главное, что мне пока удалось.

Написал эти слова и засомневался. Неужели личное участие в космическом полете — это самое главное? Что говорить, я стремился, очень стремился полететь. Это настоящее мужское дело. Интересное и трудное. Здесь требуется выложить все, чему ты научился, может быть, за всю жизнь. Каждый инженер хочет увидеть, ощутить, как работает в реальных условиях техника, в разработке которой он принимал участие. Надо было проверить свои личные идеи. И на себя со стороны взглянуть. Честолюбие тоже, наверное, сыграло не последнюю роль. Быть допущенным к космическому полету, да еще такому, как наш, значит, ты чего-то стоишь! Одно слово — «космонавт»!

Но вот думаю, справедливо ли говорить о профессии «космонавт». Летчик-испытатель, например, два раза в неделю обязательно летает, постоянно свои навыки поддерживает. А в жизни космонавта был полет, два, ну, максимум три, и все. А потому представляется, говорить о том, что мы по профессии космонавты, можно лишь с большой оговоркой.

И несправедливо считать сам космический полет главным делом твоей жизни. Жизнь велика, а полет, пусть даже такой долгий, все же событие, хоть и важное, большое, но быстротечное. И пусть в нем сфокусирована вся жизнь, это событие, а не дело жизни. Дело моей жизни — космонавтика. Я живу и работаю, чтобы моя страна, давшая миру первый спутник и Гагарина, имела сильный и развитый космический флот, который бы людям приносил пользу.

А для этого всем нам, работающим на космонавтику, надо хорошо знать свое дело и делать его хорошо. А перспективы для тех, кто выберет себе этот путь, кто пойдет за нами, кажутся мне бескрайними. Как Вселенная с орбиты.

На этом снимке с телеэкрана вы видите Леонида Попова и Валерия Рюмина (на лервом плане, держит в руках огурец) на борту космической станции «Салют-6». В завершение своей лубликации Валерий Рюмин хотел бы добавить из космоса вот что:

— Не собирался я лететь в этот раз. После отдыха, находясь за бортом тренажера, готовил новый экипаж — командир Леонид Попов, бортинженер Валентин Лебедев. Был, если так можно сказать, играющим тренером. И вот уже оставался месяц до старта, когда на одной из тренировок Валентин травмировал ногу, да так, что понадобилась операция.

Ну, руководство наше поломало голову, кого послать за бортинженера, и предложили мне — тем более что я по возвращении из космоса говорил, что мог бы еще поработать там. А с Леней Поповым мы знакомы давно. Готовились по одной программе. Замечательный он парень, умница и специалист классный. А когда провели несколько совместных тренировок, стало ясно, что и к делу нашему имеем одинаковый подход, это очень важно. Мне с ним здесь легко и просто.

А вот станция заметно «постарела» за этот год, много времени отнимает ремонт. Мы с Леней жалеем, что у нас только по две руки. Зато руки эти так набиты уже, что работа идет, быть может, даже продуктивнее, чем в прошлый раз. Событий особых нет. И хорошо, что нет. Все по плану — выполняем программу. Обнаружили, правда, недавно муху — маленькую, тощую. И откуда взялась? Подкармливаем нашу Феклу, так мы ее прозвали, пусть живет подольше, все-таки живое существо.

В первом своем репортаже я показал большущий огурец — вот, мол, какой вырос в космосе, пока тут никого не было! Хотел ребят из ЦУПа рассмешить. И биологов подразнить...

Смотрю в иллюминатор — уже лето на подходе. А домой еще не скоро. Хотя мало ли что космос выкинет на этот раз!

А в общем, работа как работа.

●

ВИТАЛИЙ ГОРЯЕВ,
народный художник РСФСР

ВСПОМИНАЯ НАЧАЛО ПУТИ...

«Юности» — двадцать пять лет. За эти годы в журнале родилось много добрых традиций. Одна из них — дружба с молодыми художниками, заинтересованное участие в их судьбе. Если бы сегодня собрать все работы, которые экспонировались на ставших такими популярными стендах «Юности», они едва ли уместились бы в Манеже. Десятки живописцев, графиков, скульпторов, прикладников стартовали с наших скромных «стендов».

До сих пор памятны мне многие из этих дебютов.

1963 год. Иван Бруни и Май Митурич, только что вернувшиеся из Восточных Саян, развешивают в редакции свои рисунки и акварели, сделанные в поездке по сказочно красивому горному краю.

Год спустя — творческий отчет Николая Воробьева и Андрея Голицына, которые побывали в Анадыре, на Мысе Доброй Надежды.

Потом «Юность» радушно принимала молодого бурятского художника Владимира Уризченко, показавшего интересные работы.

Огромным успехом пользовалась выставка выдающегося литовского графика Стасиса Красаускаса. Одна из его работ стала эмблемой нашего журнала.

Школу «Юности» прошли такие теперь широко известные мастера, как Игорь Обросов, Олег Вуколов, Анатолий Чернов, чьи выставки стали заметным событием в культурной жизни столицы. Их творческая дружба с журналом продолжается уже многие годы.

Помню дебют Олега Комова. Он принес тогда в редакцию свои мелкие скульптуры, с которых началось творчество этого замечательного художника. В них уже виделся будущий монументалист. Думаю, что выставка в «Юности» была важным этапом на его творческом пути, который отмечен созданием таких значительных произведений, как памятник Пушкину в Молдавии, Калинине, Болдине, памятники Репину, Салтыкову-Щедрину, Андрею Рублеву. Особенно значительна последняя по времени работа О. Комова — памятник Венецианову в Вышнем Волочке — живой, теплый, величественный.

Запомнились и выставки последних лет, на которых свое творчество демонстрировали молодые азербайджанские художники Олег Ибрагимов, Ариф Гусейнов, Ариф Азизов, дагестанец Хаджи-Мурат Алиханов, таджикские живописцы Савзали Шарипов и Любовь Фроликова, белгородец Станислав Косеиков и москвич Евгений Мациевский. Уже этого далеко не полного перечня достаточно, чтоб увидеть, как широка, поистине всесоюзна география «стендов».

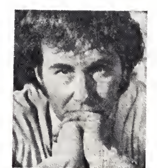
Мне посчастливилось быть среди тех, кто создавал «Юность», кто закладывал фундамент сегодняшнего многомиллионного по тиражу журнала, разрабатывал принципы, на которых он строится. Помню давний разговор с Валентином Катаевым. Речь шла о том, что «Юность» должна открывать новые имена не только в литературе, но и в изобразительном искусстве.

Начали с привлечения художников к оформлению, иллюстрированию журнала, пришли к выставкам и творческим командировкам по заданию редакции.

Стенды «Юности» не просто экспозиции работ молодых художников. Это прежде всего школа профессионального, гражданского воспитания. Это обсуждения, дискуссии, споры, советы старших, анализ показанного. Поэтому они позволяют активно влиять на формирование будущих мастеров, помогают им расти, совершенствоваться. Здесь поощряются поиски, дерзания, здесь ценится творческая индивидуальность, стремление ярко и глубоко отражать нашу действительность, активность позиции и широта интересов.

Выставки в «Юности», организуемые совместно с Союзами художников СССР и РСФСР, давно уже обрели прочный авторитет. Без них теперь так же трудно представить журнал, как и без цветных вкладок, пропагандирующих лучшие образцы советского и мирового искусства, творчество молодых.

Думаю, что читатели согласятся со мной, познакомившись с вкладкой юбилейного номера. Ее авторы в разные годы дебютировали в «Юности», отсюда начав свой путь в искусстве.

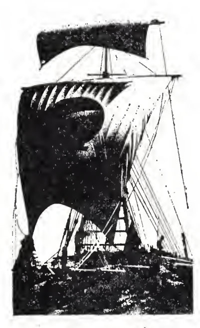

ВЛАДИМИР РЕЦЕПТЕР

Петр и Меншиков

(Драматическая сцена)

МЕНШИКОВ. Звал, государь!.. Я весь перед
тобой!..
ПЕТР. Не ври, не весь. Какими новостями
порадуешь!
МЕНШИКОВ. Есть новость под рукой!..
ПЕТР. А если есть, не прячь за рукавами.
МЕНШИКОВ. С прибытьем!..
ПЕТР. Много ль брал за рукава!..
МЕНШИКОВ. Клянусь тебе, мой франт...
ПЕТР. Молчи, собака,
вор, сволочь!.. Канцелярия права,
давно пора прислушаться!..
МЕНШИКОВ. Однако!..
ПЕТР. Я как тебе велел каналы рыть!
МЕНШИКОВ. Каналы!.. На Васильевском!
ПЕТР. Так точно.
МЕНШИКОВ. Уж побывал!.. Ну царь!..
Вот это прыть!..
ПЕТР. Все порчено!.. Все узко!.. Все непрочно!..
А в Новгороде полковой припас
погнил к чертям, лопатами сгребали!..
МЕНШИКОВ. Петр Алексеич!..
ПЕТР. Почему не спас,
не спомнил!!
МЕНШИКОВ. Утоли мои печали...
ПЕТР. А — сто рублев бревно — дубовый лес
у Ладоги в песке застрял без сдвига!..
Все подлый, зарукавный интерес...
МЕНШИКОВ. Петр Алексеич!..
От кого интрига!!
ПЕТР. Недобрано полсотни тыщ рекрут!
Из них за взятки спрятано не мало!..
МЕНШИКОВ. Сбавь, государь!..
ПЕТР. Не сбавлю!..
МЕНШИКОВ. Больно крут!..
Цифирь по всей Руси, а мне попало!..
ПЕТР. А двадцать тыщ в бегах!..
МЕНШИКОВ. Господь с тобой!
ПЕТР. А ты, собака, деньги переводишь
в Лондонский банк!..
МЕНШИКОВ. Навет! Навет! Разбой!..
ПЕТР. Заслуги помню, но... По краю ходишь.
МЕНШИКОВ. Стой, Алексеич!..
Что тебе не врут!..
Коль ты с цифирью, я к тебе обратно:
Шесть с поповиной сотен тысяч пуд
есть чугуна — сочти-ка!.. Неохватно!
Пудов до тыщи меди в энтот год
наплавили, чай, спорилась работа!..
Большая стройка — и большой отход! —
а все на пользу армии и флота,
все русские заводы, все старанья
князь Меншикова...
ПЕТР. Ты смотри, подлец!
Остановил-таки!.. Откуда знанья
вперед меня!
МЕНШИКОВ. Проведал, мой отец!..
Матросов полтора десятка тысяч,
две тыщи с сотней пушек — ты считай!..
Триста галер...
ПЕТР. Тебя бы надо высечь,
да хороша цифирь! Где взял!
МЕНШИКОВ. Случай!..
Кто доносил-то!.. Впрочем, есть кому!..
Растут вокруг царя, как шампиньоны.
ПЕТР. Нет, князь! Поди пошарь в своем
дому!
МЕНШИКОВ. Тьфу, господи прости!
Кругом шпиёны!..
Ну ладно, разберемся...
ПЕТР. Разберись.
МЕНШИКОВ. Хотел еще сказать...
Под Фридриксхсгале...
Застрелен Карл Двенадцатый.
ПЕТР. Окстись!..
МЕНШИКОВ. Так, истинно...
ПЕТР. Не ждал...
МЕНШИКОВ. И все не ждали...
ПЕТР. Простил, простил,
я все ему простил!
Прости, господь!.. Без муки!..
МЕНШИКОВ. В одночасье...
Споткнулся будто, и упал без сил.
ПЕТР. Вот, умер враг, а пусто,
как в несчастье.
Нет ни врага, ни друга...
МЕНШИКОВ. Государь!..
ПЕТР. Молчи, не рассуждай, оставь в покое!
МЕНШИКОВ. Пойдем ко мне!.. Пойдем!..
Пойдем, как встарь!..
Пойдем, завьемся!..
ПЕТР. За что ж такое!..
Что это за созданье — человек!..
И где погибель стережет монарха!..
Ах, век короток!.. Ах, короток век!..
Где истина!! У князя! У монаха!!
Постой, ему ведь было...
МЕНШИКОВ. Тридцать семь.
ПЕТР. На приступе!..
МЕНШИКОВ. Нет, говорят, в траншее —
картечина...
ПЕТР. Ведь молодой совсем!..
А, впрочем, может, молодым лучшее...
МЕНШИКОВ. Петр Алексеич!..
Душу не томи!..
Уйдем на волю от тоски и сплёток!
ПЕТР. Прошу, прошу — да будьте вы
людьми!..
Короток век, короток век, короток!..

ТУР ХЕЙЕРДАЛ

ЭКСПЕДИЦИЯ «ТИГРИС»

Выходя из устья Шатт-эль-Араба в Персидский залив, Тур Хейердал знал, что заносит руку на господствующие в науке мнения, будто ладьи из берди плавали только по рекам. Но для того и был задуман эксперимент, чтобы показать, что речь шла о мореходной конструкции.

Однако Тура Хейердала подстерегали трудности, которых не знали шумеры. В последние годы изменилась метеорологическая обстановка, начали бастовать ветры, прежде известные своим постоянством. И на всем пути через залив и дальше ладье угрожало столкновение с нефтяными вышками и идущими сплошной чередой современными танкерами и сухогрузами.

За устьем Шатт-эль-Араба на помощь пришли моряки советского теплохода «Славск» во главе с капитаном Игорем Усаковским. «Славск» вывел «Тигрис» за пределы рейдовой акватории, а затем капризные ветры понесли ладью к острову Файлака, лежащему в стороне от нужного экспедиции курса. Правда, Файлака представляет для историков огромный интерес: некоторые ученые полагают, что он входил в состав легендарной страны Дильмун, с которой торговали шумеры.

Незадолго до нашего старта я побывал в Кувейте, которому принадлежит остров Файлака, и специалист по археологии Файлаки Имран Абдо открыл для меня музейные витрины. Я увидел бесценные печати с выгравированными на них сценами из шумерской и вавилонской мифологии. Такими печатями клеймили товар купцы, посещавшие Файлаку во времена дописьменной истории. Я приметил мотив, который для меня был куда важнее легендарных встреч между шумерскими полубогами и царями. Корабль! Серповидный корабль с мачтой и с поперечной штриховкой на корпусе, изображающей крепления камышовой конструкции вроде нашей.

Я увлеченно продолжал разглядывать древнюю печать. Абдо, голубоглазый палестинец, три десятка лет занимающийся исследованием местных древностей, смотрел на меня с удивлением. Разве я не знал, что Файлака был одним из древнейших центров мореходства? На острове найдены свидетельства весьма давних связей не только с близлежащими Двуречьем и Бахрейном и не только с далекой долиной Инда, но даже с Древним Египтом...

Осмотрев всю коллекцию, мы с Абдо отобрали пять файлакских печатей с четким изображением судов. Пять серповидных камышовых кораблей с мачтами. На одном из них сидящий на корме человек держал в руках пропущенный через верхушку мачты фал от большого плетеного паруса. На другой печати два человека, стоя по обе стороны мачты, удерживали над головой нижнюю шкаторину зарифленного паруса. Все пять печатей с кораблями датировались приблизительно 2500 годом до нашей эры.

Мало того, что остроконечные корма и нос кораблей на файлакских печатях загнуты высоко вверх, как у нашего «Тигриса» и у древних камышовых лодок на островах Средиземноморья,— на носу с обеих сторон торчит по длинному кривому рогу. На самых совершенных изображениях видно, что речь идет именно о рогах, на более упрощенных — нос просто разветвляется на три части. Я еще раньше отметил эту своеобразную деталь на многочисленных египетских иероглифах и на месопотамских печатях. Когда родилась первая известная нам письменность, тройчатая оконечность загнутого кверху носа послужила прообразом для знака, отвечающего слову «корабль» в древнейшей шумерской иероглифике. И этот же знак, как

Продолжение. Начало см. в № 6 за 1980 год.

установили ученые, обозначал у древних египтян понятие «морской». Добавим, что у шумеров одно и то же слово обозначало «нос корабля» и «рог».

Здесь крылась какая-то связь, и она начала проясняться для меня, когда Имран Абдо показал мне такие же «рога» на файлакских печатях и добавил, что в прошлом в здешних местах было принято укреплять на носу корабля череп газели — либо настоящий, либо вырезанный из дерева.

Три из пяти файлакских печатей отличает весьма необычный способ изображения серповидных кораблей. Изгиб палубы совпадает с вогнутой спиной газели, так что животное и судно сливаются воедино. Гордо поднятая рогатая голова вместе с шеей соответствует высокому носу судна; задранный кверху хвост совпадает с кормой. Мачта опирается на спину газели, поэтому команда одновременно плывет на корабле и едет верхом. В одном случае, как уже говорилось, два человека по бокам мачты удерживают над головой зарифленный парус.

Плывущие на судне и в то же время едущие верхом на газели люди — общий для упомянутых трех печатей мотив. Возможно, речь идет о символе, передающем волнообразное движение. Как бы то ни было, сочетание корпуса парусного судна с туловищем животного — особенность, столь же специфическая и неповторимая, как отпечаток пальца, то есть повториться-то она могла, но только при каком-то общении между проектировщиками судов. Необычное сочетание поразило и заинтриговало меня в первый же раз, когда я увидел его в научном труде о египетских иероглифах. В тексте говорилось, что суда — один из самых распространенных мотивов среди наскальных изображений додинастического периода, обнаруженных в пустыне между Нилом и Красным морем. Оттого, готовясь к путешествию на «Тигрисе», я и пригласил Германа Карраско вместе со мной посетить высохшие русла в каньонах Верхнего Египта — в а д и, чтобы поискать в них еще какие-нибудь данные о древнем судоходстве.

Когда глубокие пески и груды камня остановили «джип», мы с Германом продолжили путь пешком в сторону Красного моря. Немало писалось о том, что пустынные в а д и, к которым мы вышли, изобилуют древними наскальными изображениями судов и лесных животных. Мы убедились в этом своими глазами. Многие изображения не публиковались раньше, но ряд был все тот же: антилопы, водяные козлы и другие длиннорогие копытные, жирафы, львы, крокодилы, страусы. Помимо животных, охотники с собаками и множество судов. Суда и лодки всевозможных размеров. Одни приводились в движение веслами, другие парусами.

Все суда хорошо знакомого нам по додинастическому искусству типа серповидной формы, связанные из камыша. Судя по числу весел — до двадцати и даже до сорока,— некоторые корабли достигали внушительных размеров; в нескольких случаях численность изображенной на палубе команды составляет пятьдесят и больше человек. На многих показаны две рубки — впереди и позади мачты. Иногда на палубе изображен рогатый скот или другие крупные животные, причем они кажутся совсем маленькими перед транспортирующим их кораблем.

Осмотрев вместе с Германом вади Абу-Субейра — широкий пустынный каньон между Асуном и Красным морем,— я лишний раз убедился, что развитый водный транспорт играл важнейшую роль в области Красного моря задолго до того, как человек одомашнил лошадь и изобрел колесо. В полной ли мере оценена суть того, о чем может поведать доисторическое искусство этого края? Суда строили и рисовали задолго до появления колесных экипажей, крепостей и храмов. Большие суда типа плотов позволяли человеку передвигаться, не страшась врагов и диких зверей, в те далекие прошлые времена, когда здесь простирались полные опасностей леса, когда не было ни дорог, ни обнесенных стенами городов-государств. Дикие животные и корабли — вот что занимало воображение художника в тысячелетия, предшествующие фараонам.

Сухие долины ведут к Нилу. Однако расстояние, отделяющее наскальные изображения от Красного моря, совсем невелико, а прежде, быть может, было и того короче. К тому же не исключено, что высохшие русла принадлежали рекам, которые из лесов стекали к морю. Поднятия суши, связанные с тектоникой Рифт-Валли, вещь вполне вероятная. Обводы додинастических судов убедительно говорят о том, что они были мореходными. Изящно загнутые вверх корма и нос, как на «Тигрисе», а подчас еще выше,— несомненные признаки конструкции, рассчитанной для моря. Конечно, такие суда годились и для внутреннего плавания, скажем, на том же Ниле, но первоначальные творцы этой модели думали отнюдь не о барже или плоте для перевозки грузов, животных или людей по тихой реке. Они создавали судно, с легкостью газели прыгающее через морские волны, как мы на «Тигрисе» прыгали и скользили через пенящиеся гребни. Динамичное сочетание парусника и газели, символизирующее легкий бег по волнам,— эта композиция выделялась мастерством среди всех виденных мной древних петроглифов на скалах в а д и.

Некто, знакомый с этой искусной композицией, совершил до нас прыжок из области Красного моря на Файлаку. Три печати с мотивом, повторяющим судно-газель египетских петроглифов,— поистине отпечатки пальцев. И вот теперь мы сами приближались к Файлаке...

Норман крикнул с мачты, что видит на горизонте рассыпанные по берегу острова тусклые огоньки.

Я скомандовал развернуть судно на сто восемьдесят градусов и спустить парус, чтобы отдать якорь с носа, где широкие полосы буйволовой кожи предохраняли бунты от повреждения тросом. Детлеф с помощниками уже стоял на носу, держа наготове якорь. Ребята ловко управлялись со шкотами, фалами и брасами, и вот уже парус собран на рее, можно бросать малый якорь. Безупречное взаимодействие! Часы показывали 22.30.

Через несколько секунд с носа донеслись какие-то возгласы. Шум волн не позволял разобрать слова. Стоявший на крыше рубки Норман сказал, что мы, похоже, потеряли якорь. То же самое прокричал откуда-то спереди Эйч-Пи. Что за неуместные шутки, когда перед нами рифы! Я отказывался поверить услышанному, пока вынырнувший из темноты Детлеф не доложил, что якорный трос лопнул.

— Живо! Второй якорь!

К счастью, на корме у нас лежал в запасе другой якорь, поменьше. Карло и Детлеф уже полным ходом готовили его. Мы проверили и перепроверили все узлы. Я снова и снова твердил:

— Смотрите, чтобы все было в порядке! Больше нам нечем зацепиться за дно!

Пошел за борт второй якорь. «Тигрис» начал выходить из полосы заштиления, ветер нажал на высокую корму и нос, и мы стали набирать скорость. Якорь явно не зацепился за дно. Кто-то негромко предположил, что, может быть, и этот якорь потерян. Остальные молчали. Детлеф подергал трос и решил выбрать слабину. Из черной воды вынырнул оборванный конец. Мы продолжали молча смотреть. Детлеф застыл, не находя слов. Молодой немецкий капитан, привыкший нажатием кнопки выбирать

многотонные якорные цепи, стоял с потерянным видом, держа в руке обрывок каната.

Мы лихорадочно соображали, что еще можно привязать к тросу, чтобы остановить снос. И ничего придумать не могли.

Увеличивая скорость, «Тигрис» шел прямо на поджидающую нас непрерывную цепочку скал, и никакие маневры рулевыми веслами не помогали. Мы отчетливо различали тусклые огоньки на невидимом берегу Файлаки. Скоро они выстроились вдоль всего горизонта перед нами — ни справа, ни слева не обойти, хотя бы и под парусом.

При дневном свете мы бы видели сушу. Попытались бы высмотреть участок поровнее и править туда. Возможно, среди рифов есть проход, хотя лоция и утверждает, что с этой стороны к берегу подойти нельзя. Но сейчас царила ночь, стрелка часов приближалась к двенадцати. Напоремся на скалы прежде, чем увидим их. Потерпим крушение в полной темноте.

И все же у нас нет причин для паники. Наша конструкция самая безопасная в таком положении. Веревки и камышовые бунты могут быть растерзаны, но нас они спасут от гибели на камнях. Слава богу, что мы подходим к бурунам не на дощатой лодке. Тогда нам всем пришлось бы худо.

Судя по всему, наше гордое суденышко обречено, разве что удастся отстроить его заново. И это еще до того, как оно получило возможность по-настоящему проявить себя. Что говорить, было бы куда лучше, если б мы хоть что-то видели. Но мы словно одиннадцать слепцов. Попробуй проплыть между рифами или выпрыгнуть на скалу, когда без фонаря собственных рук и ног не видно.

Оставалось только одно. Возможно больше затормозить снос. Удастся — может быть, оттянем крушение до рассвета. Да и удар о камни будет слабее.

— Отдать плавучий якорь!

Он висел наготове на краю мостика у моих ног. Плавучий якорь представляет собой всего-навсего длинный конусообразный мешок из грубой парусины, нехитрое устройство, которое волочится по воде, позволяя дрейфовать кормой или носом к ветру, когда шторм вынуждает убрать паруса. В вершине конуса — отверстие для пропуска воды.

Пошел за борт плавучий якорь, и сразу будто включили мощный тормоз. Настолько мощный, что снос совсем прекратился. Огни на острове перестали смещаться, мигалка маяка тоже. Никогда еще я не видел, чтобы плавучий якорь работал так здорово. Развернувшись высокой кормой к ветру и частой волне, мы застыли на месте в кромешной тьме. Никто из нас не подозревал, что кругом совсем мелко и парусиновый мешок зацепился за дно. Вместо того, чтобы плавать у самой поверхности, он, качаясь в ложбинах между волнами, загребал рыхлый грунт. Наполнился илом, отяжелел и зарылся в густое месиво.

Редкие тусклые огоньки на невидимом берегу скорее всего были керосиновыми фонарями, вроде наших. А где фонари, там дома или хижины. Мы находились достаточно близко, чтобы с берега могли заметить наши огни, и я несколько раз передал сигнальным фонарем SOS. Ответа не последовало. В черном ночном небе над Файлакой слева можно было рассмотреть едва заметное зарево от огней современного города: Эль-Кувейт в 30 милях от нас. Над нами выше облаков прогудел самолет.

От консорциума в лице Би-би-си мы получили портативную радиостанцию для передачи репортажей с борта. Зная, что на кувейтской береговой радиостанции, расположенной по ту сторону Файлаки, установлено круглосуточное дежурство, Норман попробовал связаться с ней. Никакого ответа.

Мы расписали дежурство на остаток ночи — по два человека на вахту — и спали одетые, подложив под голову спасательный нагрудник вместо подушки. Плавучий якорь умерил нашу тревогу. Отчасти. Норман скатал свой матрац и извлек из ящиков, на которых спал, другую рацию, которую он взял на время плавания у своего друга-радиолюбителя, поскольку не очень-то полагался на аппаратуру, полученную от консорциума.

Около шести утра мы начали смутно различать контуры Файлаки Длинный безлесный остров, совсем низкий — наивысшая точка всего 12 метров. Мы рассмотрели три малых судна, стоящих на якоре. Вероятно, моторные д а у. Судя по всему, нас разделял риф. Одно судно снялось с якоря и осторожно, словно маневрируя по сложному фарватеру, тронулось в путь. В бинокль было видно, что команда наблюдает за нами. Однако, выйдя на открытую воду, судно повернуло в другую сторону и скрылось за островом. На берегу ни души.

Норман наконец лег спать, устав посылать вслепую в эфир сигналы SOS. Детлеф отказывался ложиться, словно чувствовал себя виноватым в том, что мы потеряли якорь. Стоя на мостике, он колдовал над маленькой рацией и вдруг услышал слабый голос, твердивший: «Тигрис, Тигрис, Тигрис» — после чего следовали какие-то совершенно непонятные слова. Детлеф подозвал Рашада, однако тот сразу сказал, что это не арабская речь. Но тут оба отчетливо различили слово «Славск».

В два прыжка Юрий очутился на мостике. Однако «Славск» уже замолчал Тишина. Поднялся Норман, стал вызывать: «Славск! Славск! Славск!» Внезапно чей-то голос ответил. Капитан Игорь! Да так громко, что мы все услышали. Сияя от гордости и радости в лучах восходящего солнца, Юрий переводил: «Славск» снимается с якоря, Игорь запрашивает наши координаты. Заодно капитан «Славска» предупредил Юрия, что сегодня в этой части залива ожидаются южные ветры скоростью до десяти метров в секунду.

Весело рассаживаясь вокруг стола, чтобы отдать должное приготовленной Карло воскресной овсянке, мы вдруг ощутили предсказанный капитаном Игорем ветер. Нас несло теперь прямо на остров — стало быть, врежемся в риф раньше, чем подоспеет «Славск».

Впрочем, у нас был другой выход. Если поставим парус и поработаем рулевыми веслами, можно, принимая ветер справа, идти параллельно берегу. Этот курс приведет нас в тридцатимильную полосу мелей и рифов, отделяющую Файлаку от иракского материка. Сумеем благополучно пройти между рифами — нас выбросит на описанный в лоции «заболоченный низменный берег», и камышовая ладья не пострадает. От Ирака до Кувейта побережье мало чем отличается от того, что мы видели в устье Шатт-эль-Араба. Единственная проблема — отсутствие на борту оружия. А мы взяли курс на те самые берега, о которых в «Лоции Персидского залива» говорилось, что на них рискованно появляться без вооруженной охраны.

Приливное течение набрало полную силу, ветер тоже прибавил. Мы не стали выбирать плавучий якорь, чтобы не слишком удаляться от места, которое сообщили «Славску». Шли левым бортом к острову, испытывая сильную бортовую качку. Рашада и Асбьёрна совсем укачало. Герман забрался в рубку и уснул. В ложбинах между волнами было так мелко, что мы видели густые клубы поднятого со дна серого ила.

Все так же ни души на берегу, но в бинокль можно было разглядеть несколько круглых холми-

ков — вероятно, доисторические могильники. Если древние мореплаватели причаливали к острову с этой стороны, они в совершенстве владели искусством судовождения, разве что рифы и мели образовались здесь в более поздние времена.

Около полудня на восточном горизонте черной точкой показался «Славск». Через полчаса с парохода спустили моторную шлюпку, и она вприпрыжку направилась к нам по зеленым волнам над отмелью. Корабль бросил якорь на глубокой воде в трех милях от нас, у самой кромки мелей. На носу шлюпки, уверенно направляя ее, стоял капитан Игорь. Море обдавало каскадами соленых брызг нашего друга и его товарищей, одетых в оранжевые спасательные нагрудники. Широко улыбаясь, раскинув руки, он вскочил на камышовые бунты и заключил нас в свои объятия.

— Отец мой!

— Дедушка![1].

Мы убрали парус. Все были счастливы. Стоя в оранжевой шлюпке, парни в оранжевых нагрудниках принялись выбирать плавучий якорь, который спас нас от крушения в ночной темноте. Наполненный до краев сероватым илом, он был тяжелый, как свинец. Как только его освободили от ила, нас стало быстро сносить вместе со шлюпкой. Русские запустили мотор, чтобы вести нас на буксире. Однако ветер напирал на высокие дуги ладьи с такой силой, что мотор не помог и вышло наоборот: «Тигрис» потащил шлюпку за собой. Поначалу это было не так заметно, поскольку мы шли носом к приливному течению. Капитан Игорь и его дюжий старпом втиснулись вместе с нами за стол, на котором стояла солонина с горохом. Мы обедали в радужном настроении, внушая себе, что теперь все будет хорошо. Однако вскоре стало совершенно очевидно, что шлюпка дрейфует вместе с нами вдоль побережья к самым коварным отмелям у восточных и северных подступов к Файлаке. Дома на берегу на глазах смещались влево, а высокий маяк на маленьком островке начал уходить за горизонт. Нам приходилось все сильнее напрягать зрение, чтобы рассмотреть «Славск», а затем он и вовсе пропал из виду. Скорость ветра возросла до двадцати метров в секунду.

Откуда ни возьмись появилась вдруг дау, на вид немудреная, зато мотор мощный и малая осадка. Мачта давно спилена. Подойдя к нам, дау стала кружить за пределами слышимости. Хотя на борту суденышка было много людей, они явно опасались приблизиться.

Мы накачали воздухом трехместную резиновую лодчонку, которую везли с собой для киносъемок. Асбьёрн сел на весла и вместе с Рашадом отправился на переговоры. Вернувшись, Рашад сообщил, что команда дау запрашивает триста кувейтских динаров, иначе говоря, тысячу долларов с лишним за то, чтобы отбуксировать нас к «Славску».

Я был готов поторговаться, но Игорь и слушать не хотел, велел Рашаду грести обратно и предложить шесть бутылок водки и два ящика вина. Ребята опять направились к дау, однако возвратились с отрицательным ответом: там одни мусульмане, вина не пьют. Тем временем команда дау уразумела, что́ с нами приключилось, приблизилась, прошла рядом с ладьей и, не возобновляя переговоров, удалилась курсом на восток. Отойдя почти к самому горизонту, они, насколько мы могли судить, занялись ловом рыбы.

Немного погодя Игорю передали, что мы, согласно радиолокатору «Славска», ходко приближаемся к опасному району. Течение нажимало вовсю. В ложбинах между уже высокими волнами клубились облачка донного ила.

Между тем со стороны Кувейта показалась вторая дау. Если команда первой смахивала на рыбаков, то эти люди выглядели настоящими разбойниками. Они тоже держались поодаль и, когда Рашад отправился к ним просить помощи, с нас запросили вдвое больше динаров, чем в первый раз, или две тысячи долларов, и ни на грош меньше. Нам прямо дали понять: или мы платим, сколько они просят, или им достанется все, когда мы напоремся на рифы. Игорь опять пришел в ярость и наотрез отказывался участвовать в сделке с бандитами, требующими выкупа. Его гневная жестикуляция не нуждалась в переводе, и вторая дау быстро удалилась, прервав переговоры. Напоследок Рашад услышал циничное предостережение: без помощи со стороны всем нам крышка.

Гнев и презрение овладели нами. Уверен, если бы не глубина, капитан Игорь прыгнул бы за борт и сам впрягся бы в буксирный трос. Однако при всей готовности русских поднажать, не жалея сил, их мышцы не могли прибавить мощности мотору, а мы на «Тигрисе» еще не раскрыли секрет, как древние мореплаватели в этих водах лавировали против ветра.

Далеко впереди стояли обе дау; видно, бросили якорь вблизи от коварных рифов и ждали наживу, словно шакалы. Нетрудно было догадаться, что нам угрожает ночью, если сядем на мель. Составители лоции явно знали, что писали.

Парус пришлось убрать. Шлюпка Игоря бросила якорь на глубине меньше двух метров, и мы стали вместе выжидать более благоприятного ветра. «Славск» не показывался.

Солнце склонялось к горизонту, когда появилась третья дау. Мачта срублена, как на первых двух, осадка минимальная, мощный мотор, команда явно хорошо знакома со здешними отмелями. В третий раз мы начали переговоры, и все повторилось, даже выкуп запросили такой же, какой назначила вторая дау, словно тут было так заведено. Но ведь в лоции подчеркивалось, что европейцы редко посещают эти берега. Скорее всего, три дау сговорились между собой по радио. Пользуясь переносными рациями вроде той, какая была у Игоря. Команду третьей дау никто не принял бы за рыбаков.

— Посмотрите на того типа, что на подушках сидит,— сказал Детлеф, стоя рядом со мной и глядя в бинокль.

Мы передавали бинокль из рук в руки, но команда дау никак не реагировала. Эти люди знали наперед, в каком положении мы находимся.

Подозрительного вида толстяк в широкой чалме, который привлек внимание Детлефа, сидел на подушках, скрестив ноги, и созерцал нас презрительным и оценивающим взглядом. Пухлые руки его вряд ли когда-нибудь прикасались к рыболовным снастям. Сразу видно — отъявленный проходимец. Пестрая компания на борту дау явно находилась в его подчинении. Все один к одному, из тех субъектов, к которым лучше не поворачиваться спиной.

Мы понимали, что с нас требуют выкуп, и капитан Игорь по-прежнему был решительно против того, чтобы я соглашался на какие-либо сделки. Но мы понимали также: если не откупимся, все три шайки в расчете на добычу будут ждать, когда нам придется высаживаться на камни или на болотистый берег. Якорь нас не удержит, а в обширной зоне

[1] Едва познакомившись с Туром Хейердалом, капитан Игорь Усаковский стал величать его отцом, но Тур, продолжая эту игру, настаивал, что по морскому опыту он скорее годится бывалому капитану во внуки.

«Славск» ведет «Тигрис» на буксире.

отмелей никакие пограничники или таможенники не помешают этим субъектам обделывать свои делишки, в чем бы они ни заключались. Ясно было, что это не рыбаки. Возможно, контрабандисты, доставляющие на Файлаку наркотики или подлежащие пошлине товары с другой стороны залива. Нам рассказывали, что организованные гангстеры ввозят тайком даже рабочую силу из Пакистана в богатый Кувейт. Достаточно выгрузить людей или товар на пустынном берегу с этой стороны Файлаки, и путь в Кувейт с черного хода открыт. Через пролив в столицу регулярно ходит катер.

Через час с небольшим зайдет солнце. Эти д а у — последний шанс для нас выйти на глубоководье, прежде чем окружающий мир снова канет во тьму. Капитан Игорь никак не хотел мириться с мыслью о сделке с гангстерами. Я не знал, как и быть. На мне лежала двойная ответственность. Мои ребята добровольно вызвались пойти на риск, связанный с нашим экспериментом. Ладья сконструирована так, что нам не страшно напороться на подводный камень, лишь бы волны не прибили ее к отвесным скалам. Но ведь мы тащим за собой на рифы шлюпку с русскими моряками, меж тем как их корабль без капитана кружит где-то за пределами опасной полосы.

— Капитан Игорь,— сказал я.— Теперь я согласен быть твоим отцом. Стало быть, командую я. Будем платить.

По лицу Игоря было видно, каких усилий ему стоило покориться. Он безмолвно наблюдал, как Рашад передавал толстяку на подушках мое согласие. Забравшись в рубку, я скатал матрац, чтобы достать деньги из моей скудеющей казны. Кувейтских динаров у меня не было. Но пиратов устраивала иракская валюта. Хорошо еще, осталось что-то на расходы в дальнейшем плавании через залив.

Эти разбойники отказывались уступить хотя бы один динар, больше того, они потребовали, чтобы Рашад оставался у них заложником, пока мы не внесем выкуп, дойдя до кромки отмелей. Рашад без тени страха согласился.

Хотя ветер несколько умерился, заставить «Тигрис» двигаться в нужном направлении оказалось не так-то просто. Наконец вереница из трех суденышек — впереди д а у, за ней на буксире шлюпка, у шлюпки на буксире мы — медленно пошла против ветра. «Славск» был где-то за горизонтом.

И снова ночь. Такая же темная, как предыдущая. Ничего не видать, кроме наших керосиновых фонарей да электрических фонариков. На острове — ни огонька. Маяка не видно. «Славска» не видно. Где остальные две д а у — удаляются или приближаются,— мы могли только гадать.

Капитан Игорь оставался с нами на «Тигрисе» и при начале буксировки сказал, что до «Славска» примерно миль семь. Судя по тому, как нас качало и бросало, место было совсем мелкое. В лучах наших фонариков мелькали кустики водорослей, и вода была такая мутная, словно в ней полоскали белье. В кромешном мраке возглавившие нашу процессию негодяи уверенно шли вперед. Семь миль — не шутка. Но вот наконец Норрис крикнул с мачты, что справа по курсу видит огни парохода. Огни приближались. Это был «Славск».

У края отмели, где кончилась буксировка, бесновались высокие волны. Внезапно из тьмы рядом с «Тигрисом», озаренная керосиновым фонарем, возникла д а у. Не слишком ли близко они подошли? Одно суденышко взмывает на гребень волны, второе в это время скатывается в ложбину — того и гляди, деревянный планшир д а у пропорет наш камыш. Очень уж лихая пляска — и ничего не поделаешь, надо ведь как-то передать выкуп и заполучить обратно Рашада. Стоя на бортовой связке «Тигриса» и держась одной рукой за штаг, я протянул над водой другую руку, в которой крепко сжимал толстую пачку пятидинаровых ассигнаций. Навстречу потянулась рука темнолицего арабского моряка; в это время члены обеих команд вооружились бамбуковыми шестами, чтобы не дать столкнуться двум суденышкам. Схватив деньги, араб вручил их восседающему на подушках главарю. Толстяк не спеша пересчитал ассигнации при свете фо-

Капитан Игорь.

наря, который кто-то держал над его чалмой, наконец кивнул, и Рашад одним прыжком перемахнул на борт «Тигриса». Освещенный яркими огнями, к нам подходил «Славск». Команда д а у задула свой фонарь и пропала в ночи, словно Аладдинов дух. Больше мы их не видели.

Нижняя площадка спущенного трапа «Славска» металась в воздухе вверх-вниз, будто поршень. То взлетит выше наших голов, то с плеском нырнет в бурлящие волны. Не так-то просто было ребятам на шлюпке уловить момент, чтобы вскочить на взбрыкивающую площадку. Еще труднее пришлось четверке, которая перебиралась с «Тигриса» на «Славск» через резвящуюся шлюпку. Затаив дыхание, смотрели мы, как готовятся к прыжку капитан Игорь и его старпом. Игорь чуть не сорвался в море, потому что шлюпка взмыла вверх на волне в ту самую секунду, когда он прыгнул. Сразу за ним тот же маневр проделали Юрий и Карло, и все четверо пропали в кромешном мраке. Мы увидели их снова, когда они пересекли луч света, быстро поднимаясь по длинному трапу на палубу «Славска».

Перед прыжком на шлюпку Юрий успел сказать мне по секрету, что у Карло неладно с ногой — серьезная инфекция, нужно воспользоваться случаем, чтобы тщательно обработать язву и сделать перевязку.

Отталкиваясь от борта длинными шестами, чтобы не попасть в водоворот у винтов, мы зашли за корму парохода и продолжали следовать на длинном буксире за шлюпкой, которая, в свою очередь, шла без людей на тросе за «Славском». Нас основательно дергало каждый раз, когда корабль, шлюпка и «Тигрис» начинали качаться не в лад. Игорь сказал, что ни за что не отпустит нас, пока не отведет подальше от бандитских д а у. Я объяснил ему, что для камышовой конструкции нет ничего опаснее буксировки в открытом море, буксирный трос хуже всякого урагана способен раздергать по частям бунты, и он обещал идти на самых малых оборотах. Мы с Норманом, единственные оставшиеся на борту ветераны, несколько раз хватались за ножи, готовые обрубить трос, чтобы спасти носовые связки. Но всякий раз тревога оказывалась напрасной, и мы решили лечь, разделив между оставшейся девяткой ночные вахты.

Очень уж странно было слышать, как волны с грохотом разбиваются о нос камышового судна.

Мы шли через воды Ноя. А началось наше плавание в Садах Эдема. Адам с его садами и Ной с его аркой стоят в одном ряду: это от них мы все произошли, согласно древним верованиям. Мы находились в тех самых водах, где родилось предание о ковчеге. За тысячу лет до того, как Авраам услышал его в Уре, шумеры в том же портовом городе рассказывали это предание своим детям. В этих водах, говорили они, праводитель всего человечества некогда построил большой корабль, исполняя волю милосердного бога, который пожелал спасти род людской от полного уничтожения страшным потопом.

Дома и поля исчезли под водой, но скользящий по волнам корабль устоял против ярости беснующихся стихий. В иудейской версии строитель корабля потом возблагодарил всевышнего, который озарил небо радугой в знак своего союза с уцелевшими. В шумерском варианте он простерся ниц перед Солнцем, как только оно вновь явило свой лик.

Море волновалось в меру, когда все то же древнее шумерское солнце взошло над бывшими шумерскими водами, и первые лучи, просочившись сквозь щели в плетеной стене, пощекотали мои сомкнутые веки. Я проснулся со смешанным чувством и посмотрел через дверной проем на лучезарный диск, который величаво, не спеша поднимался в небо после морского купания. Чистый свет нового дня. Я жадно впитывал восхитительное зрелище, чувствуя, что солнечные лучи пробуждают у меня новую надежду. Как-никак мы в безопасности, и мы

свободны. Свободны начинать все сначала, и наше судно в полном порядке.

Ночь выдалась неприятная, беспокойная. Буксирный трос немилосердно дергал «Тигрис». Когда рывки становились слишком уж грубыми, мне чудилось во сне, что меня больно дергают за волосы. Я вылез на палубу проверить, цел ли нос. Добрый «Славск» уверенно бороздил море, и капитан Игорь, Юрий и Карло, надо полагать, крепко спали в каютах железного великана, не ощущая жестоких рывков соединяющего нас буксира...

На этот раз вся суть нашего эксперимента заключалась не в том, чтобы просто держаться на воде и дрейфовать, а в том, чтобы судно слушалось нас. В этом смысле начало плавания обернулось полным провалом, что мы и отмечали со смехом, садясь завтракать. Начали с того, что пахали ил на реке рулевыми веслами, потом застряли в приливно-отливной зоне. Не успели выйти в залив, как потеряли оба якоря, и «Тигрис» понес, точно взбесившийся конь, пока не застрял на отмелях Файлаки. Анекдот, да и только.

По-прежнему дул встречный южный ветер, поначалу умеренный, потом все сильнее. Нам пришлось даже надеть штормовки, чтобы не продрогнуть за столом на открытой палубе.

— А ты уверен, что древние лучше нас справлялись с ладьей? — допытывался Эйч-Пи.— Может быть, они в таких случаях стояли на одном месте и дожидались более благоприятного ветра.

— В конце концов и мы ведь можем идти любым курсом в пределах ста восьмидесяти градусов,— заметил Асбьёрн.

Что верно, то верно: мы вполне могли идти под углом 90° к ветру.

Внезапно мы заметили, что толчки и рывки участились. Нос ладьи окутался каскадом брызг. Скорость явно возросла. Мигом взобравшись на крышу рубки, мы отчаянно замахали руками, чтобы «Славск» сбавил ход. Это же безумие какое-то! Но на корабле то ли не видели, то ли не понимали наши сигналы. Пустая шлюпка между нами и кораблем прыгала еще почище «Тигриса», ведь тросы дергали ее и вперед и назад. Не успел я решить, что вернее: то ли обрубить буксир ножом, то ли попытаться вызвать «Славск» по радио,— как трос от мощного рывка лопнул сам. «Тигрис» тотчас пошел медленнее, а «Славск» продолжал движение, увлекая за собой шлюпку.

Асбьёрн осмотрел нос снаружи и доложил, что дюймовый трос оборвался у самого корпуса ладьи. Но больше всего потрясло нас то, что он увидел огромную дыру в носовой скуле. Да мы и сами уже заметили проплывающие мимо куски камыша. Скрепляющая всю конструкцию веревка свободно болталась над зияющей полостью величиной с собачью конуру. Неприятное открытие! Мы подергали пальцами витки в носовой части палубы, проверяя, не ослабла ли вязка над поврежденным местом. Но веревка все так же плотно прилегала к камышу, словно приклеенная. На наше счастье, набухшие от воды бунты крепко-накрепко сжали веревку. Даже такая ямина в носовой скуле не грозила нам катастрофой. И все же надо было чем-то заделать брешь, пока она не разрослась еще больше. А то ведь так и будут стебли отделяться один за другим, пока бунты совсем не развалятся.

«Славск» описал широкую дугу и вернулся к нам. Появился капитан Игорь с электромегафоном в руках и сообщил, что не может нас отпустить. Он передал радиограмму в Москву, в Министерство морского флота, и министр Гуженко лично разрешил ему отбуксировать камышовое судно «Тигрис» в безопасную зону.

Безопасная зона, по словам капитана Игоря, начиналась где-то у самого Бахрейна. И его ребята стали забрасывать нам новый буксир с палубы корабля. Но сколько ни бросали, трос с привязанным к нему спасательным кругом засасывало под корму могучими винтами. Засасывало и нас. А останавливать винты нельзя, железный великан стал бы таким же неуправляемым, как мы без паруса. Даже при работающей машине «Славск» мотало из стороны в сторону, и его высоченный борт нависал над пляшущей на волнах ладьей. Пытаясь выудить буксир из водоворота, мы каждый раз рисковали, что корабль прихлопнет нашу мачту.

Два часа трудились мы без толку, наконец нам удалось забросить линь на палубу «Славска» и подтянуть привязанный к нему трос. Капитан Игорь объяснил, что механик, к сожалению, вынужден был прибавить обороты, потому что, идя при такой волне самым малым ходом, можно повредить гребной вал. Тем не менее они будут держаться в пределах двух узлов. Мы условились, что поставим парус и пойдем своим ходом, как только подует нормальный ветер, позволяя нам взять курс на Бахрейн.

Команде «Тигриса» не терпелось посмотреть наше место относительно Файлаки и Бахрейна, и Норман развернул живописную карту, полученную нами от Национального географического общества. Карта была скорее историческая, озаглавленная: «Библейские страны сегодня». Обозначен путь, которым следовал Авраам, выйдя из Ура; нанесены другие данные, почерпнутые из библейских текстов и археологических исследований. Красиво смотрелся голубой Персидский залив с желтыми островами. Норман указал наше примерное местонахождение. И прочитал вслух напечатанный рядом текст:

«Древнейшие шумерские источники упоминают судостроителей и мореходов. Морские предприятия человека в Персидском заливе относятся к самым древним в мире».

Эти слова разожгли любопытство ребят. Что за источники? Я их читал? Читал — не все, разумеется, но из переведенных на европейские языки, наверно, все, в которых говорится о мореходстве. Похоже, я недооценил интерес моих спутников к вопросам, лежащим в основе экспедиции. Теперь, когда «Славск» вел нас со скоростью свободного хода мимо судов и нефтяных вышек, выдался самый подходящий случай для спокойной беседы.

Корабли играли в повседневной жизни шумеров такую видную роль, что это отразилось даже в пословицах. «Корабль, что вышел в плавание с достойной целью, Уту (бог Солнца) приведет в достойный порт. Корабль, что вышел с дурной целью, он выбросит на берег...»

Армас Салонен, больше всего занимавшийся шумерскими судами, начинает свой академический труд со свода упоминаний о судне м а-г у р, которое он характеризует как «морское судно», «божье судно», «судно с высоким носом и высокой кормой». Именно этот тип, по словам Салонена, отображен в знаке «корабль» древнейших идеограмм, предшествовавших клинописи. И он же традиционно изображался на первых шумерских цилиндрических печатях. На таких судах, не деревянных, а связанных из камыша, плавали полубоги и божественные предки будущих основателей Ура.

Исходя из классификации, приводимой Салоненом, «Тигрис» явно принадлежал к разряду м а-г у р, «божьих кораблей» древнейшего типа. Мои товарищи по плаванию нисколько не возражали про-

тив такого толкования, особенно когда я подчеркнул, что мы вышли на поиски начал всех начал и что шумерская история начинается с божественных мореплавателей, а не с моряков торгового флота.

Мои слова вовсе не были шуткой. Те из нас, кто унаследовал монотеистическую религию Авраама, легко забывают, что слово «бог» понималось иначе людьми, которые обожествляли своих предков. Семитские племена рано смешались с шумерскими пришельцами на территории нынешнего Южного Ирака; очевидно, при этом произошло также смешение древних религий. Подобно Аврааму, шумеры вели счет своим царям от судостроителя, спасшего человечество от полного уничтожения потопом, но если у древних иудеев и цари и простые люди происходили от Адама, то шумеры четко различали царей и простолюдинов. Подобно египтянам и представителям древних культур Мексики и Перу, они считали своих правителей божественными потомками Солнца. Культ Солнца сочетался у них с культом предков. Царя обожествляли при его жизни, причем его ранг в ряду богов определялся количеством царственных предков. Естественно, что писцы доавраамовой поры, запечатлевшие на глиняных плитках события древних времен, полагали богами священных царей, которые высадились на шумерских берегах и потомки которых основали первую династию Ура. Если мы отнесем шумерских богов исключительно в разряд мифических существ, нам придется так же поступить и со всеми династиями Шумера, от первой до последней. Задача заключается в том, чтобы проследить шумерскую историю до ее мифических истоков, где обожествленные земляне сочетаются с птицечеловеками и небесными телами.

В моем багаже была также небольшая книжечка «Шумеры», написанная другим видным авторитетом, профессором Ч. Л. Вулли. В первой же главе, названной им «Начала», этот известный археолог обращается к сути вопроса:

«Шумерские легенды, объясняющие начало цивилизации в Месопотамии, явно предполагают приход людей с моря, причем люди эти, судя по всему, есть сами шумеры, а тот факт, что исторически известные шумеры населяли южные области и что город Эриду, слывший у них древнейшим во всей стране, расположен южнее других городов, говорит в пользу такого предположения».

Завершая книгу, Вулли подчеркивает, сколь трудно оценить все то, чем современный мир обязан шумерам, части человечества, лишь недавно спасенной от полного забвения. Шумеры, говорит он, заслуживают высокого почета за их достижения, но еще больше — за воздействие на историю человечества. Шумерская цивилизация была ярким факелом в мире варварства. Этап, когда начала всех искусств связывали с Древней Грецией и Зевсом-олимпийцем, продолжает Вулли, пройден нами, «теперь нам известно, что этот цветник гениев питался соками Лидии и страны хеттов, Финикии и Крита, Вавилонии и Египта. Но корни уходят еще глубже: за всем этим стоит Шумер. Военные завоевания шумеров, высоко развитые искусства и ремесла, общественная организация, морально-этические и даже религиозные представления не изолированный феномен, не археологический курьез, мы обязаны изучать их как частицу нашего собственного существа, и, восхищаясь ими, мы воздаем должное нашим духовным предтечам.

Воздавая должное шумерам как нашим духовным предтечам, мы воздаем должное народу неизвестного происхождения. Народу, пришедшему с моря на судах типа м а-г у р.

Обобщая данные раскопок, Вулли отмечал, что за весь период от первой до последней династии Ура шумерская цивилизация не прогрессировала. Напротив, археологические данные свидетельствуют, что она достигла своего зенита еще до основания первой династии. «Начиная с первой династии Ура если и наблюдаются какие-то перемены, то в сторону упадка, и позднейшие века не произвели ничего равного сокровищам древнейших гробниц»...

Стоит обратить внимание на один момент, который подчеркивает тот же автор: природные богатства Нижней Месопотамии ограничивались областью сельского хозяйства: «здесь нет металлов, нет и камня, и едва ли не самое интересное в сокровищах, раскопанных в Уре,— то обстоятельство, что почти все они изготовлены из привозного сырья». Но если древнейшая известная нам цивилизация, предшественница первых династий Шумера и Египта, во всем зависела от привозного сырья, выходит, что еще до известных нам начал так или иначе совершались не отраженные в текстах дальние странствия.

Чтобы понять происхождение столь богатых захоронений, мы должны признать, что описанные и изображенные на древнейших шумерских плитках и печатях полубоги были такими же людьми, как те, что погребены в древнейших царских захоронениях Ура. Образ «бога» Энки, который пришел из Дильмуна и застал Ур, щедро омываемый водами и осененный тенью лесов х а ш у р, отражает воспоминание об одном из могущественных правителей, чьи м а-г у р еще до того возили искусных ремесленников и торговцев во многие дальние страны. А иначе как могли они ознакомиться с великим разнообразием драгоценных металлов и камней, потребных для изготовления царских сокровищ? По соседству с их собственным царством нигде не было ни золота, ни серебра, ни электрона, ни меди, ни лазурита, ни сердолика, ни алебастра, ни диорита, ни мыльного камня, ни кремня. Опытные посланцы правителя еще до прихода в Ур должны были тщательно исследовать не одну далекую страну, чтобы в совершенстве изучить все эти чужеземные материалы, знать, где их найти и как обработать. И, наверно, судостроители и моряки древнейших божественных правителей, погребенных в Уре, были такими же знатоками своего дела, как ювелиры и золотых дел мастера.

Немудрено, что иные наши современники, наслышанные о космических кораблях, но ничего не знающие о м а-г у р, готовы поверить, будто внезапно появившиеся в Двуречье полубоги — пришельцы из космоса. Да ведь и у нас, когда мы тащились на тросе за кормой «Славска», были все причины скромно судить о возможностях землян.

Советские моряки продолжали буксировать ладью в сторону Бахрейна со скоростью нашего свободного хода. Над заливом по-прежнему господствовал необычный для зимних месяцев ветер. Весь день он дул с переменной силой с юга. Под вечер Норман извлек из-под матраца радиостанцию. Он условился с Би-би-си сообщать данные о нашем местонахождении, однако береговые станции не отзывались. Тогда он включил свою любительскую аппаратуру, и тотчас со всех концов света откликнулись взволнованные голоса любителей. Мы сохранили те же позывные, какими я пользовался на «Кон-Тики» и на обеих «Ра» — LI2B, и они представляли особый интерес для радиолюбителей, коллекционирующих двусторонние связи...

Было пятое декабря. На безоблачном небосводе замерцали первые вечерние звезды, когда я поднялся на мостик, чтобы сменить рулевых. Вахтен-

ные Рашад и Асбьёрн шутливо спросили, заметил ли я, как похожа молодая луна на наш кораблик. Ничего не скажешь, и впрямь похожа... Как обычно в южных широтах, лунный серп висел в небе гамаком, а не опирался на рог, каким его привыкли видеть северяне. Как раз сейчас он к тому же опирался нижней кромкой на черные воды у горизонта — ни дать ни взять золотистое серповидное камышовое судно. Параллельно ладье шел по волнам самый настоящий божий корабль, поразительно напоминающий нашу собственную м а-г у р. Мы продолжали любоваться своим лучезарным товарищем, пока он не оторвался от воды и не поплыл среди искристого звездного планктона в черных небесах.

Символическая картина произвела на меня глубокое впечатление. Луна как важнейший мотив доисторического искусства много лет занимала меня. И теперь я мысленно перенесся в те дни, когда великие строители камышовых судов в Шумере, в доинкском Перу и на уединенном острове Пасхи отождествляли лунный серп с божьим кораблем, на котором бог Солнца и предки древнейших царей странствовали в ночном небе. Эти верования отразились и в преданиях и в изобразительном искусстве древних шумеров и перуанцев. Пасхальцы ко времени прихода на остров европейцев забыли первоначальный смысл символа, однако грудь их обожествленных правителей неизменно украшала традиционная эмблема власти — деревянная серповидная пектораль, известная под двумя названиями: р е и м и р о, что означает «корабельная пектораль», и р е и м а р а м а, что означает «лунная пектораль».

Ночью над Ираном возникли полыхающие зарницами черные облака. На другой день нас несколько раз настигали ливни, но ветер упорно дул с юго-востока, и капитан Игорь не соглашался отпускать «Тигрис». Без якорей, с большой дырой в носу мы нуждались в попутном ветре или в помощи друзей, чтобы дойти до надежной гавани и заняться ремонтом. Днем юго-восточный ветер опять сменился южным, причем он дул с такой силой, что гребни волн обдавали нас соленым душем, разбиваясь о нос ладьи. Рация, полученная от Би-би-си, тянула только на связь со «Славском» на другом конце буксирного троса. Капитан Игорь посоветовал нам укрыться от ветра за корпусом теплохода, но разделявший нас просвет был слишком велик, чтобы «Славск» мог защитить собой пострадавший нос «Тигриса».

На четвертый день пополудни мы подошли к Бахрейну. Точнее, подошли к бую, обозначавшему начало фарватера среди окружающих остров известняковых отмелей. По радио с Бахрейна «Славску» было предложено остановиться здесь. Просьбу капитана Игоря, чтобы ему разрешили следовать до острова, отклонили. Сказали, что за «Тигрисом» вышлют судно. «Славск» отдал якорь, и началось ожидание.

Легендарный остров все еще скрывался за горизонтом: в бинокль можно было различить только лес высоких труб нефтеочистительных установок. Вскоре примчался новенький сторожевой катер, а следом за ним появился вертолет. Нас снимали с воздуха, но пограничники на сторожевике только приветственно махали руками, после чего стали кружить поодаль, наподобие д а у у Файлаки. Потом вертолет ушел, однако катер не стал приближаться. «Славск» спустил на воду шлюпку, и Юрий с Карло вернулись на ладью вместе с капитаном Игорем. Судя по радужному настроению ребят, они отлично провели время на теплоходе. Пограничники все так же ходили по кругу, и мы не торопились отдать буксир, чтобы нас не отнесло на мели.

Шли часы, но сколько мы ни всматривались в горизонт, больше никто не показывался. Пограничники терпеливо описывали круги возле нас и «Славска». Под вечер капитан Игорь попрощался с нами и возвратился к себе на корабль, провожаемый словами самой искренней благодарности и добрыми пожеланиями.

Начался закат, и мы приготовились ночевать на привязи у «Славска». Неожиданно пограничники подошли к нам вплотную и предложили отвести ладью к Бахрейну. Мы сказали спасибо, однако я спросил, не ждем ли мы еще кого-нибудь. Нет, это их прислали за нами. Просто они ждали, когда русские отдадут буксир: им казалось, что нас вроде бы держат в плену. Ничего подобного, ответил я, напротив — русские выручили нас. Не дали «Тигрису» сесть на рифы и довели нас до Бахрейна. Мое объяснение ничего не изменило. Воды Бахрейнского эмирата были закрыты для советских судов. Пограничники услужливо подхватили трос, как только наши русские друзья отдали буксир.

Ничего не поделаешь... С тяжелым сердцем прощались мы с капитаном Игорем. Сторожевик повел «Тигрис» навстречу огням современного порта, а «Славск», снявшись с якоря, пошел обратно к судам, терпеливо ожидающим в устье Шатт-эль-Араба своей очереди подняться вверх по реке.

Нам предстояло знакомство с крохотным независимым государством, пожинающим плоды бурного технического прогресса и безмерного, по видимости, богатства. Великое богатство Бахрейна связано не столько с его собственными, быстро убывающими запасами нефти, сколько с географическим положением: сюда, к защищенным глубоким гаваням, где швартуются танкеры со всех концов света, протянулся нефтепровод из Саудовской Аравии. Во все века Бахрейн благодаря своему местоположению служил перекрестком для мореплавателей и торговцев. А в наши дни и местный аэропорт служит узловой станцией для воздушных лайнеров самых различных авиакомпаний. На Бахрейне садятся даже «Конкорды».

Поздно ночью, ослепленные прожекторами и огнями новейших портовых сооружений, прошли мы на буксире мимо стоящих на рейде танкеров и бетонных волноломов к огромному пирсу только что завершенной строительством Арабской строительно-ремонтной верфи, с крупнейшим в мире сухим доком, рассчитанным на супертанкеры водоизмещением до 450 тысяч тонн. Надо же было случиться так, что крохотный «Тигрис», чья стеньга едва выступала над самой низкой платформой причала, первым пришвартовался к сооружению, до официального открытия которого оставалось два дня. Опустив камышовые кранцы, чтобы боковые связки не терлись о бетон, мы поднялись по длинному железному трапу на пристань, где нас ожидали официальные представители и любопытствующий люд, пропущенный через полицейские кордоны.

Впереди, в ярких лучах прожектора, стоял сановник в длинном белоснежном арабском одеянии. Сердечно и просто поприветствовав нас, министр информации, его превосходительство Тарик-эль-Муайед, спросил, что нам хотелось бы посмотреть, пока мы будем находиться на острове.

Я поднял взгляд на вздымающиеся к ночному небу железные пирамиды и бетонные обелиски и сказал, что нам хотелось бы увидеть следы пребывания на Бахрейне древнейших мореплавателей. Словно я потер волшебную лампу Аладдина: министр

повернул голову, и из темноты возникло знакомое улыбающееся лицо. Приветственно поднялась рука. Человек вынул изо рта увесистую трубку с изогнутым черенком. Это был знаменитый археолог Джеффри Бибби.

Бибби прилетел из Дании, услышав, что «Тигрис» идет к Бахрейну. Свыше двадцати лет он руководил полевыми работами на острове и теперь захотел лично ознакомиться с судном, построенным по древнейшим известным нам образцам. Смеясь, он напомнил мне, что я последовал его совету. Несколько лет назад, рецензируя в газете «Нью-Йорк таймс» мою книгу об экспедициях «Ра», он предложил мне в следующий раз испытать месопотамское камышовое судно.

Спустившись на палубу «Тигриса», он, совсем как капитан Игорь, принялся с восторгом осматривать необычное судно. Интерес Бибби к «Тигрису» естественно вытекал из его собственных исследований. Открытия на Бахрейне показали, что уже на заре цивилизации мореплавание играло фундаментальную роль в человеческом обществе. Бибби принадлежит главная заслуга в доказательстве того, что Бахрейн и есть далекий торговый центр Дильмун, о котором говорится в древних месопотамских текстах. За возможность посетить нашу ма-гур он отблагодарил тем, что прочел команде лекцию о древнейшей истории острова. И потом на протяжении двух недель возил нас по главным объектам своих раскопок.

Когда на другой день Джеффри Бибби, с живописной чалмой на голове, приехал за нами, мы из Манамы с ее огромной верфью перенеслись на двух машинах со скоростью космического корабля на пять тысяч лет назад в истории человечества. Самые большие в мире корабли и самолеты и самые роскошные отели быстро сменились незатейливыми арабскими лачугами из пальмовых листьев и сырцового кирпича, ожидавшими, когда их снесет бульдозер. Дальше последовала также обреченная плантация финиковых пальм, похожая на кладбище телеграфных столбов. Лишенные величественных крон, обезглавленные пальмы с обнаженными корнями как бы напоминали проносившимся мимо торопыгам: нефтяные скважины могут качать свой сок из земли несколько десятилетий, но тысячи лет со времен Дильмуна не они, а корни финиковых пальм извлекали соки, кормившие эту страну. Добыча и переработка нефти доходнее, чем земледелие, и жители Бахрейна потеряли интерес к пахоте и к сбору фиников. На деньги, щедрым потоком поступающие из развитых стран, они могли купить сколько угодно фиников, фруктов и овощей. Городские базары и витрины магазинов изобиловали чудесными, свежими плодами земли, доставленными по воздуху с трех континентов. И по мере того, как скромные лачуги и высокие пальмы падали ниц под напором механической лопаты, современные жилые комплексы и промышленные предприятия наступали на зеленые поля, подбираясь все ближе к голой пустыне, распространившейся в наши дни на большую часть острова. Мы быстро доехали до бесплодных песков.

— Вот и Дильмун,— сказал Бибби, указывая черенком трубки на уходящую за горизонт сплошную череду холмов и холмиков, похожих на окаменевшие морские волны.— Теперь вы видите, почему нам с Петером Глобом захотелось копать здесь.

Доисторические погребения. Могильные холмы. Считается, что на Бахрейне около ста тысяч таких курганов. Величайшее в мире доисторическое кладбище. В одиночку Бибби мало что мог бы сделать. Более восьмидесяти археологов, представляющих полдюжины национальностей, главным образом датчане, да еще несколько сот рабочих чуть ли не из всех арабских стран работали вместе с ним. Первые результаты были далеко не вдохновляющими. Древние грабители не обошли вниманием ни один курган из тех, что раскопали археологи. Судя по всему, все сто тысяч погребений были ограблены в незапамятные времена; выложенные камнем склепы явно содержали в прошлом не одни лишь скелеты. Археологам остались кости, скорлупа страусового яйца, черепки, два-три копейных наконечника из меди, осколки медного зеркала. Могилы явно были вырыты народом, который верил в загробную жизнь, а потому снабжал покойников личными драгоценностями и прочими предметами, могущими пригодиться в потустороннем мире.

Могильные холмы заметно различались по величине. Мы начали осмотр с района, называемого Али; здесь группировались курганы, числом превосходящие египетские пирамиды, а размерами приблизительно равные среднему месопотамскому зиккурату. Приютившиеся в промежутках между ними одно-, двух- и трехэтажные арабские дома выглядели карликами рядом с этими великанами. Нынешние обитатели Али добывали в толще рукотворных холмов сырье для выжига извести. В итоге усилиями древних грабителей могил и современных добытчиков извести алийские курганы стали подобны вздымающимся над равниной вулканическим кратерам. С вершины такого кратера открывался великолепный вид на нескончаемую россыпь малых курганов — как будто многочисленное потомство разбежалось от гигантских черепах Али. Разделенные широкими просветами, величавые исполины привольно расположились ближе к морю, тогда как приземистые купола уходящего в глубь острова некрополя жались друг к другу, оставляя совсем узкие проходы. Напрашивалась мысль, что большие курганы старше толпящейся за ними мелюзги. Наверно, их соорудили в те времена, когда места было вдоволь, а уже потом к ним начали лепиться рои малых гробниц.

Принято представлять себе развитие как восхождение от малого к большому. Однако путь цивилизаций не всегда таков. Это можно объяснить двояко. В большинстве известных нам случаев развитие той или иной культуры сменялось застоем и упадком. Причины могли быть разные — пагубное изобилие, война, эпидемия, стихийное бедствие. Добавим, что в пору высшего расцвета древние цивилизации, как правило, обладали кораблями и осваивали мореходство. Это позволяло внезапно сниматься с места, чтобы уйти от захватчиков или отправиться на поиски лучших земель. Отдельные семьи, даже большие организованные группы с высоким уровнем развития могли селиться в новых областях, либо вовсе необитаемых, либо занятых примитивными общинами. Не следует удивляться тому, что многие древнейшие цивилизации словно бы возникали вдруг, без каких-либо следов местного развития, а потом так же бесследно исчезали. Мы доискиваемся корней, полагая, что каждая цивилизация выросла, подобно дереву, там, где ее обнаружили. Но, когда древо цивилизации выросло и начало цвести, оно дает семена, разносимые ветром и течениями. Вот почему неверно считать, что Бахрейн первоначально мог быть заселен только примитивными дикарями и великие курганы Али — венчающий местную эволюцию плод векового опыта, а начиналось все с малых погребений. Египетские пирамиды не росли со временем. Самые большие воздвигнуты при первых фараонах, потом пошли пирамиды поменьше. То же видим в Двуречье.

и в Перу. Во всех этих трех странах наибольший размах отличает деятельность первых династий. Далее последовал не рост, а в лучшем случае имитация, в худшем — упадок. В Перу знаменитая культура инков никогда не поднималась до высот, достигнутых в искусстве и в монументальности сооружений их предшественниками, создателями культур Тиаунако и Мочика. И теперь, глядя на могильники Али, я склонился к мысли, что передо мной аналогичный пример.

Мне доводилось видеть группы гробниц и доисторические некрополи в разных частях света, но такого я еще никогда не встречал. В мире просто нет ничего подобного. Так что Бибби не надо было тратить много слов, чтобы убедить меня: Бахрейн и есть Дильмун.

Одна из его посылок заключалась в том, что Дильмун был для шумеров священной страной. Страной, освященной богами, которые даровали ее человечеству после потопа. Страной, где человеку в лице Зиусудры — он же Ной иудеев — было даровано бессмертие. Зиусудра здесь явно олицетворяет все человечество. В древнейшем известном нам эпосе правитель Урука (библейский Эрек) Гильгамеш отправляется в Дильмун, чтобы в священном краю своих предков искать цветок бессмертия. Шумерская поэма говорит:

«Священна страна Дильмун, беспорочна страна Дильмун,
Чиста страна Дильмун, священна страна Дильмун».

При таком отношении к Дильмуну для людей, исповедующих культ предков, было вполне естественно перевозить для погребения останки сколько-нибудь знатных лиц — хотя бы и на кораблях — в Дильмун, где душу покойника ожидала встреча со старейшими богами.

Не только Бибби, многие считают, что во времена шумеров земля Бахрейна должна была играть совершенно особую роль в представлении жителей соседних областей, коль скоро на этом маленьком острове разместился самый большой некрополь в мире.

В уже цитированной шумерской поэме есть еще одно важное упоминание Дильмуна. Странствующий по морям бог Энки повелел верховному богу неба облагодетельствовать Дильмун пресной водой.

«Пусть Уту (бог Солнца), пребывающий в небесах,
даст тебе пресную воду из недр земли,
из подземных источников,
пусть наполнит водой твои обширные
вместилища (?),
пусть твой город черпает в них воду обильную,
пусть Дильмун черпает в них воду обильную,
пусть горькая вода твоих колодцев станет
пресной,
пусть пашни твои и поля приносят тебе свое
зерно,
пусть город твой станет «домом кораблей» в этом
краю».

Вода была божественным даром для любого народа в области залива. На островах и в Приморье преобладают засушливые земли и пустыни. Бахрейн — поразительное исключение. Здесь из сухого грунта бьют родники, вода нескончаемыми потоками устремляется к морю. Вдоль побережья есть даже подводные ключи; нырнул в море — можешь напиться сам и наполнить взятый с собой сосуд.

Удивительная щедрость, с какой природа наделила водой низкий известняковый остров в заливе, вполне может показаться чудом всякому, кто пьет из его источников. По пути к могильникам Бибби свернул в сторону, чтобы мы посмотрели настоящий оазис с пальмами и зеленой травой. Древняя каменная кладка окружала дивной красоты глубокий круглый бассейн с чистейшей водой. В бассейне плескались юные арабы; один мальчуган старательно намыливался, сидя в лодке; три женщины стирали белье. Тем не менее непрестанно обновляемая вода оставалась чистой, как утренняя роса. Гладкие камни на дне виднелись так отчетливо, словно бассейн был пуст. Поверхность воды посредине бугрилась под напором поднимающихся снизу струй, и мыльная пена устремлялась в канаву, прежде служившую для полива финиковых пальм.

Мы услышали от Бибби: на острове много таких источников и бассейнов. Нет ничего удивительного в том, что их возникновение приписывали вмешательству небожителей. Вода поступает на остров с далеких гор Аравийского полуострова. Там осадки впитываются в скальный грунт, не принося никакой пользы обитателям материка, но по капризу природы часть влаги, просачиваясь через подземные трещины, совершает путешествие под дном залива и выходит вновь на поверхность в виде ключей на Бахрейне.

От возвышенностей в центре острова глубоко под песками пролегали на много километров облицованные камнем водоводы. Созданные древними строителями, они заканчивались у некогда возделывавшихся полей. Через каждые пятьдесят—шестьдесят шагов на глубину шести и более метров уходили круглые каменные колодцы, вероятно, служившие для надзора и очистки водоводов. Без них никто бы и не подозревал о существовании доисторических подземных магистралей. Бибби и его коллеги основательно поломали голову, пытаясь представить себе, как создавались эти замечательные образцы строительного искусства. Может быть, каменные акведуки сооружали на поверхности земли, а затем, по мере того как их заносило песком, наращивали смотровые колодцы? Или же их с самого начала заложили глубоко в толще песков? Я тоже тщетно искал разгадку, пока несколько недель спустя случай не подсказал мне и моим товарищам по плаванию ответ в другой легендарной стране, упоминаемой шумерами.

Осмотрев бассейны и источники Энки и ознакомившись с россыпью курганов, мы уяснили себе, что среди прилегающих к заливу стран Бахрейн убедительнее всего отождествляется с Дильмуном. Однако у Бибби был еще припасен главный козырь: Дильмун был не только ареной деятельности богов и стоявших ниже рангом священных правителей вроде Ноя. После некрополя Бибби отвез нас в погребенный песками город, где некогда простые люди занимались совсем мирскими делами — торговлей и мореходством. Археолог еще раз напомнил нам, что Дильмун со времен потопа оставался вполне реальной страной не только для бороздивших моря шумеров, но и для унаследовавших их культуру вавилонян и ассирийцев.

На стеле и на глиняной плитке, датируемой примерно 2450 годом до нашей эры, царь Урнанше, основатель могущественной династии Лагаша, записал, что корабли из Дильмуна привозили ему лес. Затем живший около 2300 года до нашей эры великий семитский царь Саргон Древний, который покорил все государства от залива до Средиземного моря, воздвигнул в Ниппуре статуи и мемориальные стелы с надписями, где хвастливо возвещал, что к причалам его столицы Аккад швартуются суда из Дильмуна, Макана и Мелуххи. Дильмун и далее фигурирует в аккадских текстах. В титуле ассирийского правителя Тукульти-Нинурты значилось: «царь Дильмуна и Мелуххи». Ассирийский царь Саргон II получал дань от дильмунского правителя

Упери, а при Синаххерибе воины из Дильмуна участвовали в разрушении мятежного города Вавилона.

Когда археологи в начале пятидесятых годов обратили свои взоры на Бахрейн, они не увидели там древних поселений, которые могли бы объяснить, откуда на острове сто тысяч гробниц; развалины арабских мечетей и португальских крепостей — вот и все зримые памятники прошлого. Можно было подумать, что остров служил лишь некрополем для прилегающих к заливу стран. В ограбленных могилах Глобу, Бибби и его товарищам встретились, по сути дела, одни только черепки неизвестной прежде керамики. Тогда они принялись искать по всему острову отщепы кремня, черепки и другие признаки бывших поселений. В итоге им удалось обнаружить сперва засыпанный песками храм, а затем и древний город; в него-то Бибби и повез нас теперь.

Есть что-то интригующее в городах, погребенных временем. Спускаясь с нынешнего уровня в выемку, нависающую краями над бывшими крышами, словно бы проникаешь через люк в неведомое прошлое, чтобы пройти по улицам, по которым, быть может, тысячи лет не ступала нога человека. Такие улицы ждали нас на северном берегу Бахрейна. С песчаных дюн у подножия португальской крепости шестнадцатого века мы спустились в город, кипевший жизнью во времена шумеров. Крепость на господствующем над морем утесе, от которой ныне остались только живописные развалины, была сооружена португальцами вскоре после того, как они в 1521 году захватили арабский Бахрейн. Точнее говоря, португальцы восстановили крепость, первоначально выстроенную арабами, пришедшими на остров вскоре после смерти Мухаммеда в седьмом веке. Арабы, в свою очередь, использовали камни из еще более древних построек неизвестного происхождения.

Участок рядом с крепостью показался заманчивым Бибби и его коллегам. Возвышающийся над морем песчаный холм явно что-то скрывал. И по мере того, как лопаты разгребали белый песок, глазам археологов открывался целый город, а под ним — другой, еще глубже — третий. Окаймленные домами улицы строго выдерживали направление восток — запад и север — юг. За время своего существования город познал и процветание и беды. Около 1200 года до нашей эры он был опустошен пожаром. Ниже пожарища залегали стены домов, датируемых 2300 годом до нашей эры. К этой же поре относят сооружение могильников и плавания шумеров в Дильмун; Бибби так и назвал ее «периодом Дильмуна». Спустившись в древнейший город, мы остановились у массивной городской стены с обращенными к морю воротами. Широкая площадь в окружении высоких стен примыкала к упирающейся в ворота главной улице; другие улицы расходились от площади под прямым углом.

Бибби показал на высокие ворота. Нанесенные ветром дюны закрывали вид, но в те далекие времена, когда строилась городская стена, путь к морю был свободен. Оно и сейчас плескалось сразу за воротами.

— Четыре-пять тысяч лет назад, в период Дильмуна, здесь причаливали корабли с товаром,— говорил Бибби. Повернулся и показал на землю.— А вот тут, на площади, мы нашли вещественные доказательства заморской торговли. Сюда поступал привезенный груз. Здесь и на городских улицах мы подобрали множество крупинок необработанной меди. Нашли также медные рыболовные крючки, кусочки слоновой кости, стеатитовые печати, сердоликовую бусину — все чужеродные для Бахрейна предметы.

Ближайшим источником меди он считал Оман. Слоновая кость могла попасть сюда только из Индии или из Африки. Сердоликовая бусина и пять специфического вида кремневых разновесов, найденные среди развалин, несомненно, принадлежали древней Индской цивилизации. Кстати, разновесы позволили сделать неожиданное открытие: бахрейнцы периода Дильмуна пользовались не шумерскими, а индскими мерами веса.

Разговаривая, я обратил внимание, что ветер несет через городскую стену мелкий песок с береговых дюн. Вот так со временем и засыпало песком древний порт. Порт на северном берегу Бахрейна... Внезапно меня осенило, что ветер переменился. Наконец-то он подул со стороны Ирака!

Бибби поправил чалму и рассмеялся.

— Да, не повезло вам. Зимой здесь всегда дует с севера. Как ты думаешь, за сколько дней вы дошли бы сюда с попутным ветром?

— Думаю, уложились бы в три с половиной или четыре дня,— ответил я.— Нас буксировали с той же скоростью, с какой мы сами шли до Файлаки. Но там мы шли перпендикулярно ветру. Будь у нас попутный ветер до самого Бахрейна, наверно, дело пошло бы быстрее.

— Вполне возможно. В одном из шумерских текстов говорится, что до Дильмуна тридцать двойных часов. Они измеряли расстояние путевым временем.

— Уж, во всяком случае, они прошли бы дистанцию быстрее, чем новички вроде нас,— признал я.— Файлака был для них все равно что родным портом, и в гонках от Файлаки до Бахрейна профессиональная шумерская команда, несомненно, опередила бы нас на несколько часов. Нам при хорошем северном ветре понадобилось бы, наверное, тридцать пять двойных часов.

— Интересное днище у вашей ладьи,— заметил Бибби.— Эти два бунта, и малая осадка...

Следуя за ним, мы поднялись на стену, с которой открывался вид на приливно-отливную отмель, начинающуюся прямо от дюн перед воротами. В прилив морские волны, наверно, подступали к самой городской стене.

— Вполне могу себе представить, как плоскодонное камышовое судно во время прилива подходило сюда,— продолжал археолог.— И не опрокидывалось, когда наступал отлив, благодаря двойному корпусу. Ляжет перед воротами на обсохший известняковый грунт — пожалуйста, занимайтесь разгрузкой-погрузкой.

Мы уже обратили внимание на то, что окаймляющее остров известняковое ложе, особенно около порта, обусловливало как раз такой маневр, какой описал Бибби: с приливом подходить к берегу и ложиться на грунт во время отлива. А Бибби смог теперь своими глазами убедиться, что судно из берди вполне могло нести двадцать тонн груза — столько, сколько привозили в Шумер некоторые суда из Дильмуна, как сообщают плитки с клинописью [1].

— Но торговое судно должно возвращаться в

[1] Вскоре поолe захода «Тигриса» иа Бахрейн датские археологи возобиовили раскопки дильмунского порта. В черте города они нашли глубокую выемку, огражденную валами. И установили. что в прилив суда с малой осадкой могли входить прямо в высеченный в каменистом грунте защищенный бассейи внутри обращенной к морю городской стены, которая в таких случаях играла роль мола.

порт, откуда вышло,— рассуждал Бибби.— По-твоему, они ждали полгода, когда переменится ветер?

Возможно. А может быть, они намеренно приходили незадолго до смены ветра, чтобы сократить ожидание. Но лично я так не считал. Мне представлялось, что все дело в нас самих — не сумели еще освоить управление древней ладьей.

...Медь была, пожалуй, наиболее важным видом сырья, ввозимого в Двуречье во времена Дильмуна. Как подчеркивает Бибби в своей книге о поисках Дильмуна, письменность играла первостепенную роль в жизни древнего Шумера; обнаруженные в жилых и торговых помещениях глиняные плитки выполняли самые разные функции — от школьных тетрадей до счетоводных книг ростовщика. В числе других документов найдена деловая переписка проживавшего в Уре посредника в торговле медью. В переписке его называют «дильмунским купцом», но из одной плитки явствует, что руда добывалась в другом месте, а Дильмун служил как бы ярмаркой, где происходила купля-продажа металла. Бибби отмечает, что перевозившиеся в заливе во времена шумеров грузы меди были довольно значительными. В одном случае, по его подсчетам, из Дильмуна поступило восемнадцать с половиной тонн: «в ценах шестидесятых годов нашего столетия он (груз) стоил бы около двадцати тысяч долларов».

Переписка посредника включает также плитку от недовольного клиента: «Ты сказал: «Гимил-Син получит от меня добрые слитки». Это твои слова, но ты поступил иначе, ты предложил моему посланцу скверные слитки, говоря: «Хочешь — бери, не хочешь — не бери». Кто я такой, чтобы обращаться со мной так высокомерно? Разве мы оба не благородные люди?.. Разве найдется среди дильмунских купцов хоть один, который обошелся бы со мной таким образом?»

Совершенно очевидно, что Дильмун был для наших духовных предтеч вполне реальной страной. И, конечно, среди торговых кораблей, которые швартовались у городских ворот погребенного ныне песками бахрейнского порта, были шумерские суда, поскольку вершина его активности приходится на времена Шумера. Возможно, именно здесь помещался «дом кораблей», упоминаемый Энки в поэме о Дильмуне, если только где-нибудь еще на Бахрейне не скрывается другой, столь же крупный приморский город. Но это маловероятно. Раскопанный датскими археологами торговый порт достаточно велик для небольшого острова.

Среди судов, заходивших сюда, чтобы, как свидетельствуют плитки, в обмен на месопотамские ткани и шерсть получить медь, наверное, были м а-г у р из Ура. Без оживленной торговли не мог бы процветать такой большой островной город. Внутри обращенной к морю стены на обширной площади простираются разделенные улицами руины дворцов и других строений.

С первого взгляда очевидно, что город подвергался реконструкции. И не менее очевидно, что лучшие каменщики жили здесь в наиболее древний период. Другими словами, в период первоначального Дильмуна, когда сооружались могильные холмы.

Казалось бы, что общего между камышовыми судами и тесаным камнем и что моряку до каменных стен. Но в древности связь существовала. Многолетние исследования убеждают меня, что строители папирусных и камышовых лодок частенько имели отношение к каменным стенам как раз такого рода. Обычно они же их сооружали.

Бибби не без удивления смотрел, как я, опустившись на колени, штудирую гладкую поверхность раскопанных им дильмунских плит и способ их соединения. Камни разной величины были все обтесаны под прямым углом и плотно, без малейших просветов прилегали друг к другу, даже если грани были неправильной формы...

Видя мой интерес к каменной кладке, Бибби снова отвез нас к одному из холмов Али, пожалуй, самому большому в этой группе и мало чем уступающему нимродской пирамиде. Ничего не скажешь, изрядная высота... Следуя за Бибби, мы обогнули холм и подошли к участку, где был расчищен кусок засыпанной битым известняком сплошной каменной стены. Судя по всему, блоки были одинаковой величины, как в Египте. Бибби объяснил, что большие бахрейнские могильники представляли собой нечто вроде ступенчатых пирамид округлой формы.

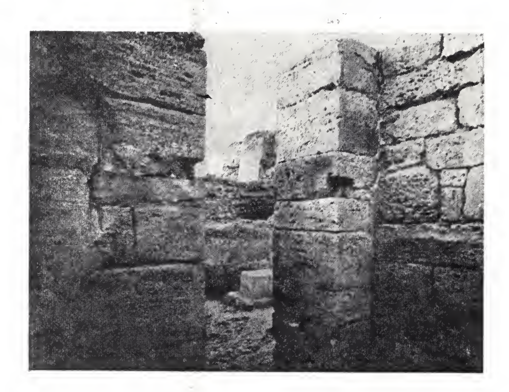
Никто не сомневался, что могильные холмы Али играли роль мавзолеев для усопших правителей. Возведение столь огромных сооружений требовало большой организованной рабочей силы; стало быть, речь шла о весьма могущественных монархах. Ограниченное число грандиозных холмов вполне может соответствовать чередовавшимся поколениям царей, а прилегающий к великанам обширный некрополь мог предназначаться для менее крупных вождей и иных лиц, достойных покоиться по соседству с монархами.

Глядя на крыши арабских домиков внизу и выжженный солнцем край с уходящими вдаль курганами, сплошной массив которых лишь в одной стороне нарушался скопищем обезглавленных пальм, я уже по-другому воспринимал эту безобразную картину. Выходит, перед нами Дильмун. Другими словами, страна, которую шумеры называли обителью своих пращуров. Местопребывание Зиусудры, священного правителя, восхваляемого за то, что он со своим кораблем даровал бессмертие человечеству. Культурный герой, которого затем под именем Ут-напиштима присвоили себе вавилоняне, ассирийцы и, возможно, хетты. Выдающаяся личность, впоследствии занявшая видное место в вероучениях иудеев, христиан и мусульман, называющих его Ноем.

Поразительно. Неужели я, сидя на вершине искусственной горы, обозреваю родину Ноя?

Может быть, в этом самом могильном холме был погребен Зиусудра? Ведь холм-то самый высокий. Согласно шумерским текстам, Зиусудра до конца своих дней оставался в Дильмуне, то есть на Бахрейне. В Шумер пришли уже его потомки. Если он и впрямь существовал, вполне вероятно, что его захоронили в одном из этих великих курганов. Как знать, возможно, я и впрямь сижу на гробнице Ноя.

Что за вздор! Ной никогда не существовал на свете. Ной — прелестный сказочный персонаж, странствующий с плавучим зверинцем, включающим самых различных животных, которые никак не могли быть найдены в одном месте. Сказочный персонаж, но ведь за этим образом стоит Зиусудра. А Зиусудра, говорит предание, взял с собой только то, что уцелело из его стад. Крупный рогатый скот и овец, вроде тех, чьи высохшие кости найдены перед четырехколесными повозками в царских могилах Ура или в мусорных кучах Шумера. Для шумеров Зиусудра был совершенно реальной личностью. Правитель из Шуруппака на Евфрате, чьи предки и потомки перечислены в шумерских генеалогиях, он со своими приближенными, включая кормчего Тузур-Амурри, спасся на корабле, когда поля и города на материке были уничтожены ката-

Былой порт Дильмуна.

строфическим наводнением. Потомки спасшихся вернулись из Дильмуна и вновь заселили опустошенную страну предков.

Было бы нелепо недооценивать древних шумеров только потому, что они жили за пять тысяч лет до нас, когда мир в основном населяли дикари. Шумеры не были малограмотными. Это у них мы научились писать. Они не были глупыми. От них мы получили колесо, умение ковать металл, сооружать арки, ткать, ходить под парусом, засевать поля и выпекать хлеб. От них у нас домашний скот. Они придумали единицы длины и площади, веса и объема и приспособления, чтобы все это измерить. Они заложили основы математики, производили точные астрономические наблюдения, следили за временем, изобрели свой календарь, вели счет династиям. Говоря о Дильмуне, Макане и Мелуххе, они точно представляли себе, где находятся эти страны, и вообще великолепно разбирались в географии. Иначе как бы они знали, куда отправляться за медью, золотом, лазуритом, сердоликом, алебастром и множеством других, ценимых ими материалов, которых не было в недрах Шумера, но которые тем не менее прочно вошли в их материальную культуру. Важнейшее значение придавали они истории. Исповедовали культ предков, дорожили памятью о событиях и героях прошлого. Списки правителей были священными текстами для подрастающего поколения, обучающегося у жрецов и мудрецов. Ной для нас — миф, но Зиусудра был для них исторической личностью. Дильмун представляется нам продуктом фантазии, для шумеров это был торговый центр в тридцати двойных часах пути от их страны.

Пронзительный сигнал одной из ожидавших нас внизу машин вернул меня из Дильмуна на Бахрейн. Пора возвращаться. Спускаясь по крутой осыпи, скрывающей замечательные каменные стены, я не отводил восхищенного взгляда от величественных рукотворных холмов Али. Этот остров вместил некрополь предтеч шумеров. В более широком смысле — некрополь наших духовных предтеч. Приблизят ли нас его памятники на один шаг к нашим забытым началам?

С чувством, похожим на благоговение, я ступил на землю у подножия холма и направился к машинам, воображая себе проходившие в этих местах необычные процессии. Быть может, здесь двигался траурный кортеж с прахом могущественного властелина, чьи подвиги на морях во все более приукрашенных версиях пережили века и дошли даже до классных комнат моего детства. Судно, ставшее «ковчегом», вероятно, было приставшей к этим берегам м а-г у р. Мифическая процессия спустившихся с него животных на самом деле состояла из нескольких коров, быка, небольшого гурта овец. После дней, проведенных на борту широкого, массивного камышового корабля, скотинка, мыча и блея, зашагала по мелководью к берегу, где сразу же принялась искать ближайший водопой. Люди и животные выжили на острове, так как бог священного правителя позаботился о том, чтобы из здешней земли били ключи холодной чистой воды с далеких гор на материке.

С ужасом смотрел я, как добытчики извести врубаются в самые величественные курганы. Все арабы островного княжества посещают мечеть, читают в священном коране о своем пращуре Ное — и эти же мусульмане разрушают киркой и лопатой древнейший мавзолей, к которому, быть может, приходили Сим, Хам и Иафет, чтобы почтить память своего отца...

Мы пришли на Бахрейн с огромной дырой в носовой части судна. Выше ватерлинии еще не так заметно, но наш дюжий аквалангист Герман скрылся под водой, потом вынырнул с испуганным лицом и доложил, что мог бы весь поместиться в этой полости. Веревки уцелели, но нитки свободно болтались,

Тур Хейердал, Джеффри Бибби (в центре) и тот старый рыбак, который вяжет лодки из пальмовых черешков.

и обнажились внутренние связки. Нужно было ремонтироваться, иначе мы рисковали, что ладья в конце концов развалится на части.

На борту был небольшой запас камыша для мелкого ремонта; мы могли также использовать кранцы, связанные из б е р д и. Но ведь этого все равно мало. Как быть?

Мне пришла в голову одна идея, и я стал перелистывать книгу Бибби из библиотечки «Тигриса». Автор привел рисунок парусной лодки из связок, напоминающей файлакские с двойным рулевым веслом на корме. Я прочел надпись: «Такие лодки длиной около пяти метров, связанные из бунтов камыша, применяются рыбаками на Бахрейне. Они обладают хорошей плавучестью, но, естественно, пропускают воду (почему их, строго говоря, следует называть плотами). Сходные лодки из папируса использовались в Египте более 4000 лет назад».

Я бросился к Бибби. Все остальные, с кем бы я ни говорил, видели на Бахрейне только танкеры, яхты и моторные суда. Бибби хорошо помнил, где ему встречалась упомянутая в книге конструкция. Проехав через весь остров, мимо десятков тысяч еще не виденных мною гробниц, мы добрались до крохотной — в несколько цементных домиков — рыбацкой деревушки Малакия на юго-западном берегу. Обвешанные драгоценностями женщины и дети с золотыми зубами показали нам ведущую к морю тропку. Бибби заметил, что несколько лет назад тут стояли куда более красивые и здоровые жилища из черешков пальмовых листьев. Валяющаяся кругом пластиковая тара и прочие современные отбросы, а также горы объедков, над которыми вились мушиные рои, выразительно говорили о быстром обогащении. Арабский шофер заверил нас, что у этих людей теперь уйма денег, и главной проблемой стало, как их истратить. Оставив машину на превосходном шоссе, не ведающем, что такое копыто коня или осла, мы пересекли некогда орошаемую и тщательно возделываемую тенистую пальмовую рощу и очутились под лучами жгучего солнца на протянувшемся далеко в обе стороны великолепном песчаном пляже. В море стояли на якоре небольшие д а у без мачт. А на белом песке лежала маленькая лодка столь хорошо знакомого мне типа. Ее только что вытащили на берег, она даже не успела обсохнуть. Какой-то старик в чалме и в халате горчичного цвета, со связкой серебристых рыб в руке как раз подходил к пальмам. Мы окликнули его, он с готовностью подошел и ответил на все наши вопросы. Лодка — его, он сам ее связал, называется она ф а р т е х, и на всем острове осталось лишь четыре человека, умеющих вязать такие лодки.

Работа мастера. Безупречная симметрия, точность во всех деталях. Материалом послужил не камыш, а черешки листьев финиковой пальмы, совсем как на Файлаке, где тоже — во всяком случае, теперь — нет камыша. Помимо скрепляющих всю конструкцию витков, каждый черешок был аккуратно сшит с соседом; общий результат был поразительно похож на камышовые лодки, которые я видел у индейцев сери в Мексике. Вероятно, стебли этого камыша и пальмовые черешки слишком твердые, недостаточно губчатые, чтобы ограничиться только наружными витками. И они вряд ли сохраняют плавучесть так же долго, как камыш. Я спросил об этом старика. Он не смог ничего сказать по этому поводу, заметил только, что прежде местные жители ходили на ф а р т е х в Саудовскую Аравию, это два дня пути, после чего лодку вытаскивали на берег для просушки. Он сомневался, чтобы ф а р т е х могла продержаться на воде больше недели. Черешки не устоят против действия морской воды. Старик выходил в море на веслах, однако он нари-

Тору заделывает дыру в носу «Тигриса».

совал на песке контуры паруса, каким пользовались прежде, и сказал его название — ш е р а. Такими трапециевидными парусами раньше оснащались д а у; в наши дни их увидишь лишь на таре для фиников. По сути дела, это тот же древнеегипетский парус, только поставленный косо. Теоретически достаточно наклонить прямой парус, чтобы лодка из бунтов могла лавировать против ветра.

Идя вдоль пляжа, мы увидели на берегу под пальмами еще две лодки точно такого же вида. Одна совсем новая, связанная подлинным умельцем. У таких лодок-плотов есть одно важное преимущество: они свободно проходят над известняковыми отмелями, после чего их можно вытащить на сушу, тогда как другие лодки становятся на якорь вдали от берега.

Волны выбросили на пляж черешок, который привлек мое внимание своей красотой. Тонкий конец черешка густо оброс белоснежными коническими ракушками и стал похож на чудесный белый цветок. Показывая Бибби эту диковину, я вдруг сообразил: передо мной было немое свидетельство того, что черешки пальмовых листьев не так уж быстро разъедаются морской водой. Ведь не один месяц провел в море, судя по размерам моллюсков, а совершенно целый и тугой, как новенький.

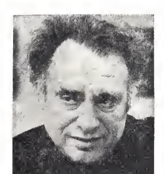
Мы догнали бегом старого рыбака, и он обещал в следующую пятницу доставить к нам на пристань две сотни черешков, если мы пришлем за ним машину. Обещал также лично отремонтировать нашу большую ф а р т е х.

Настала пятница, и наш шофер привез черешки. Но рыбака не привез: его жена объявила, что они больше не вяжут лодки для чужеземцев. Несколько лет назад один вот такой приезжий заказал ее супругу ф а р т е х. Снимал кинокамерой весь ход работы, когда же лодка была готова, попрощался и уехал, сказав, что они могут оставить ее себе.

Ладно, хоть получили за наличные две сотни черешков. Что нам, строго говоря, и требовалось. Дальше справимся сами.

Карло трудился над водой, Тору и Герман — под водой. Сначала в зияющую дыру затолкали все излишки запасенного в Ираке б е р д и. Затем просунули под веревочные витки длинные и тугие, но достаточно крепкие черешки и сшили их на дильмунский лад; получилось что-то вроде защитной пластины кирасира. По виду пальмовые черешки удивительно напоминали стебли папируса, но они были и тверже и тяжелее. Когда провисшие веревочные витки натянулись до предела, так что было нельзя просунуть больше ни одного черешка, их для верности обвязали сверху бечевкой крест-накрест, и «Тигрис» опять стал таким же красавцем, каким был в первые дни, когда ветер гнал нас к Файлаке.

(Продолжение следует)

МАРК ЛИСЯНСКИЙ

Март

Зима, замедлив бег,
Ложится синей тенью,
И пахнет снег сиренью.
И морем пахнет снег.

Я крикну Марту:
— Выше
Свой факел поднимай! —
И в звуке «Март» услышу
Внезапно отзвук: «Май».

Я в дружбе с юным Мартом,
Хотя заметно сед.
Соперничает с мраком
И побеждает свет.

А день все прибывает,
И нет ему цены.
Сильней весны бывает
Предчувствие весны.

С надеждами моими
Выходит Март на старт.
И собственное имя
Я слышу в слове Март.

В душе на самом донце
Я детство берегу.
Ах, мартовское солнце
На мартовском снегу!

Песня

Песней тайну не нарушу,
Я его люблю, друзья,
За распахнутую душу
Да за синие глаза.
И за то, что он родился
Возле моря самого́,
И за то, что он влюбился
В ту, что выбрала его.
И за то, что даль морская
Мне в любой туман видна.
А душа его такая,
Как безбрежная волна.
И за то, что сны морские
Он рассказывает мне.
А глаза его такие,
Словно звезды в глубине.
И за то, что ближе к маю
Скажет: в море ухожу...
А еще за что — не знаю,
Может, знаю — не скажу!

Шостакович

У черного рояля мальчик тоненький,
В костюмчике матросском,
А в окне —
Солдаты маршируют за гармоникой
И где-то погибают на войне.

Волненье не сдержать губами сжатыми,
На заостренном носике очки.
Над хмурым Петроградом,
Над солдатами
Взлетает гром из-под его руки.

На повлажневшем лбу вихор колышется,
И серые глаза устремлены
Туда, где зов трубы военной слышится,
Где слышится безумный вой войны.

Склонившись над линованной страницею,
Он в нотах различает голоса.
И кажется рояль огромной птицею,
Стремительно летящей в небеса.

Он слышит песню матери над зыбкою,
Ему шаги истории слышны,
И для него береза плачет скрипкою,
Виолончель поет в руках весны.

В семнадцать лет его назвали гением,
На гребни волн вздымал девятый вал,
И каждый раз над новым сочинением
Он, задыхаясь, жизнью рисковал.

Вселенная была ему наградою,
И ныне длится это волшебство,
И нас встречает утренней прохладою
Немеркнущая песенка его.

А жизнь была и матерью и мачехой,
Но все-таки добро сильнее зла.
Мелодия, написанная мальчиком,
В последнюю симфонию вошла.

Голубая роза

Видишь, друг любезный,
Пред тобой и мной —
Роза. Цвет небесный.
Аромат земной.
Не посетуй, проза,
Тут стихи нужны.
Голубая роза.
Голубые сны.
Знает роз немало
Наш обширный свет.
Белый, черный, алый,
Желтый — чайный цвет!..
Как метаморфоза,
Словно гимн красе,
Голубая роза
В голубой росе.

ние и мужество не подарят единственного, что нужно ему,—жизни. Ни денег, ни славы, ни тупого поклонения толпы — обыкновенной жизни среди полей и лугов, жизни простой, но оттого ничуть не менее дорогой и прекрасной...

Алексей почувствовал, что нет больше силы, нельзя терпеть, сейчас или никогда, и — будь, что будет! — пусть даже он погибнет, ведь и это не жизнь. И пропала вдруг злость, и страх пропал, и все стало ясно, бело, и, не прилагая уже никакого усилия, естественно и просто, как будто не он уже, а за него кто-то, спокойно сказал он, глядя прямо в глаза высокому:

— Знаешь что? Катись-ка ты со своей монетой. Вас пять, а я один — не стыдно? Над стариками издеваетесь, «исследователи»! Дураки вы, жизни не знаете. Честную игру надо, а не так. Сам поднимай!

И только начал он говорить, произнес первое слово, прекратился разом озноб, и колени окрепли.

Высокий, совершенно не ожидая именно таких столь простых истин, высказанных спокойным тоном, ошарашенно вскинул голову, в исследовательском взоре его появилось недоумение и вопрос. А Алексей сделал то, что казалось немыслимым, непредставимым лишь несколько секунд назад — он спокойно раздвинул двоих и вышел из круга, и так же спокойно направился к девушке, которая почему-то остановилась и, чуть улыбаясь, ждала его.

Двое из ассистентов — те, которых он так внезапно раздвинул,— инстинктивно качнулись вслед Алексею, но вовремя оглянулись на высокого. Тот странно смотрел вслед беглецу и, как видно, не собирался догонять, а потому ассистенты остановились тоже. Главный «исследователь» усмехнулся слегка, тряхнул головой и, переведя взгляд на одного из ассистентов, сказал:

— Подними деньги.

Тот беспрекословно выполнил приказание.

— Вытри,— велел главный.

Тот старательно вытер полтинник о материю своих джинсов.

«Оближи»,— вертелось у высокого на языке, но он промолчал.

— Давай сюда.

Монета перекочевала в его карман.

— Хватит, все по домам,— сказал высокий и посмотрел вслед удалявшейся паре.— Видали девочку?— добавил он и цокнул языком.— Эх, вы, дураки, жизни не знаете...

Пикадоры молчали обиженно.

Так обстояли дела у пятерых, когда Алексей их покинул. А может быть, и не так, может быть, слишком преувеличенной была очередная фантазия Алексея, но, во всяком случае, никто не бросился вслед за ним, когда он подходил к девушке.

— Здравствуйте,—сказал он, подходя.— Я знал, что вы придете. Меня зовут Алексей. А вас?

Они медленно шли по солнечной площади — девушка рядом,— и это было так, как в лучшей из его фантазий. Но ведь это же — подумать только! — была действительность, жизнь. Живая, земная, реальная девушка не в фантазии, а на самом деле шла рядом с ним и смотрела на него и улыбалась ему так, как никогда еще, ни разу не смотрели и не улыбались ему красивые девушки.

И никто не догонял их. И солнце светило.

МИКОЛА СЫНГАЕВСКИЙ

Небо

А небо покорить не удается!
Оно сегодня звездами смеется.
А завтра тучей над рекою вешней
Внезапно зарыдает безутешно.
Его познать хотел я с самолета,
В глазах людей искал разгадку тайне,
И вспомнил маму в горестных заботах,
В ее неутомимом ожиданье.
От мелочных забот хотелось мне бы
Сбежать, прижаться к матери щекою.
Что небо! Нам рукой подать до неба,
Когда оно над отчею землею.

☆☆☆

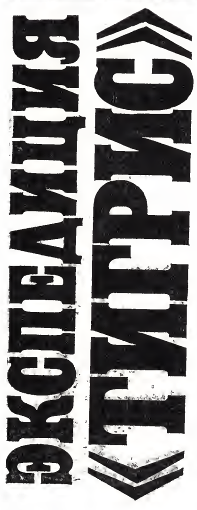
Все минуло. Недавно и давно.
Воспоминанья — листья под ветрами.
...Еще в бродильнях — юное вино,
И лето распахнуло настежь рамы.
Выходит сердце на заветный круг
И ничего, выходит, не забыто:
Ни лето то далекое, ни Буг,
Где лишь тебе душа была открыта.
Тебе и солнцу... Солнцу и тебе.
Что может быть еще душе угодно!
Я нынче низко кланяюсь судьбе
За то, что не забыли этот год мы.
Все так же вдаль уносит воды Буг,
И слабые надежды гасит вечер.
Все так же пахнет свежим сеном луг,
Как и при той, последней нашей встрече.
Нет, юности вернуться не дано.
Не попросить у осени прощенья.
Все минуло. Недавно и давно.
Минуло все. Не будет возвращенья.

☆☆☆

Нарисовать вдруг захотелось лес
Таким, как он привиделся давно.
Деревьев кроны в просини небес
Одним мазком легли на полотно.
А солнце шло с лучом наперевес
И опускалось на речное дно.
И, словно в раму, уложились в стих.
Запечатлелись в сердце навсегда
Земля и небо, травы и вода —
И только-то... Излишеств никаких.

Перевел с украинского
Л. СОРОКА.

ТУР ХЕЙЕРДАЛ

Все, что датский археолог Джеффри Бибби показал на Бахрейне Туру Хейердалу — десятки тысяч малых и больших гробниц, древний храм, похожий на шумерские зиккураты, былой порт,— говорило в пользу того, что богатый пресными источниками Бахрейн и есть Дильмун шумеров, во всяком случае, центр Дильмуна и перевалочная база для товаров, которые шли в Шумер из дальних стран.

С особенным вниманием присматривался Тур Хейердал к древнейшим образцам каменной кладки в порту и у основания храма. Ведь это была кладка, неразрывно связанная в его глазах с камышовыми судами, «отпечаток пальцев» древних мастеров, донесших свое умение в самые разные уголки земного шара.

Но откуда древние жители Бахрейна брали камень для своих построек! Об этом Тур Хейердал узнал, совершив экскурсию на лежащий поблизости островок Джида, представляющий собой, по сути, сплошную огромную каменоломню. И не было сомнений, что камень тоже перевозился на прочных бескилевых судах вроде «Тигриса».

Залатав поврежденный нос ладьи черешками пальмовых листьев, команда «Тигриса» возобновила плавание. Оманский кормчий вызвался на своей дау указывать камышовой ладье путь вдоль коварных берегов и среди нефтяных вышек до Ормузского пролива, где кончался Персидский залив и начиналось Аравийское море. Задача эта была нелегкой для утлого арабского суденышка, но капитан Саид, приняв для связи на борт члена экспедиции иракского студента Рашада, делал все, чтобы помочь Туру Хейердалу. В какой-то момент «Тигрис» и дау потеряли друг друга. Они порознь прошли одну из самых оживленных морских магистралей мира — Ормузский пролив, где ладье не раз угрожало столкновение с большими пароходами. И уже за проливом, когда тревога за судьбу Рашада и капитана Саида достигла предела, обе скорлупки нашли друг друга. Команда «Тигрис» одновременно отпраздновала возвращение на борт молодого араба и встречу Нового года.

В сложном плавании от Бахрейна до Ормузского пролива члены экспедиции научились управлять «Тигрисом», и они уже более уверенно последовали вместе с дау капитана Саида в сторону Омана.

Меня разбудили звук приближающегося в ночи мотора и чей-то хриплый, неприязненный голос. Чужой голос. В ответ с мостика Норрис и Рашад отчаянно закричали: «Назад! Не подходите!»

Часы показывали 2.30, сквозь правый дверной проем на меня смотрели мерцающие звезды, пока в стену не уперся чей-то наглый прожектор. И сразу сна как не бывало.

Мы находились где-то у берегов Омана. Нам наговорили всякие страсти про эти места. Дескать, в этом районе Аравийского моря современные пираты грабят и захватывают малые суда. Совсем недавно газеты писали про плавающую на яхте датскую чету, которую начисто обокрали, оставив только самую малость питьевой воды, чтобы бедняги выжили.

Перехватившие «Тигрис» люди не могли знать, что нас одиннадцать человек и у бамбуковой рубки выход на обе стороны. Я приготовился растолкать ребят и потихоньку выбрался через левую дверь, чтобы устроить засаду, но остановился, слушая приблизившиеся недобрые голоса.

— Что это такое? — сердито крикнул кто-то по-английски с арабским акцентом.

— Судно,— почти так же зло ответил Рашад.

Продолжение. Начало см. в №№ 6—7 за 1980 год.

— А что это за здоровенные ящики у вас на борту? — Снова по нашим рубкам заскользил луч прожектора.

— Это рубки! Не подходите! В рубках спят одиннадцать человек из разных стран!

Однако предупреждение Рашада не подействовало. Звездное небо затмил вторгшийся в правую дверь острый нос чужого судна, и в ту же секунду все обитатели рубки проснулись от сильного толчка.

— Назад! Вы покалечите наше судно! — вопил с мостика Рашад, и мы поддержали его лихим воинственным кличем.

Ноги Юрия были вытянуты у самого проема, и спросонок он яростно крикнул Рашаду из-за тростниковой стенки:

— Скажи им, пусть уматывают, это международные воды!

— В том-то и дело, что нет,— сердито отозвался Рашад.— Мы находимся у берегов Омана. К тому же «уматывайте» не самое подходящее слово, когда в тебя целятся из автомата!

Тем временем мы уразумели, что к чему. Мы, но не наши незваные гости. В жизни не видел таких испуганных и озадаченных глаз, какими воззрился на нас смуглый оманский рулевой в полицейской форме, когда мы высыпали из рубки на палубу, точно злые псы из конуры.

«Тигрис» был перехвачен сторожевым катером с тремя представителями береговой охраны Омана. Пограничники подошли, чтобы обследовать ладью, а когда рассмотрели золотистые бунты шумерской м а-г у р, то от растерянности не сообразили ни свернуть, ни остановиться. Больше тысячи лет в здешних водах не плавало ничего подобного нашему судну. Ошарашенные зрелищем, которое явилось их взорам в луче прожектора, они забыли про руль и наскочили на ладью, основательно встряхнув камышовые бунты и бамбуковые рубки. А тут еще из «ящиков» на палубе вырвались крики на вавилонской смеси языков, и на палубу высыпали разъяренные бородатые дикари. Немудрено, что потрясенная троица поспешила отступить.

В самом деле, когда еще они увидят, как из двух маленьких рубок с такой быстротой вылезает на карачках столько негодующих мужчин Полусонные, вне себя от ярости и тревоги, мы бросились к правому борту, ожидая увидеть вконец искалеченные связки. Двадцать два грозящих кулака и яростные возгласы на разных языках, в том числе на понятных им арабском и английском, повергли пограничников в такое смятение, что они, не говоря ни слова, продолжали отступать, пока не скрылись в темноте за сопровождающей нас д а у.

Внезапно донесся новый взрыв арабских восклицаний: поравнявшись с судном капитана Саида, стражники обрели дар речи. Нам послышалось, что они сыплют проклятиями, но Рашад внес ясность:

— Они обвиняют своих соотечественников, что те связались с судном, которое кишит ш а й т а н а м и.— Последнее слово не нуждалось в переводе.

Будь стебли б е р д и такими же сухими и ломкими, как при начале строительства ладьи в Ираке, столь пристальное внимание пограничников положило бы конец нашей экспедиции в тихих водах Омана. Но для б е р д и справедливо то же, что для папируса: если его сперва просушить на солнце, а потом намочить, волокна обретают невероятную крепость. К счастью для нас, за последние дни буйные волны залива основательно увлажнили камыш и тростник, так что бунты стали тугими, как резиновые кранцы, а плетеные стены рубок эластичностью уподобились кожаной обуви. Даже при дневном свете мы не смогли обнаружить никаких повреждений выше или ниже ватерлинии, если не считать нескольких сдвинутых палубных досок и каркасных реек, а их ничего не стоило подвинуть обратно.

После двух суток, когда мы чувствовали себя улитками среди туфель в бойком танцзале, это была первая ночь, которую «Тигрис» провел в тихих водах в стороне от пароходных трасс. Когда на смену первому дню нового года снова явилась ночь, весь простор от горизонта до горизонта был свободен от судовых огней, и море вдоль побережья расстелило такую гладь, что звезды смотрели в него, как в зеркало. С легким сердцем, чувствуя себя в полной безопасности, укладывались мы спать — и были разбужены столкновением...

Решение идти на юг вдоль восточных берегов Омана мы приняли не сразу. Редко приходилось мне так явственно представлять себе чувства древних путешественников, как после выхода из тесного Ормузского пролива, когда перед нами встал выбор — куда дальше следовать. У нас не было заданного маршрута. Открывшийся нам Оманский залив напоминал воронку, поскольку берега его расходятся от пролива под углом на восток и на юг. После всех переживаний от грозной близости скал и утесов соблазнительнее всего было, используя попутный ветер, править прямо на просторы Индийского океана. Но вряд ли так поступали команды первых м а-г у р, выходя из залива на разведку. Всякого, кто вроде нас никогда не бывал здесь прежде, наверно, манило исследовать какой-то из открывшихся его взгляду, расходящихся в разные стороны берегов. Так было и с нами, хотя мы-то хорошо знали, что один берег направляется к Индии и дальше на восток, другой — к Красному морю и Африке.

Только Карло был против неприятного соседства скалистых берегов и за то, чтобы поскорее выходить в открытый океан. Ему не терпелось проплыть побольше, пока ветер в нашу пользу. Норрис призывал нас идти вдоль побережья Аравийского полуострова: очень уж живописно смотрелись с моря дикие скалы и острые пики Омана. Причудливые формации сулили ему отменные кадры для фильма об экспедиции. Норман поддержал его, сказав, что этот маршрут позволит нам зайти в маскатский порт, чтобы подготовить снасти и рулевое устройство для плавания в океане. Других, и меня в том числе, соблазняло побережье азиатского материка.

Я знал, что, следуя вдоль восточного берега, мы дойдем до берегов Пакистана и Индии, где расцвела Индская цивилизация, одна из трех ведущих цивилизаций древности, не уступающая по возрасту и значению культурам Двуречья и Египта. Среди великого разнообразия судов, тысячи лет ходивших вдоль континентального побережья от Ормузского пролива и обратно, наверно, было предостаточно м а-г у р. Археология установила, что порты Двуречья, такие, как Ур и Урук, и могущественные города-государства Мохенджо-Даро и Хараппа в долине Инда поддерживали обширные связи друг с другом, причем остров Бахрейн служил промежуточным торговым центром. Именно этот путь предлагал мне проверить на месопотамском судне Джеффри Бибби, и соблазн был исключительно велик.

Тем не менее нос камышовой ладьи развернулся на юг, и мы пошли вдоль Аравийского полуострова. Сомневаюсь, чтобы древние мореплаватели начали свои исследования с этого маршрута. Дикие голые склоны Оманских гор с обрывающимися в море нелюдимыми скалами могли приютить только птиц. Правда, дальше к югу ландшафт становился приветливее, горы сменились волнистыми холмами. Насколько известно науке, на территории Омана в

древности не было цивилизации, сравнимой с Индской. И все же у меня была совершенно особая причина присоединиться к тем, кто голосовал за то, чтобы следовать вдоль этих берегов в сторону Африки. Во-первых, если верить метеорологам, зимой в этой области ветры дуют от Азии к Африке, и только весной меняют направление на обратное. Во-вторых, мои мысли упорно вращались вокруг дошедших до меня накануне старта на Тигре неподтвержденных слухов о сделанном в Омане интересном археологическом открытии. Эту потрясающую новость передал мне, сославшись на директора Багдадского музея, видного археолога Фуада Сафара, немецкий репортер с усами, похожими на велосипедный руль. Будто бы из достоверных источников в Багдаде стало известно, что где-то в Омане, за Ормузским проливом, в районе Маската, обнаружен в песках шумерский зиккурат — ступенчатая пирамида, каких до сих пор не встречали за пределами Двуречья.

Я отказался поверить. Очень уж это смахивало на розыгрыш, придуманный журналистом, увидевшим намалеванный на нашем парусе зиккурат. Однако немец клялся, что он лишь выполняет роль передатчика чужих слов. Дескать, Фуад Сафар был очень взволнован и просил нас непременно попытаться зайти в Оман, подчеркивая, что впервые за пределами Ирака найдено шумерское сооружение.

Я поделился с ребятами удивительной новостью. «Слишком хорошо, чтобы в это поверить»,— сказал Норман. Я и сам так считал. Пирамид на Земле не так уж много, и они разделены большими расстояниями. Не из тех они предметов, на которые можно нечаянно набрести в песках. Черепки — пожалуйста, но не пирамиды. В Старом свете они найдены только в Египте и в Двуречье. Не слишком ли это невероятное совпадение, чтобы первый шумерский зиккурат в далекой стране у рубежей Индийского океана был обнаружен как раз тогда, когда мы подняли парус на шумерской ладье, надеясь достичь этих самых рубежей? Скрепя сердце мы решили отнести эту версию к разряду анекдотов и постараться о ней забыть.

Тем не менее, когда мы с Норманом оказывались вдвоем на рулевом мостике, он порой произносил с мечтательным выражением: «А все-таки здорово было бы встретить шумерский зиккурат в стране на берегу Индийского океана!»

Эта тема обрела новую актуальность на Бахрейне, когда Джеффри Бибби отвез нас к развалинам дильмунской храмовой пирамиды, наделенной, по его словам, всеми основными чертами месопотамского зиккурата. Сплошная, ориентированная по солнцу ступенчатая конструкция с лестницами на гранях и святилищем наверху. За пределами Двуречья такие сооружения неизвестны. Если не считать древние Мексику и Перу. Бибби так и называл свою пирамиду «мини-зиккурат». Он даже нашел в святилище месопотамские изделия. Бахрейн находился примерно на полпути между Ираком и Оманом. И я отважился спросить Бибби, доходил ли до него слух о том, что в Омане недавно обнаружен шумерский зиккурат.

Нет, он не слышал ничего подобного. Если Бибби, виднейший знаток археологии этого района, ничего не слышал, стало быть, это выдумка. И мы твердо решили выкинуть ее из головы. Однако Оман продолжал неудержимо манить нас с Норманом. И когда Норман после Ормузского пролива предложил идти вдоль берега на юг, чтобы подремонтировать снасти в Омане, я заподозрил, что он не совсем забыл про таинственный зиккурат...

На другой день после столкновения со сторожевым катером дикие горы Северного Омана ушли из нашего поля зрения, но под вечер мы приблизились к берегу настолько, что увидели приморскую равнину с редкими высокими деревьями. Равнина была совершенно плоской, и можно было наперед сказать: незримая береговая линия представляет собой длинный пляж, на отмели перед которым мы вполне можем отдать якорь. Но пока мы взвешивали этот вариант, Норман из своего уголка в главной рубке крикнул, что установил двустороннюю связь с береговой радиостанцией. Маскатские власти предупреждали, чтобы «Тигрис» без соответствующего разрешения не приставал к оманским берегам. Заодно нам передали радиограмму Би-би-си: консорциум запрещал Норману использовать любительскую рацию для передачи каких-либо сведений. Он не должен сообщать радиолюбителям наше местонахождение. Не сумеет, как это было до сих пор, наладить связь на фиксированной частоте передатчика, предоставленного консорциумом, все равно — в работе с любителями передавать только «все в порядке» и больше ничего. Этот запрет возмутил Нормана.

— А если мы потерпим крушение? — спросил он и сорвал с головы наушники.

Было еще совсем светло, когда д а у остановилась возле поплавков большой рыбацкой сети. И ребята Саида, к нашему удивлению, преспокойно начали вытаскивать сеть и выбирать из ячеек трепещущую рыбу. Покончив с этим делом, привязали к поплавку полиэтиленовый мешочек и бросили сеть обратно в море. После чего знаками дали понять Рашаду, чтобы подошел на шлюпке за нашей долей; выяснилось, что они положили в мешочек три динара в уплату владельцу сетей.

И вот уже мы вылавливаем из большой кастрюли Карло дымящуюся вареную рыбу, а Тору подает японское блюдо: нарезанную кубиками сырую рыбу в соевом соусе. Для тех из команды, кто еще не пробовал сырой рыбы, это блюдо оказалось приятнейшим сюрпризом. Сам Тору, весь в ожогах и волдырях, выглядел так, словно побывал на раскаленной сковороде. Перед обедом он долго сидел и нервно поглаживал обессиленно приземлившегося на ладье крупного хохлатого зимородка больше в утешение самому себе, чем птице. В этот день Тору первым прыгнул за борт искупаться и угодил прямо в скопище медуз. Маленькие прозрачные кишечнополостные в несметном количестве окружили ладью, кокетливо помахивая фиолетовыми юбочками и длинными жгучими нитями. У них была в разгаре брачная пора, и они явно вознамерились весь Мировой океан наполнить своими отпрысками.

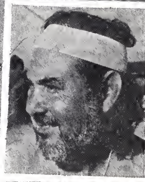
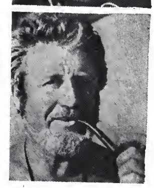
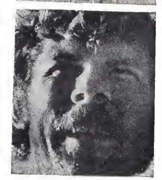
Но и человек тоже оставил свидетельства своего стремления безраздельно властвовать на суше и на море. На выходе из залива поверхность воды была затянута радужной нефтяной пленкой. Мы приготовились увидеть комья мазута, но мазут попадался редко и лишь маленькими комочками. Не то, что сделанное нами десятью годами раньше неожиданное открытие, когда мы, идя на «Ра I» и «Ра II», радировали в Организацию Объединенных Наций, что Атлантическому океану угрожает сильное загрязнение. С того времени заметно сократились случаи намеренного выброса танкерами отходов в море. Тем не менее на наших глазах огромные танкеры, прежде чем входить в Ормузский пролив, беззастенчиво промывали цистерны водяным балластом.

Нефтяная пленка не мешала примерно сотне дельфинов резвиться и прыгать вокруг ладьи. И вода кишела планктоном, невидимым до захода солнца, как невидимо днем звездное небо. Зато едва показывались звезды, вокруг рассекающих воду рулевых весел вспыхивал планктонный фейерверк. Время от

Команда «Тигриса». По вертикали слева направо: 1-й ряд (сверху вниз) — Норман Бейкер, Юрий Сенкевич, Карло Маури;

2-й ряд — Ханс Петтер Бён (Эйч-Пи), Асбьёрн Дамхюс;

3-й ряд — Тору Судзуки, Рашад Назир Салим;

4-й ряд — Детлеф Зоицек, Герман Карраско, Норрис Брук.

времени в глубине мелькали огоньки, точно кто-то сигналил фонариком или чиркал спичкой. Ночи здесь были такие теплые, что мы несли рулевую вахту без курток. Снова, как тридцать дней назад, над притихшим морем шумерской ладьей плыл молодой месяц.

Хотя патрульный катер больше не возвращался, было очевидно, что оманские власти извещены о нашем появлении. Капитан Саид был заметно озабочен, как будто пограничники назначили его нашим сторожем. Кончилось тем, что на подходе к прибрежным островам Сувади он настоял на том, чтобы взять нас на буксир, словно пленников. И не отпускал от себя, пока мы не стали перед скалами на якорь рядышком друг с другом.

Перед Сувади мы всю вторую половину дня следовали мимо чудесного белого пляжа с редкой цепочкой пальм и других деревьев. Тихое море омывало песок; вдали голубели горы... Оказавшись здесь, древний исследователь, конечно же, направил бы свою камышовую лодку-плот к приветливым, просторным берегам. И мы бы непременно это сделали, не будь строгого радиопредписания сперва оформить паспорта и получить разрешение на высадку в лежащем дальше на юго-восток Маскате.

С приближением вечера уходящий в обе стороны пляж ожил, полчища моторок муравьями устремились в море. Несколько валких весельных лодок, похожих на каноэ, обогнуло ближайший от нас остров, чтобы проверить сети. В одной из лодок сидели два старика и юноша, который греб суком с привязанным к нему подобием лопасти. Симпатичный седобородый плут с орлиным носом предложил нам купить у него рыбы по сходной цене. У нас не было оманских денег, но мы показали ему две крупные ассигнации — одну бахрейнскую, другую катарскую. Старик схватил обе и сказал Рашаду, что должен выяснить на д а у, сколько это будет в оманских деньгах, чтобы выбрать какую-нибудь одну бумажку и отсчитать сдачу. Однако стоило рыбакам зайти за д а у, как все трое дружно взялись за весла и умчались за остров с такой скоростью, что никакие чемпионы не угнались бы за ними.

Больше в тот вечер нас никто не навещал, если не считать окружавших ладью рыб и морских птиц. Две черепахи подняли над гладкой водой головы-перископы, изучая нас. Несколько раз кто-то очень большой, вероятно, кит, поднимался к поверхности и, сделав шумный вдох, тут же снова погружался. Мы его так и не рассмотрели...

Восхитительный уголок... Сбившиеся в кучу островки разделены тихими проливами в обрамлении мягких склонов и светлых пляжей, но в море смотрят бастионы стометровых утесов. Как же нам хотелось сплавать на берег! Однако капитан Саид умолял нас ради его блага не выходить на сушу. После того, как пограничники видели нас вместе в оманских водах, спрашивать будут с него...

Норман снова связался по радио с Бахрейном, и, пользуясь неожиданно хорошей слышимостью, мы передали адресованную морскому агентству в Маскате официальную просьбу разрешить нам высадку на берег. В ответ нам передали, что резолюция портовых властей будет получена завтра, но так или иначе высадка может быть разрешена лишь в столице Омана — Маскате.

В восемь утра мы поставили паруса и покинули острова. Саид не возражал против того, чтобы мы плыли своим ходом, однако шел все время так, чтобы видеть нас. Слабый юго-западный ветер толкал ладью в открытое море, но благоприятное местное течение вкупе с новым топселем, который Норман сконструировал и поднял на бамбуковой рее, помогали нам уверенно выдерживать курс параллельно берегу. Изредка с моря катили группами по два, по три высоких вала — своего рода привет от больших танкеров, проходящих за восточным горизонтом.

Идя вдоль низменного побережья с голубой цепочкой гор в глубине, мы поравнялись с городом Барка. В это время Норман принял через радио Бахрейна новое послание Маската: высадка пока не разрешена, вопрос обсуждается «на высшем уровне».

В 15.15 нас нагнало сторожевое судно «Харас II» с крупной надписью «Полиция». Офицер приветливо помахал нам рукой и осведомился:

— Все в порядке?

— В порядке, спасибо! — крикнул я и помахал ему в ответ с мостика.

Однако мой приветственный жест сменился лихорадочной жестикуляцией, когда я увидел, что судно разворачивается и идет прямо на нас, точно атакующий носорог. Я подумал было, что это шутка, юмористический намек на поведение встреченного нами раньше сторожевого катера, но тотчас убедился, что шуткой тут и не пахнет. Мидель ладьи с гостеприимно открытым дверным проемом главной рубки явно оказывал магическое притягательное действие на полицейских инспекторов. А может быть, связанные веревкой бунты смотрелись как небывалой прочности кранец и здесь было заведено для таможенного досмотра подходить в упор к грузовым баржам и плавучим платформам. Так или иначе, вторично в рубку к нам вторгся чужак. Сколько ни метались мы на палубе и на крышах рубок, крича и размахивая руками, «Харас II», как нарочно, с ходу таранил «Тигрис» в той самой точке, куда врезался предыдущий гость. От толчка в живот Эйч-Пи кувырнулся на спину. Вместе с Юрием он сидел в дверях, и обоих нос катера затолкал внутрь рубки, где Норман, сидя с наушниками на голове, озадаченно смотрел на закупоренный посторонним судном дверной проем. К счастью, планшир «Хараса II» был выше боковых связок «Тигриса», так что он уперся в шестерку крепких бакштагов и веревочно-бамбуковую ограду — изобретение Карло, призванное охранять нас от риска свалиться за борт во время сильного волнения. Мачта и рубка вздрогнули от удара под протестующий треск и скрип снастей, бамбука и тростника.

Придя в себя от неожиданности и убедившись, что ладья не рассыпалась, мы с удивлением обнаружили: гостей уже и след простыл — сторожевое судно полным ходом удалялось к Маскату. Славные люди, которые подошли поприветствовать нас, явно были шокированы нашей невоспитанностью. Ладья уже доказала свою прочность при подобном испытании, почему же мы их встретили так неприязненно?

Берег передал по радио новое послание: вопрос о высадке еще не решен, нам предлагается ждать в международных водах у Маската до следующего дня.

— Объясни им, что наша ладья все равно что плот,— сказал я Норману,—за ночь нас снесет. Глубина не позволяет нам отдать якорь в открытом море. И спроси, почему нам нельзя войти в порт.

Норман передал мои слова и добавил, что мы идем под флагом ООН. Потом снял наушники.

— Хочешь верь, хочешь нет, они говорят, все дело в том, что у нас на борту есть русский.

Вместе с д а у мы подошли совсем близко к берегу, точно Саид решил, что теперь мы уже никуда не денемся. Мы почти не видели жилья, но в одном месте возвышалось нечто вроде средневековой крепостной стены с башнями и брустверами, за которой стояли великолепные здания в арабском стиле. Это был один из приморских дворцов султана; главная резиденция располагалась в Маскате.

Оманский султанат находится на юго-востоке Аравийского полуострова, по площади он почти в пятнадцать раз больше Кувейта, однако до недавних пор оставался одной из наименее изученных стран земного шара и был закрыт для иностранцев, пока нынешний самодержец, султан Кабус, заточив в тюрьму собственного родителя, не приступил к модернизации страны. Для начала он велел проложить дороги и разрешил импорт автомашин. Правда, мы смогли убедиться, что, несмотря на все признаки экономического бума и строительной активности поблизости от Маската, туристам по-прежнему не было доступа в Оман. Вообще в страну пускали только тех иностранцев, кандидатуры которых были одобрены лично самим султаном.

Вечером мы подошли к большому скалистому острову с маяком. Перед островом помещалась якорная стоянка грузовых судов, ожидающих своей очереди войти в гавань Маската или слишком больших для здешней гавани. Мы запросили по радио разрешение отдать якорь хотя бы на этой стоянке, объяснив, что иначе течение отнесет нас слишком далеко и утром мы уже не сможем вернуться в Маскат. Такое разрешение было получено, однако наши якоря не доставали дна, и с той же проблемой столкнулся капитан Саид, а потому, когда он направился к входу в гавань, мы кротко последовали за ним на буксире и в конечном счете бросили якорь в окружении живописнейших д а у изо всех сопредельных стран; при свете звезд они вполне могли сойти за флотилию варяжских ладей.

Трудно сказать, кто был больше удивлен, когда на рассвете мы и наши соседи по гавани проснулись и увидели друг друга. Некоторые д а у пришли уже после нас, так что мы оказались в сплошном кольце, тогда как Саид стоял где-то поодаль. Но главную прелесть составляли не окружающие нас экзотические афро-азиатские суда, а общий вид, грандиозная картина местной гавани с ее поразительной смесью старого и нового. Обширный новый порт, названный Порт-Кабус в честь султана, вмещал и д а у и большие корабли. Редкий порт мог бы сравниться с ним в живописности. Над современными молами, причалами и пакгаузами, венчая лавовые скалы, гордо возвышалась средневековая португальская крепость. За частоколом мачт к девственно чистому голубому небу вздымались изрезанные эрозией черные голые гряды. Над горой вытянулись в ряд высокие белые арабские

строения, и оттуда доносило ветром сладковатый аромат благовоний и южных пряностей.

Первые лучи солнца только-только начали красить темный утес над нами в горчичный цвет, когда моторная лодка, промчавшись между дау, пристала к «Тигрису». Первым к нам на палубу спустился приветливый швед, представитель морского агентства. От него мы узнали, что все инстанции дали согласие на то, чтобы мы сошли на берег, осталось получить резолюцию султана. Потом подошел катер, навстречу которому мы, оберегая бунты, выставили полдюжины бамбуковых шестов. Катер доставил чрезвычайно учтивого полицейского офицера, прибывшего с кратким визитом вежливости. Еще через несколько часов нас почтил своим посещением необычайно радушный таможенный чиновник-шотландец. Посидев за столом и весело поболтав с нами, он удалился с нашей «судовой ролью», чтобы снять ксерокопии для чиновников иммиграционной службы.

Когда Карло готовил на камбузе второй завтрак, в гавань вошел большой полицейский катер. Чины в мундирах высмотрели нас в гуще дау, и мы опять приготовили бамбуковые шесты, но очередные гости — три полицейских офицера — спустились с катера в маленькую моторку и подошли к «Тигрису», соблюдая величайшую осторожность. Двое из них, оба в широких чалмах, оказались индийцами, причем старший по званию был родом из Дели. Такие же приветливые и радушные, как их шотландский коллега из таможни, новые гости тоже посидели и побеседовали с нами, после чего отбыли, подтвердив на прощание, что разрешение на высадку лежит на рабочем столе султана и будет подписано, как только он придет в канцелярию.

Во второй половине дня к нам подошел катерок консульства ФРГ, и консул обещал Детлефу связаться с представителем ООН в Омане и с американским посольством. После консула явился еще один полицейский и потребовал «судовую роль». Я объяснил, что ее уже увез на берег его коллега, однако новый гость заявил, что это его не касается, тот офицер был из другого ведомства, вероятно, из сыскной полиции. Я отпечатал на машинке новый список в пяти экземплярах. Почему-то это расположило к нам полицейского до такой степени, что он согласился отбуксировать нас к причалу, чтобы мы могли пользоваться туалетом в далеко не новом зеленом металлическом сарайчике.

Затаив дыхание, мы стояли с шестами в руках, пока катер вел нас зигзагами между дау. Только подошли к бетонному пирсу и приготовились швартоваться, как появился швед из агентства, крикнул, что мы не туда заехали, и показал на другой пирс, расположенный под прямым углом к первому. Катер развернулся на сто восемьдесят градусов, и мы перебежали с шестами к другому борту, чтобы уберечь от поломки торчащие на носу и на корме поперечные балки. Лихой маневр завершился удачно, но не успел Рашад выскочить со швартовом на пирс, как возникший невесть откуда портовый инспектор-англичанин остановил его и велел нам причалить за трехмачтовым учебным судном у первого пирса. В тесном пространстве между двумя пирсами взаимодействие «Тигриса» и катера нарушилось, и корма ладьи, где я один стоял с бамбуковым шестом, стала стремительно приближаться к стенке. Отталкиваясь от бетона изо всех сил, я вдруг смекнул, что рискую проткнуть другим концом шеста тростниковую стенку рубки. Рывком отклонил в сторону шест — и проиграл сражение. Выступающее с обеих сторон толстое бревно, на которое опирались рулевые весла, с нехорошим треском стукнулось о бетон, так что все деревянные конструкции на корме сдвинулись вправо.

В это время на борт «Тигриса» прибыли чиновники иммиграционной службы и, не подозревая о случившейся драме, учтиво попросили «одолжить» им на несколько минут наши одиннадцать паспортов. С другой стороны того же пирса разгружался норвежский сухогруз «Тир», капитан которого пригласил нас на дивный обед, и мы без каких-либо возражений со стороны местных чинов пересекли разделявшую нас полоску оманской территории.

На следующий день была пятница, и вся жизнь в порту замерла. Мы вытащили на пирс рулевые весла и принялись выправлять покосившиеся конструкции. Как и накануне, над нами то и дело совсем низко кружил вертолет. Представитель морского агентства передал, что султан еще не подписал разрешение, но как только он придет в канцелярию, все будет сделано в тот же миг А пока мы должны оставаться на борту «Тигриса».

В субботу к нам на борт явились четыре деятеля, которые вежливо попросили разрешить им осмотреть судно. Явно удовлетворенные увиденным, они подошли ко мне и, приветливо улыбаясь, осведомились, нельзя ли также спуститься в трюм. Я с не менее приветливой улыбкой попытался разъяснить им, что у нас нет трюма, вообще под палубой ничего нет, все на виду, и стал описывать устройство «Тигриса». Корпус из бунтов... По образцу шумерской ма-гур... Инспекторы нахмурились, дружелюбия как не бывало, и двое из них с нескрываемой подозрительностью начали заглядывать под матрацы и палубные доски, а остальные двое подвергли меня перекрестному допросу. За каждым ответом следовал новый вопрос. Для меня стало очевидно, что это сотрудники сыскной или тайной полиции, которым поручили произвести заключительную проверку, прежде чем впускать нас в султанат, и я принес камышовую модель «Тигриса», связанную индейцами с Титикаки, а также вырезки из газет других арабских стран и письмо норвежского министерства иностранных дел. Тем не менее, инспекторы покидали ладью отнюдь не убежденные в том, что у нас нет трюма. Так или иначе, следом за ними в охраняемую зону порта была допущена молодая англичанка, которая взяла интервью для «Оман таймс», затем явился с доброй вестью морской агент: султан Кабус подписал разрешение, мы можем, «находясь под наблюдением», посетить Маскат и снимать все, кроме нового дворца султана.

На базарах, на узких улочках, да и везде, где нам довелось побывать, чувствовалось, что Оман — древний тигель, в котором сплавлялись семитские, персидские, пакистанские, индийские и африканские типы. В облике людей я видел подтверждение того, что нам известно об истории этого края. Задолго до дней пророка Оман был центром мореплавания, привлекавшим парусники и Азии и Африки. Используя муссон, летом африканские купцы шли на север — в Оман, Пакистан, Индию, а зимой возвращались в Африку вместе с торговцами из Аравии и с азиатского материка. И португальские завоеватели не замедлили оценить стратегическое положение Омана в центре ближневосточных морских путей, как только Васко да Гама позаимствовал у арабов плоды их вековых наблюдений над муссонами.

Маскат стал столицей Омана прежде всего благодаря современному порту, а раньше главным городом был Эс-Сохар, лежавший севернее на открытом берегу, мимо которого мы прошли. Там парусники могли становиться на якорь на мелководье, и оттуда было несложно дойти до входа в залив, где

пролегали пути к Бахрейну, Персии, Месопотамии. Но в Эс-Сохаре нет защищенной гавани, а потому он был забыт внешним миром, когда султан Кабус приступил к модернизации Омана и начал с новой столицы. На горе над старой гаванью Маската появился роскошный дворец, а центром морских перевозок стал расположенный рядом Порт-Кабус. В это же время в процветающей столице и около нее были построены большой международный аэропорт, шоссейные дороги, административные и правительственные здания.

Во время обеда, данного в честь членов экспедиции генеральным директором порта, англичанином Бэрри Меткалфом и его супругой Кэт (исполнив танец радости и благодарности под чистыми струями душа, мы блаженствовали в мягких креслах, а на столе стояли тарелки с цыллячьим рагу и огромные кружки, в которых пенилось холодное пиво!), мы познакомились с видным итальянским археологом Паоло Коста, генеральным инспектором Управления древностей в Оманском султанате. Несмотря на пышный титул, Коста оказался очень простым и добродушным человеком, мы быстро перешли на «ты» и углубились в далекие тысячелетия, когда мусульманская вера и архитектура еще не распространились до Омана. Паоло рассказал, что на севере страны находятся древние медные копи. Там же найдены подземные акведуки, а на холмах стоит множество каменных башен, представляющих собой могильники примерно того же периода, что и многочисленные бахрейнские курганы.

Слухи о зиккурате не шли у меня из головы, и я спросил Паоло, верно ли, что в Омане найдена шумерская храмовая пирамида. Тотчас Норман придвинулся поближе к нам со своим креслом.

— Что-то найдено,— последовал неожиданный ответ.— Не хочу утверждать, что пирамида шумерская, но конструкция во всем похожа на шумерские зиккураты!

На другой день рано утром за воротами гавани нас уже ждал предоставленный портовыми властями автобус. Коста вызвался быть нашим экскурсоводом, и мы отправились в путешествие по краю, закрытому для туристов. Миновав сверхсовременную застройку в пригородах Маската, мы затем с каждой сотней километров словно углублялись на тысячу лет в прошлое — проехали древний город Низва и в горах, примерно в 250 километрах от Маската, достигли еще более древнего городка Эль-Хамра. Новое шоссе султана недавно дотянулось сюда, но электричество и водопровод еще не подоспели. Ни тебе транзисторных приемников, ни пепси-колы, ни полиэтиленовых мешочков... И если не считать того, что все мужчины моложе сорока пяти лет использовали шоссе, чтобы перебраться на заработки в Маскат, жизнь этого привлекательного уголка мало в чем изменилась со времен возникновения древних ближневосточных цивилизаций. Мы снова окунулись в библейскую атмосферу — впрочем, тут не библию следует вспоминать, а коран.

Из прилепившихся гроздьями к голому камню высоких глинобитных строений горчичного цвета появлялись босые женщины в ярких одеяниях и, держа царственную осанку, шествовали с кувшинами на голове к старым акведукам в тени финиковых пальм. Позвякивающие браслеты на их руках, как и серебряные кинжалы мужчин, украсили бы собрание самого взыскательного коллекционера. С отведенной для посадок влажной земли женщины возвращались на отшлифованные до блеска множеством ног и копыт узкие каменистые улочки, которые от вечнозеленых пальм между светло-коричневыми домами круто поднимались прямо в голубое небо. В прохладной тени аркад сидели и стояли люди в халатах, размышляя или беседуя и заботясь о времени не больше, чем присоединившиеся к ним вьючные ослики и безмятежно жующие жвачку козы. Нигде я не видел столько мужчин, напоминающих известное изображение «дяди Сэма» с роскошной бородой и орлиным носом. Нигде, если не считать доколумбовые каменные рельефы с изображением загадочных ольмеков, которые принесли цивилизацию на берега Мексиканского залива задолго до прибытия туда европейцев. Величавая осанка и спокойные лица старцев придавали им сходство с древними мудрецами. Снисходительные взгляды, провожавшие вторгшихся в их мир чудаков, заставляли нас чувствовать себя школярами, затеявшими возню перед коллегией профессоров, обдумывающих тайны бытия. Возможно, здешние жители не умеют писать, но ведь это их двойники первыми изобрели письменность. Их предки пустили и передали нам беспокойные часы цивилизации; мы заставили эти часы тикать в тысячу раз быстрее и, не осознав толком своих заблуждений, спешим распространить их всюду, куда дотянулись наши дороги.

Эль-Хамра выстроен на скальном грунте, и его внушительные здания еще долго будут стоять на радость туристам, когда те устремятся в Оман. Но дома станут подобны пустым раковинам на морском берегу, ибо даже всемогущий султан не повернет вспять поток молодежи, устремляющейся по новым дорогам в Маскат.

Живое прошлое, с которым мы соприкоснулись в еще обитаемых городах и селениях горного Омана, согревало своим теплом и наделяло смыслом соседствующие с ними древние развалины. Особо знаменательны были для нас следы давней деятельности человека у Тави-Арджа, на сухих равнинах Вади эль-Джитт в северной части страны. Мы проникли туда на вездеходе Паоло Косты через приморскую низменность Эль-Батина, которую наблюдали с моря, когда шли на юг. Теперь, по пути на север, мы рассмотрели нашу якорную стоянку у острова Сувади, а часах в трех от Маската хорошая дорога привела нас к скромным пригородам бывшей столицы. От Эс-Сохара другое шоссе вело внутрь страны, к диким горам; мы уже видели их с другой стороны, когда пробирались к выходу из залива. На смену плоской равнине пришли сперва отлогие холмы, и мы с волнением заметили, что все они венчаются рядами древних каменных башен, удивительно похожих на бахрейнские. Коста рассказал, что многие башни уже раскопаны и оказались могильниками третьего тысячелетия до нашей эры, то есть периода шумеров, как и на Бахрейне. Сходство с бахрейнскими склепами выражается и в том, что здесь внутренняя камера тоже крестовидная. Я смотрел на древние башни по обе стороны в а д и, и они представлялись мне каменными турами, указывающими путь к храмовой пирамиде, к которой мы направлялись.

Вскоре Коста круто свернул с дороги, и машина запрыгала по дну каньона, где одни лишь верблюжьи тропы вились через потаенный мир пересохших русел и бывших пойм, всю растительность которых составляли редкие корявые деревца с несъедобными ягодами в обрамлении колючек. И кругом ни одного дома, хотя кое-где нам попадались живущие в своего рода симбиозе с деревьями полукочевые семьи. Их примитивное жилье представляло собой огороженную ветками платформу, примостившуюся среди кривых сучьев наподобие гнезда. Скудная одежда и утварь висели на сучьях вне пределов досягаемости для коз; как нам рассказывали, когда кочевников переселяют в настоя-

щие дома, они по привычке пол ничем не занимают, все имущество развешивают под потолком и на стенах.

Без дороги, прямо по гальке, мы доехали до конической черной вершины, служившей для Косты ориентиром, обогнули ее и на равнине перед собой увидели то, ради чего была устроена поездка. Я еще из машины обратил внимание на большие камни шоколадного цвета, слагающие террасированную стену засыпанного песком сооружения. Меня подмывало выскочить на ходу; наконец мы остановились, и я смог воочию убедиться: перед нами было то самое, что я надеялся увидеть, отнюдь не уверенный, что надежда сбудется. Никаких сомнений!

Коста подвел меня и Нормана вплотную, и Норрис поспешил занять удобную позицию со своей камерой, чтобы запечатлеть первую за много столетий встречу «камышовых» мореплавателей из Двуречья с остатками святилища, возможно, принадлежащего шумерам. Мы стояли у подножия рукотворного холма, пострадавшего от времени, но достаточно сохранившегося, чтобы судить о его форме. Разглядывая огромные коричневые камни кладки, мы слушали обстоятельное объяснение Косты:

— Пока не произведены серьезные раскопки, нет оснований датировать это сооружение третьим тысячелетием до нашей эры. Несомненно одно: перед нами капитальное сооружение уникального типа, квадратное в плане, ступенчатое, весьма умело сложенное без подбора камней. Поскольку оно стоит посреди равнины, окруженной холмами, речь идет не о фортификационном сооружении, и мы вправе утверждать, что это храм.

Продолжая жадно рассматривать высокий курган, мы подошли следом за Костой к той грани, вдоль которой до верхней террасы поднимался узкий пандус. Герман с трудом сдерживал свое возбуждение, ведь перед нами была ступенчатая пирамида вроде тех, которые нам с ним не раз встречались среди развалин доколумбовой поры в Мексике. И в то же время она обладала типичными чертами месопотамского зиккурата. Как подчеркнул Коста, ничего подобного не находили до сих пор не только в Омане, но и на всем Аравийском полуострове. Над поверхностью земли четырьмя ступенями возвышались облицованные крупным диким камнем террасы. Углы квадратного сооружения ориентированы по сторонам света; посредине одной из граней — хорошо сохранившийся мощеный пандус, совсем как у храмовых пирамид солнцепоклонников Двуречья и доколумбовой Мексики. Воздвигшие эту пирамиду люди руководствовались не мусульманскими канонами, зато бросалось в глаза принципиальное сходство с дильмунским храмом на Бахрейне, который Джеффри Бибби назвал «мини-зиккуратом».

В двух-трех десятках метров от пирамиды пестрели на солнце причудливые груды то ли битого камня, то ли шлака... Конечно, шлак.

— Я говорил тебе про древние медные копи — вот они, перед тобой! — сказал Коста.

Куски давно разрозненной мозаики начали складываться в логическую картину, и на миг у меня перехватило дыхание, а Коста уже показывал на странную гору за бугром со следами кладки. Будто огромный ржаво-красный гнилой зуб с почти сквозной дырой посередине. Сразу видно, что это не эродированный кратер, вообще не природное образование, тут поработал человек.

— Одна из старинных выработок,— объяснил Коста.— Здесь ты на каждом шагу увидишь следы деятельности древних рудокопов.

Но тогда понятно, почему именно здесь появился зиккурат шумерского типа. Вспомнились тексты древних плиток, с которыми я знакомился в Ираке и о которых говорил с Джеффри Бибби на Бахрейне.

По словам Косты, только у подножия причудливой горы лежало в кучах около сорока тысяч тонн шлака. Всего же геологи обнаружили в Северном Омане сорок шесть древних выработок. Нашему экскурсоводу не терпелось показать нам другую копь, где накопилось до ста тысяч тонн шлака. Древние рудокопы начисто срыли целую гору, и мелкая лощина на ее месте, засыпанная разноцветным шлаком из множества маленьких плавильных печей, напоминает исполинскую палитру.

Мы достигли самого впечатляющего, по мнению Косты, из всех археологических объектов Омана. В самом деле, нельзя было не поразиться размаху древних тружеников, преобразивших местность в подобие огромной арены под открытым небом. От бывшей тут горы рудокопы оставили только отливающий металлическим блеском монументальный выступ, этакую триумфальную арку, примостившуюся на приподнятом краю пестреющего обломками поля битвы. Не исключено, что величественная арка была сохранена намеренно в память о первой штольне, с которой рудокопы начали штурм медной горы, обреченной на полное исчезновение.

Я не мог больше терпеть, должен был поделиться своими догадками.

— Макан! — вырвалось у меня, когда Коста завел нас под могучую арку, чтобы мы оттуда полюбовались эффектным зрелищем.

— Верно,— подтвердил он.— Вполне возможно, что это и есть Макан, легендарные Медные горы древних шумеров. Здесь самое близкое к Двуречью месторождение меди.

Я вспомнил, как Джеффри Бибби, показывая развалины древнего портового города на Бахрейне, привел нас на площадь у обращенных к морю городских ворот, где были найдены куски необработанной меди. Бибби считал эту находку свидетельством того, что во времена шумеров местные купцы выходили из залива, чтобы добыть столь необходимый для культур бронзового века металл. Ввоз меди играл важнейшую роль для создателей цивилизации Двуречья, ведь ни в самой этой стране, ни у ее соседей по заливу не было своих месторождений.

Самый вдумчивый, пожалуй, исследователь вопроса о происхождении и путях доставки меди в Двуречье, Бибби обращает внимание на данные древних плиток о том, что металл привозили по морю из страны, которую шумеры называли Макан или Маган. Две найденные в Уре плитки четырехтысячелетней давности представляют собой расписки шумерского купца за товары, полученные им от главного храма. В одной расписке говорится о шестидесяти талантах шерсти, семидесяти кусках ткани, ста восьмидесяти шкурах и шести к у р (около двух тысяч литров) доброго кунжутного масла, предназначенного для «обмена на медь». Вторая расписка уточняет, что ткани и шерсть выданы для «обмена на медь из Макана».

К тому времени, когда раскопки Бибби на Бахрейне начали поставлять убедительные доводы в пользу гипотезы о тождестве Бахрейна и Дильмуна, уже было выдвинуто немало предположений о местонахождении Макана. В частности, некоторые ученые были склонны помещать Макан в Африке...

Другим исследователям Макан виделся ближе к шумерским портам. Так, Вулли писал, что «диорит доставлялся морем из Магана, расположенного где-

то на берегах Персидского залива». Насчет меди он уточняет, что она «поступала из Омана, как показывает анализ руды...». Бибби поддерживает эту точку зрения, во-первых, потому, что Макан, по его прикидкам, был вполне достижим для парусных судов из Дильмуна, во-вторых, потому, что анализ многих медных изделий из Двуречья, датируемых III—II тысячелетиями до нашей эры, показал наличие в металле малых примесей никеля. Никель в медной руде встречается довольно редко, но такую же примесь обнаружили в образце руды с закрытой при отце Кабуса территории Омана. Образец «из древних выработок» был найден в долине, уходящей в глубь страны от порта Эс-Сохар...

Мы прошли на шумерской ладье от Бахрейна до океанских берегов Омана. Пользуясь шумерской терминологией, можно сказать, что мы проплыли на ма-гур от Дильмуна до Макана. И нам наиболее правдоподобной представляется гипотеза, предполагающая, что обнаруженное геологами в Тави-Ардже неопознанное сооружение было воздвигнуто по воле исповедывающих культ Солнца купцов-мореплавателей, представителей великой цивилизации Двуречья, которые прибывали сюда в большом количестве, потому что здесь находился ближайший источник меди.

Из виденных в Омане следов изобретательности древних самое сильное впечатление произвели на нас подземные фалай. Среди безбрежной песчано-галечной равнины мы остановились перед ямой, которая в первую минуту показалась нам бездонной, мы даже попятились от ее края. Каменный колодец уходил в глубину по меньшей мере метров на десять, и дно терялось в кромешном мраке. Наверху отверстие окаймлял невысокий вал из выкопанной земли и гравия. В обе стороны уходила вдаль череда подобных ям. Мы услышали, что колодцы соединены с многокилометровым подземным водоводом, проложенным с такой точностью, что вода все время течет под уклон независимо от неровностей рельефа.

Некоторые фалай начинаются на поверхности земли для создания нужного напора, и мы с немым восхищением смотрели на открытый водовод на склоне холма, ныряющий под русло реки и выходящий наверх с другой стороны! Уйдя перед руслом в нечто вроде врытой в землю каменной башни, вода вновь появлялась в низкой башенке за рекой. Дальше акведук протянулся вдоль склона другого холма до опаленной солнцем равнины, где воду ожидало долгое путешествие в прохладном подземелье. Арабы и сейчас поддерживают в рабочем состоянии некоторые фалай; есть акведуки, построенные, вероятно, ими самими, но корни этих поразительных творений инженерного искусства и коллективного труда теряются в далекой древности.

Кто бы ни создавал первые оманские фалай, они подсказывают логический ответ на загадку, связанную с древними водопроводящими галереями, открытыми Бибби и его товарищами на Бахрейне. Дильмунские водоводы тоже скрыты глубоко в толще песков, и такие же каменные колодцы соединяют их с поверхностью. Думается, они, как и маканские акведуки, были намеренно проложены под землей, а не погребены впоследствии песчаными бурями.

Еще более наглядное, притом мобильное звено, соединяющее Дильмун с Маканом, мы наблюдали, спускаясь на машине Косты по широкому плоскому вади от храмовой пирамиды и окружающих ее копей к открытому берегу моря у Эс-Сохара. Этот старинный город расположен в устье бывшей реки, которая несла свои воды в море много тысяч лет назад, пока рудокопы не свели все леса внутри страны. Выплавка меди, как это видно по грудам шлака, велась в огромных масштабах и требовала колоссального количества заготавливаемых на месте дров. Здесь, как и во многих странах, и не только на Ближнем Востоке, хищническое обращение человека с природной средой превращало леса в пустыни, а реки в вади.

Ложе кончающегося у Эс-Сохара вади выстлано гладкой речной галькой. Надо думать, бывшая столица Омана потому и возникла здесь, что широкая водная артерия соединяла город с важнейшим горнопромышленным районом.

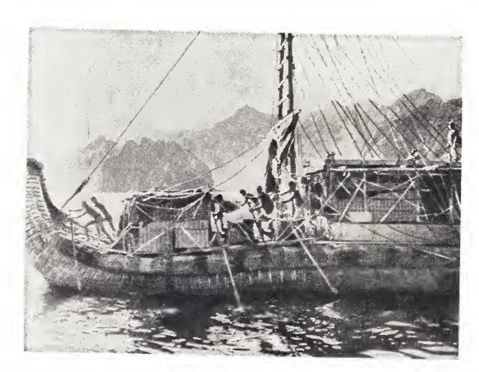
На полтооаста с лишним километров протянулся в этих местах широкий пляж, омываемый океанскими волнами. Чистый белый песок отделяет от воды незатейливые глинобитные и камышовые лачуги в предместьях Эс-Сохара. Дружелюбные арабские рыбаки сидели на солнце, чиня сети, когда мы приехали сюда. Старые женщины и юные девушки в ярких платьях, с черной полумаской на лице не прятались от нас, как в селениях внутри страны, а спокойно стояли у входа в свои жилища. Подгоняемая длинными веслами, с моря приближалась к пляжу лодка. Прибойная волна подхватила ее и вынесла почти на самый берег. Гребец вытащил лодку на песок. Маленькое суденышко, полное серебристой рыбы, было связано из пальмовых черешков, совсем как на Бахрейне. Рядом лежали на берегу еще три лодки такого же рода. Их местное название — шаша. Теперь таких суденышек становится все меньше. Нам рассказали, что ими пользуются для доставки грузов с дау, бросающих якорь на более глубокой воде.

Я пристально рассматривал шаша. Конструкция точь-в-точь такая, как у бахрейнских фартех, до малейших деталей, только и разница, что в названии. Два арабских народа по обе стороны Ормузского пролива унаследовали один и тот же тип судна, притом так давно, что называют его по-разному.

Не вынуди нас современные постановления идти до самого Маската, мы стали бы на якорь у здешних берегов — как это делают нынешние дау и делали прежние ма-гур из Ура и Дильмуна, слишком большие, чтобы приставать прямо к пляжу. Я живо представлял себе, как «Тигрис» стоит, покачиваясь на голубых волнах, а местные шаша подходят к нам для связи с берегом — так во времена шумеров они обслуживали купцов, которые приходили за многотонным грузом меди.

На самом деле «Тигрис» уже целую неделю праздно стоял в грязной воде Порт-Кабуса. Камышовая ладья, обреченная, по мнению авторитетов, насквозь пропитаться водой еще до выхода из реки, успела обрасти водорослями длиной с бороду Нептуна, на бунтах развелись крабы и аплизии. И мы никуда не спешили: скоро ли еще представится редкостная возможность посетить Макан!

Уже после возвращения в Европу я обратился к написанной ровно девятнадцать столетий назад «Естественной истории» Плиния Старшего, чтобы проверить, было ли известно древним римлянам что-нибудь об Омане и его жителях. Можете представить себе мое удивление, когда я обнаружил упоминание арабского народа «мака» (gentem arabiae macas), в земли которого, знаменитые медными копями, можно попасть через восьмикилометровый пролив, отделяющий эту страну от восточных пределов области, подвластной персидским царям. Безусловно, речь идет об Ормузском проливе, и ма-

«Тигрис» выходит на веслах из Порт-Кабуса.

ка, таким образом,— жители Северного Омана. Вполне логично, что мака обитали в стране, известной им и древним шумерам под названием Макан.

— Левая греби, правая суши!.. Обе стороны греби!.. И-и... раз!.. И-и... раз!..

Я стоял на высоком мостике, словно какой-нибудь капитан невольничьей галеры, а мои друзья, обливаясь пòтом, дружно налегали на длинные весла, которые согласно погружались в воду, придавая ладье сходство с огромной многоножкой.

Увлекательное испытание, я давно о нем мечтал, но раньше не было случая его провести. Мы задумали выйти из порта на веслах, и поскольку Тору и Карло втиснулись в резиновую шлюпку, чтобы снимать это событие, на веслах сидело только восемь человек, по четыре с каждого борта. Я рулил и, чтобы видеть ребят, стоял на перилах, держась за верхний из двух румпелей, которыми были оснащены рулевые весла.

— И-и... раз! И-и... раз!

Ребята полностью выкладывались, чтобы заставить тяжелую ладью двигаться вперед. Общий вес намокшего берди, надстроек и груза, наверное, приближался к пятидесяти тоннам, так что каждому гребцу надо было перемещать по воде вес одного слона. Не справимся с экспериментом — дело может обернуться скверно. Если ладья выйдет из подчинения, малейший порыв ветра или каприз приливно-отливного течения в гавани могут привести к нежелательному контакту с корпусами, швартовами и якорными цепями окружавших нас со всех сторон больших и малых судов. Устремленные на нас с берега и кораблей взгляды многочисленных зрителей еще больше подстегивали ребят.

Мы поднялись до восхода, чтобы попробовать своими силами выбраться из обширной гавани прежде, чем разгуляется ветер и проснутся местные жители. Но пока мы прощались со своими оманскими друзьями, весть об отплытии «Тигриса» каким-то образом распространилась по городу. Кому не удалось проникнуть на охраняемую территорию порта, те выстроились на берегу вдоль главной улицы. Команды стоявших в гавани судов тоже приготовились созерцать, что у нас получится. Выбирая якорный трос, мы отвернули нос ладьи от пирса, оттолкнулись от стенки и начали грести.

— И-и... раз!..

Минуту-другую ладья оставалась неподвижной. Потом медленно пошла. Очень медленно. Скорость меньше одного узла, однако достаточная, чтобы судно слушалось руля. Со спущенными парусами «Тигрис», будто длинноногое морское чудище, отполз от пирса и двинулся через лабиринт, образованный бетонными пирсами и стальными корпусами. Потревоженный веслами, уходил за корму засоряющий гавань хлам. Судовые сирены провожали нас тремя гудками: приветствие современных океанских богатырей незатейливому древнейшему предку, упорно пробивающемуся в открытое море. Два вертолета кружили над нами, как бы проверяя, взаправду ли мы уходим. В сопровождении эскорта его величество султан промчался на машине по магистрали до Порт-Кабуса, развернулся и ринулся обратно в свой дворец в Маскате. Вся эта шумиха прибавляла гребцам задора, и, когда остался позади последний корабль и открылся свободный путь до крайнего мола, внезапная тишина показалась нам даже гнетущей.

Отчалив в восемь утра, мы к девяти часам успели вполне постичь размеры огромной современной гавани: нам еще надо было обойти внешний волнолом, а уже принялся мешать слабый бриз. Непривычные к гребле, ребята здорово устали. Команда «Тигриса» была явно недоукомплектована. На древних петроглифах у средних размеров камышовой ладьи, как правило, не меньше двадцати гребных весел, у судов побольше — до сорока, у нас же работало всего восемь. С двадцатью веслами мы запросто развили бы втрое большую скорость.

На подступах к выходу из гавани слабый бриз стал для нас подлинной проблемой. Казалось, «Тиг-

рис» не трогается с места и расстояние до волнолома неизменно. Мало того, что ветер тормозил ладью: поскольку мы принимали его чуть справа от высокого носа, он теснил нас влево, грозя столкнуть с оконечностью дамбы. Рулевые весла вместе с носовыми и кормовыми швертами не могли противоборствовать сносу, поэтому я командовал правой четверке гребцов «суши!», а левая четверка гребла с удвоенной силой; время от времени ребята менялись местами.

Гребцы выматывали из себя все жилы; я же мог только следить за рулем и покрикивать все громче и настойчивее на своих «невольников». И подбадривать их, конечно. Волнолом упорно приближался. Осталось одолеть какие-нибудь сто метров, после чего мы, сравнявшись с длинной стенкой, обогнем ее штурмуемый волной конец, вырвемся на простор и поднимем квадратный парус. Минуты казались нескончаемыми. Кое-кто из ребят, выбившись из сил, шлепал веслами как попало.

В целом полтора часа ушло у нас на то, чтобы добраться до ворот рукотворной баррикады. Левый борт ладьи смотрел на звездообразные бетонные массивы, принимающие на себя натиск океанского наката. Отчаянными усилиями мы заставили камышовый тяжеловес протиснуться мимо дамбы. Просвет между ладьей и волноломом был так мал, что не давал четверым гребцам на левом борту толком грести. И едва мы вышли за волнолом, как ветер взял верх над мускулами. Вместе с волнами он навалился на ладью с такой силой, что нас стало сносить кормой вперед прямо на зубчатые многогранные глыбы. Лишь секунды отделяли нас от катастрофы.

— Поднять парус!

Строго говоря, время для такой команды еще не наступило, но у нас не было выбора, ребята совершенно выдохлись. Положение было отчаянное. С верхушки волнолома и с полудюжины наблюдавших наше отплытие катеров до нас донеслись тревожные крики. Ладью прижало почти вплотную к торчащим бетонным пальцам; с перил мостика я видел, как разбегаются крабики, спасаясь от рулевого весла, которое проплыло в нескольких сантиметрах от них. Угрожающая картина. Над «Тигрисом» нависла серьезная опасность. Поданный с одного из катеров буксир помог нам продержаться, пока ребята во главе с Норманом бросились ставить парус. В рекордно короткий срок парус занял свое место и наполнился ветром. Минута-другая, и бетонные клешни остались позади. Мы вышли в открытое море.

Как не позавидовать древним шумерским мореплавателям! Насколько проще все было бы, если бы мы, подобно им, могли подойти к Эс-Сохару и отдать якорь у пляжа. Там хватило бы нескольких весел, чтобы на стоянке развернуть ладью кормой к ветру и продолжать плавание.

Слабый ветер дул от зюйд-зюйд-оста — ничего похожего на мощный северо-восточный муссон, обычно господствующий здесь в середине января. Малая скорость при недостаточной площади паруса не позволяла нам лавировать, и мы, принимая ветер с правого борта, вынуждены были идти на север, в обход высокого черного мыса, выдающегося в море к северу от Порт-Кабуса. В шутку я сказал ребятам, что после Макана нам теперь не мешало бы, повернув назад, все-таки посетить долину Инда. В действительности, мы рассчитывали идти с муссоном на юг, в сторону Африки.

До самого вечера перед глазами у нас маячили высокие горы и скалистые острова Омана. С приходом темноты в той стороне было видно лишь несколько ярких огней, да и те вскоре канули в море, и ночью только тусклое зарево обозначало местонахождение Маската и Матраха. Но еще засветло нам явилась знакомая картина—непрерывная череда мачт и судовых надстроек вдоль восточного горизонта. Белые надстройки поднимались все выше, и вот уже целиком видны следующие друг за другом корабли. Мы снова вышли наперерез пароходной трассе, снова началась мерзкая беспорядочная качка на созданной супертанкерами толчее, и раздраженная камышовая ладья опять отзывалась режущим ухо кошачьим концертом на яростные удары волн. Во время нашей с Детлефом полуночной вахты мы с трудом избежали столкновения, в последнюю минуту свернув в сторону от небольшого сухогруза, который шел прямо на нас.

На другой день перед восходом солнца зюйд-зюйд-ост сменился норд-норд-вестом, парус наполнился, и мы с хорошей скоростью пошли курсом 130°. Во второй половине дня еще подправили курс, чтобы обойти мыс Эль-Хадд, крайнюю восточную точку Омана, после которого берег Аравийского полуострова, изогнувшись под прямым углом, направляется к Аденскому заливу.

И тут внезапно обнаружилось, что на борту «Тигриса» назревает серьезная проблема. Норрис, всегда веселый и радостный, вдруг ударился в мрачность и стал огрызаться. Причина была всем нам известна. В последний день в Омане, когда Паоло Коста возил нас к древним копям, мы сбились с пути в лабиринте в а д и и каньонов и допрыгались в машине по гравию и гальке до того, что в специальной кинокамере Норриса что-то поломалось. Забыв о сне и еде, он манипулировал со своими запасными частями, пока не убедился, что неисправность можно устранить только в мастерской. Перед отплытием из Омана Норрис отправил экстренную депешу консорциуму. Мы пытались утешить его, предлагая занять камеру у Тору или Германа — ничего, что они не рассчитаны на синхронную звукозапись. Однако наша недооценка профессиональных запросов Норриса лишь усугубила его хандру. Национальное географическое общество и телевизионная компания для того включили его в экспедицию, чтобы он снял документальный фильм с синхронным звуком. С обычной 16-миллиметровой камерой он задания не выполнит.

Лишенный своего орудия производства, Норрис в числе восьмерки гребцов прилежно налегал на весла, когда мы выходили из Маската. Тем не менее и в море камера продолжала бастовать, тогда ему загорелось вернуться на берег и отправить аппаратуру в ремонт самолетом. Я был даже рад, что на борту нет рекордера, так как разговор пошел на повышенных тонах. Норрис настаивал на том, чтобы его высадили на берег. Нам же в это время было плевать на фильм — главное, пока ветер благоприятный, уйти от всех волноломов и скал. Что мы и сделали, увозя с собой зародыш осложнений. Норман злился, потому что Норрис засыпал его срочными депешами для передачи через бахрейнское радио с требованием прислать самолетом в Маскат из Англии или США запасные части или новую аппаратуру и чтобы какое-нибудь судно доставило нам посылку в Оманском заливе. Я поддержал Нормана: на передачу этих депеш уйдет не один час, а нам важно отплыть подальше от берегов Аравийского полуострова. Рисковать экспедицией из-за какой-то кинокамеры было бы безрассудством.

В итоге долговязый весельчак Норрис замкнулся

в себе. Он смотрел в ту сторону, где скрылась за горизонтом земля, так, словно, потеряв возможность выполнять свое специальное задание, был готов покинуть нас и вплавь добираться до берега. Глядя на убитое лицо Норриса, я понял, что дело плохо. Норман сумел передать через Бахрейн его отчаянные призывы.

К этому времени бахрейнский радист Фрэнк де Суза стал как бы двенадцатым членом нашей группы. Только он ухитрялся принимать сигналы передатчика, которым нас осчастливил консорциум, и передавать нам ответы. Оставалось уповать на то, что случай поможет Норрису до того, как мы, миновав мыс, окончательно простимся с Оманом.

Мы благополучно пересекли пароходную трассу, однако, взяв курс на Эль-Хадд, снова сблизились с ней. Ночью было такое ощущение, словно мы странствовали в прериях, видя редкие огни разбросанных в темноте домов. Однако иллюзия сразу пропадала, когда огни придвигались к нам. Во время вахты Юрия и Германа один танкер промчался так близко от «Тигриса», что Юрий пулей выскочил из забортного туалета, а Герман принялся лихорадочно размахивать сигнальным фонарем.

На третий день после выхода из Маската благоприятный северный ветер кончился. Его сменили слабые порывы от оста и зюйд-оста, которые замедлили наше продвижение к мысу, зато пробудили надежду в душе Норриса. После Порт-Кабуса мы одно время шли в зоне умеренного загрязнения, теперь же кругом простиралась нефтяная пленка с комьями мазута. Не зная, что бахрейнское радио предупредило все суда этого района о нашем присутствии в Оманском заливе, мы решили уйти с трассы поближе к берегу. Перед тем нас крепко напугал роскошный лайнер, который неожиданно изменил курс и пошел прямо на нас, видимо, чтобы пассажиры могли получше рассмотреть необычное суденышко. Вскоре после того небольшой сухогруз вдруг застопорил машину и лег в дрейф, как будто вознамерился загородить нам путь. Обнаружив, что мы-то не можем остановиться, капитан в последнюю минуту скомандовал «полный вперед». Затем еще один сухогруз направился к нам, словно собираясь таранить «Тигрис». Это был норвежский «Брюнетте». Описав два круга около ладьи и трижды посигналив сиреной, он двинулся дальше. После него такой же маневр наподобие танца вокруг рождественской елки выполнил большой советский корабль «Академик Стечкин». С корабля окликнули в мегафон Юрия Александровича и спросили, нуждаемся ли мы в чем-нибудь. Мы ни в чем не нуждались и со всей доступной нам скоростью направились к берегу, спеша освободить оживленную магистраль.

Эйч-Пи поймал на свою любимую блесну огромную рыбину. Такую огромную, что она оборвала леску и скрылась прежде, чем кто-либо смог удостоверить, что добыча и впрямь, как он утверждал, была около метра в длину. А через несколько часов Асбьёрн, обвязавшись страховочным концом, взял острогу, прыгнул в воду и вернулся на борт с большущей корифеной, в пасти которой застряла драгоценная блесна Эйч-Пи с куском лески! Только Асбьёрн вышел из воды, как появилась двухметровая акула. Покружив около ладьи, направилась к красному спасбую, который постоянно волочился у нас за кормой, отдубасила его и исчезла.

На четвертый день справа показались возвышающиеся над мглистым берегом дикие горные гряды. Все корабли проходили мористее — нам удалось на какое-то время уйти с трассы. А ветер, заходя с востока, продолжал, к великой радости Норриса, теснить нас к гористому берегу. Вечером Фрэнк передал с Бахрейна невероятную новость: для Норриса приготовлена новая камера, ее отправят самолетом в Маскат, если мы готовы подождать. А что еще нам оставалось при виде сияющей небритой физиономии нашего кинооператора! Если к тому же и ветер был за него. Мы повернули на сто восемьдесят градусов и пошли параллельно берегу обратно на север. Сплошная череда суровых отвесных скал, вынырнувшая из тумана, производила куда более грозное впечатление, чем разбросанные вдоль пароходной трассы стальные корпуса, и, когда с приближением ночи неприступный гористый берег вырос еще выше, мы постарались повернуть камышовый нос «Тигриса» возможно дальше навстречу восточному ветру, который дул теперь в правый борт.

Последующие дни и ночи вряд ли кто-нибудь из нас забудет. Наш знакомый морской агент нанял рыболовное судно, и была назначена встреча в 12 милях от берега, в районе рыбацкого поселка Сур, уединившегося между скалами западнее мыса Эль-Хадд. Однако рыбаки не сумели отыскать нас в море, а высокие утесы и горные гряды не давали Норману связаться по радио с берегом или другими судами. Даже Фрэнк на Бахрейне за всеми горами не слышал нас. Мы решили пробиваться на север к Маскату, где нас было бы легче найти. Однако сообщить кому-либо об этом решении мы не могли, а рыбаки продолжали тщетно разыскивать «Тигрис».

Иной раз наименование места неверно характеризует его. Так было с мысом Рас Эль-Дауд. Для норвежского уха это название звучит как «Смертельный обвал», но Рашад объяснил, что по-арабски оно означает все-навсего «мыс Давида». Мы увидели этот угрюмый мыс ночью, в тусклом звездном освещении, в прозрачной пелене морского тумана. Проходя мимо него, я невольно подумал, что никогда не встречал места, более заслуживающего эпитета «смертельный», чем этот мрачный, омертвелый утес, который огромным могильным камнем возвышался в полуночной мгле над склепом пустынной узкой долины слева, теряющейся во мраке под шлейфом бледных облаков. Никаких признаков жизни. Никакого движения, если не считать ползущих прядей тумана. Вероятно, в устье долины был маленький пляж, и я взвесил возможность пристать к берегу между крутыми скалами, но вблизи он выглядел так зловеще, что наши штурманы согласились со мной: лучше вовремя отойти от этих скал подальше.

Между тем мыс надвинулся вплотную, и мы отдали плавучий якорь, чтобы затормозить ладью. Но из-за слабого ветрового сноса якорь не сработал, а ушел мешком под воду. Нас выручил сконструированный Норманом топсель на бамбуковой рее. С этим парусом ладья лучше слушалась руля, мы отразили попытки восточного ветра выбросить ладью на камни и за неимением иного выбора взяли курс на пароходную магистраль, которой перед тем так упорно сторонились. Только мы, завидев суда, прицелились пересечь трассу, как ветер совсем пропал. Слабенькие порывы с разных направлений не позволяли осмысленно управлять ладьей. Затесавшись в самую гущу интенсивного движения, мы без устали маневрировали рулевыми веслами и парусами, чтобы не оказаться на пути у быстроходных лайнеров и танкеров, которые с рокотом проносились мимо, раскачивая ладью так неистово, что мы опасались, как бы мостик у нас под ногами не сорвался с палубы в море вместе с рубкой и мачтой. Пока Юрий и Карло крепили узлы в раз-

ных концах ладьи, остальные всячески старались увести «Тигрис» с сумасшедшей трассы, отнюдь не рассчитанной на старинную камышовую ладью.

Хуже всего было ночью. Судовые огни мы замечали издалека, но, не видя самого парохода, не могли определить, пройдет ли он на безопасном расстоянии или надо остерегаться столкновения. Вот вынырнуло из-за горизонта созвездие огней — ближе, ближе, наконец можно среди них различить зеленый или красный фонарь. Если видно оба сразу, корабль идет прямо на нас: согласно правилам, красным огнем обозначается левый, зеленым — правый борт морского судна. На «Тигрисе» тоже вывешивались такие «ходовые огни» по обе стороны носовой рубки, но из-за ветра стекло быстро покрывалось копотью, а подчас пламя и вовсе задувало. Да и на каком современном большом корабле наблюдатель станет высматривать керосиновые фонари! А если б и заметили нас с мостика какого-нибудь супертанкера, все равно не успели бы ни остановиться, ни свернуть. И оставалось нам самим вести непрерывное наблюдение, внимательно следить за каждым вновь появившимся огнем, пока судно не приблизилось настолько, что можно различить сигнальные фонари. По взаимному расположению зеленого и красного огней, а также двух белых — одного высоко на корме, другого низко на носу—мы узнавали, находимся ли прямо на пути корабля или он пройдет мимо. Обычно на таком расстоянии мы уже различали черные контуры корпуса на фоне ночного неба, а при капризном ветре у нас оставалось очень мало времени, чтобы уйти с дороги. Поэтому ночью на мостике вахту несли двое, и они пристально наблюдали за огнями, чтобы определить, в какую сторону нужно отклониться— влево или вправо. Постепенно мы втянулись в такой режим, однако ночи были длинные, и мы нетерпеливо ждали рассвета. Утомительно было всматриваться в темноту, утомительно без конца воевать с парусом и снастями, утомительно ворочать рулевые весла толщиной с бревно, утомительно пружинить на прыгающей дельфином ладье.

С приходом утра огни исчезали—огни, но не корабли, и мы следили, как они возникают на горизонте, пища по-комариному, как приближаются, жужжа по-шмелиному, и наконец с грохотом проносятся мимо — будто слон ломится через лес.

Под вечер пятого дня погода переменилась. Над горизонтом набухли тяжелые тучи; глухо раскатывался гром. На западе вспышки молний озаряли силуэты приморских гор. Только спустилась ночь, как впереди, медленно пересекая наш курс, показалось странное сочетание огней. Недоумевая, мы спрашивали друг друга, что это еще за рождественская елка; в это время позади первого судна возникли не менее необычные огни второго, идущего так же неторопливо и тоже наперерез нам. При таком тихом ходе было похоже, что мы запросто успеем проскочить между ними. Мы с Германом так и решили сделать, но тут на мостик поднялся Детлеф, и я показал ему диковинную «елку». Он тотчас разобрался в ней, и мы живо повернули оба румпеля круто вправо и проскользнули у самой кормы второго судна — тяжело нагруженной баржи без экипажа. По комбинации вертикальных огней на мачте первого судна Детлеф, капитан торгового флота, определил, что это буксир ведет баржу на двухсотметровом тросе.

Я залез в главную рубку, чтобы немного подремать перед вахтой. У меня уже выработался навык спокойно лежать с закрытыми глазами, не вскакивая каждый раз, когда приближался какой-нибудь корабль. Слух машинально регистрировал медленно нарастающий и так же медленно убывающий гул проходящих мимо судов. Внезапно с мостика над моей головой раздался тревожный крик; вслед за тем я услышал тяжелый рокот поршней стремительно надвигающегося на нас корабля. Ребята высыпали на палубу, словно испуганные мыши. Высунув голову из левой двери, я увидел, что наш коричневый парус залит ярким светом, огромный рокочущий источник которого находился по другую сторону рубки. Взявшись за штаг, я встал — и в глазах у меня зарябило. Было такое чувство, будто я еду ночью по городской улице мимо высокой черной стены с ослепительной иллюминацией. Сверкающий огнями сухогруз вынырнул из тьмы так близко, что на какую-то секунду черная стена и две бамбуковые рубки словно слились воедино перед моим взором. Тут же они разъединились, и мы, не успев даже толком осмыслить, в чем дело, отчаянно уцепились за снасти, чтобы не сорваться с подброшенных пенными каскадами бунтов.

Едва отзвучали возгласы тревоги и облегчения, как с мостика опять донесся крик Юрия:

— Черт! Еще один!

Его голос потонул в рокоте поршней другого стального гиганта, который мчался следом за первым. Возникнув рядом с «Тигрисом», корабль небрежно отбросил нас в сторону, словно мощный плуг какого-нибудь червяка.

— Контейнеровоз,— сухо отметил Детлеф.— Они развивают скорость до тридцати узлов...

В беспокойную ночь у берегов Омана «Тигрис» благополучно избежал неминуемого, казалось, столкновения с большими быстроходными танкерами, и вскоре после того, как была получена новая кинокамера для Норриса Брука, Тур Хейердал решил посетить третью из дальних стран, о которых гласят шумерские предания,— Мелухху. Некоторые исследователи, в частности Джеффри Бибби, полагают, что за этим названием кроется замечательная древняя цивилизация долины Инда. Долина этой великой реки ныне составляет сердце Пакистана. Несколько дней ладья следовала вдоль гористого Макранского побережья и наконец вошла в пакистанские воды.

«Тигрис» шел вдоль самых нелюдимых берегов Пакистана, не располагавших мореплавателей к высадке ни в прошлом, ни в настоящем. Лоция кратко извещала, что природа воздвигла здесь отвесные известняковые стены, перемежающиеся непроходимыми мангровыми зарослями. Пожалуй, это был наименее изученный участок азиатского побережья на всем нашем пути.

Пожелав друг другу спокойной ночи, мы забрались в свои рубки. Хотя мы не подозревали, что предстоящая ночь принесет нам обилие сильных впечатлений и острых ощущений, все были несколько взвинчены. И не только от сознания того, что слева по борту простирался неведомый мир. Что-то было не так, нас будоражили смутные предчувствия. Царила необычная атмосфера, я не мог припомнить ничего похожего за все наши плавания. Море притихло, кругом— ни звука, если не считать стрекота кузнечиков, которые обитали у нас на борту, да иногда коротких всплесков прыгающей рыбы. Как будто мы очутились на горном озере. Как будто сердце планеты перестало биться. Затишье перед бурей?.. Белые птицы на носу и на корме сидели неподвижно, словно ожидая чего-то.

Раз за разом тревога выгоняла меня на палубу —

не видно ли суши? И я неизменно наталкивался на Карло, снедаемого тем же беспокойством. Такое совпадение еще больше встревожило меня. Карло предложил промерять глубину ручным лотом и был недоволен, когда я отклонил его предложение.

— Зачем, мы ведь далеко от берега,— сказал я.— Полночь, иди лучше спать.

— Да ты погляди на воду,— возразил Карло, наклоняясь над бортом с фонариком в руке.

Гладкое море было скорее белым, чем голубым.

— Должно быть, река муть вынесла,— предположил я.—Где ты возьмешь длинный тросик, чтобы достать дно в этом месте?

Мой ответ задел Карло, и он с угрюмым видом полез обратно в рубку. Я остался сидеть на длинной узкой лавке у левой двери. Именно с этой стороны следовало ожидать появления земли, и некоторое время я пристально всматривался во мрак в надежде увидеть далекий берег. Ничего... Вообще, по нашим расчетам, до суши еще было слишком далеко. И я вернулся в рубку.

В 01.30 меня разбудили громкие голоса Норриса и Асбьёрна, доносившиеся с мостика над головой. Вахтенные толковали о суше, и, выбравшись через левую дверь наружу, я тоже ее увидел. Выше стелющейся над морем белой мглы, в ночи на фоне звездного неба отчетливо проступали волнистые очертания горной гряды. Светила чуть урезанная с края луна. Насколько мы могли судить, горы были очень высокие, и нас отделяло от них изрядное расстояние. Вершины и седла оставались на одном месте, хотя мы шли на восток с приличной скоростью, принимая справа южный ветер. Наши карты этого района показывали только береговую линию, а лоция ограничивалась упоминанием о ровной череде известняковых утесов, так что столь внушительная картина явилась для нас полной неожиданностью. Вода кругом по-прежнему была молочного цвета. Я посидел, любуясь Азией и слушая всплески прыгающей рыбы, потом снова прилег, а в 02.00 заступил на рулевую вахту вместе с Тору.

Вид далекого берега почти не изменился, и это подтверждало, что расстояние до него достаточно велико. Мы с Тору без труда сохраняли курс 85°—90°, рассчитанный на то, чтобы с запасом миновать расположенный на курсовом углу 76° мыс Ормара — единственный мыс, выступающий в океан так далеко, чтобы затруднять нам подход к Карачи.

Во время нашей вахты облик берега вдруг стал меняться. Борозды ущелий и долин сгладились, и волнистая гряда сменилась плоским плато. Одновременно темный массив стал призрачно-серым и придвинулся совсем близко, покричи — отзовется эхом. Но эха не было. Пожалуй, и суши тоже, потому что призрачная стена местами свертывалась и растворялась в поднебесье, наподобие облаков. Что за чертовщина! Похоже, природа надула нас...

Подошло время Карло сменять меня, но еще раньше на палубу вышел по нужде Детлеф. Молочная гряда облаков оставила его безучастным, зато он обратил внимание на молочную окраску воды.

— Какая-нибудь река выносит глину! — крикнул он мне, почти дословно повторив мое заключение, которое вызвало такую досаду Карло.

Сам Карло только что вылез из рубки, держа в руках тросик, чтобы измерять глубину, прежде чем заступать на вахту. Ничего не говоря, он швырнул тросик обратно в рубку, поднялся на мостик и выхватил румпель у меня из рук.

— Курсовой угол восемьдесят пять градусов, не меньше, не то врежемся в мыс,— предупредил я. Подстегнутый его странной раздражительностью, я добавил: — Да не трусь ты, это всего-навсего облака.— И небрежно показал на таинственную пелену с левой стороны.

Тут же я пожалел о вырвавшемся у меня обидном слове, так как сам сомневался. Настолько, что вместе с Детлефом сел на лавку у левого борта и уставился на пелену тумана, неожиданно закрывшую вид на далекие горы, которые я так явственно наблюдал вместе с Норрисом и Асбьёрном. Прислонясь спиной к пружинистой тростниковой стене, я едва не уснул, но тут с проплывающей мимо нас мглистой пеленой что-то стало происходить. Молочная окраска сменилась желтоватой, и появились отчетливые вертикальные трещины — как будто изломанные края гренландского ледника медленно сбрасывали тонкий шлейф ночного тумана. Мгла рассеялась, облака исчезли, и перед нами в лунном свете обнажились бледные утесы, сложенные то ли известняками, то ли затвердевшей глиной. Гладкие, как стекло, они поднимались на 200—250 метров к звездному небу, теряясь вдалеке. Закрытый туманом, окаймленный мутной водой берег уже не один час назад подступил к нам совсем близко. То ли усиленный ветровой снос, то ли направленное к северу течение увели нас с взятого курса после острова Астола. Но утесы остановили снос, и ладья пошла прямо. Те самые стихии, что прижимали нас к берегу, сами повернули, напоровшись на твердыню. Дальше воздушные и морские течения следовали вдоль стены — и мы вместе с ними. Вдали от берега было раздолье ветру и воде. Здесь же командовали утесы. И они поработали на нас, даже волны усмирили.

Вершины, замеченные Норрисом во время его вахты, принадлежали расположенным в глубине материка горам Белуджистана. Вздымающиеся на тысячу метров пики и гребни на фоне звезд были видны, пока мы шли достаточно далеко от берега, и отороченная двухсотметровыми утесами приморская пустыня не могла их заслонить. Когда же мы приблизились к берегу, нависшие высоко над нашей головой, одетые во мглу утесы закрыли обзор.

В хлопотах с парусом, думая лишь о том, как отойти подальше от призрачных скал, мы забыли про тросик Карло, и хотя его инстинктивная тревога была вполне оправдана, нам так и не пришлось узнать, чем была вызвана молочная окраска воды— эрозией меловых утесов или близостью дна. Одно несомненно: когда мы любовались высокими хребтами далекого Белуджистана, нас в каких-нибудь сотнях метров подстерегали скалы.

Нам довольно легко удалось нейтрализовать снос и увеличить дистанцию, отделяющую «Тигрис» от длинной скальной стены, и я снова улегся на свой матрац. Но уже часа через два проснулся оттого, что Детлеф немилосердно дергал меня за ногу.

— Видно мыс Ормара, и что-то непохоже, чтобы мы смогли его обойти!

Я весь похолодел. Раннее утро 27 января, солнце еще не показывалось, мы шли с хорошей скоростью мимо озаренных луной белых утесов, но впереди они обрывались, открывая вход в широкую бухту. А за бухтой в море выступал гористый мыс, вдвое выше приморских утесов, с острыми шпилями и обрывами, при виде которых у наших рулевых сразу отпала охота следовать дальше вдоль берега. К тому же, как только кончились белые утесы, изменилось направление ветра. Стихии, диктуя свою волю, явно хотели, чтобы мы вошли в незнакомую бухту. Высокий мыс Ормара был точно регулировщик, указывающий левый поворот.

На фоне багряной зари он напомнил мне норвежский мыс Нордкап, крутые склоны которого точно так же обрываются в черные волны в зимний пол-

день перед началом поры полуночного солнца. А может быть, вернее сравнить Ормару с азиатским драконом, пришедшим к морю на водопой. Крутая спина дракона вздымалась к окропленному кровью небу, зубчатый хвост уходил в глубину бухты.

Надо было немедленно что-то решать. Я разбудил Нормана, он в два прыжка очутился на мостике и определил направление по компасу.

— Обойти не удастся! — крикнул он.— Нас несет прямо на скалы!

— Тогда войдем в бухту и отдадим якорь! — крикнул я в ответ.

Не теряя времени, мы вызвали на палубу всю команду. Убрали топсель. Повернули грот. Курсом фордевинд вошли в широкую бухту, оставляя мыс справа. И залюбовались великолепным зрелищем — очень впечатляюще выглядел черный дракон. Пурпурное небо за ним светлело на глазах, и вот уже первые серебристые лучи, протянувшись над его головой и над «Тигрисом», озарили слоновую кость утесов по другую сторону залива. В глубине бухты возникли три белых паруса. Когда они приблизились, мы подняли пакистанский флаг — звезда и полумесяц на зеленом поле с белым краем. Однако рыбацкие лодки миновали нас на почтительном расстоянии. Внутренний берег бухты терялся вдали.

Тору и Асбьёрн сели на резиновую шлюпку, чтобы снимать восход и промерять ручным лотом глубину перед нами.

— Пять саженей! Четыре сажени! — кричали они.

Только вошли в бухту, а уже так мелко! Вода и здесь была молочного цвета.

Норман попробовал вызвать по радио Ормару, Карачи, Бахрейн, потом послал вызов «всем, всем» — надо же было как-то запросить разрешение на высадку. Но нас никто не слышал. Оставалось готовить якоря и подходить к берегу незнакомого залива без разрешения. И без карты, продолжая измерять глубину. Впрочем, она больше не менялась. Посреди бухты мы убрали грот и на глубине четыре сажени отдали оба якоря. Они поползли по песчаному дну, и мы отметили, что ветер с моря усиливается. Над океаном громоздились низкие облака; по берегам залива кружились в воздухе песчаные вихри. Надвигался шторм, и хотя мыс частично прикрывал нас от ветра, «Тигрис» заплясал на высоких волнах, продолжая волочить якоря.

Непуганые птицы бесстрашно садились на палубу рядом с нами. Крупная олуша опустилась на воду около качающейся шлюпки и оставила свою визитную карточку на Детлефе, когда он отказал ей в удовольствии спокойно посидеть на весле. В этих местах явно не было заведено охотиться на птиц, зато, когда три лодки проходили мимо нас, мы почти за километр уловили явственный запах рыбы.

В полдень мы все так же волочили оба якоря, и ветер напирал немилосердно. Погода не располагала к тому, чтобы, подняв якоря, маневрировать по соседству с незнакомыми скалами в поисках более крепкого грунта. Я решил послать Нормана и Рашада на разведку—пусть поищут людей и либо на английском, либо на арабском языке выяснят, где нам лучше отстаиваться. Асбьёрн сел на весла, все трое надели спасательные жилеты, и нагруженная до предела резиновая шлюпчонка тронулась в путь, ныряя в ложбины между волнами.

Шли часы. Вернулся Асбьёрн, доложил, что прибой зверский, но они отыскали в крайней правой части пляжа защищенный уголок под скалами. Встретили человека, который кое-как объяснялся на арабском языке, и Норман с Рашадом пошли с ним. Отчитавшись, Асбьёрн отправился ждать наших посланцев. И надолго пропал.

Было ясно, что найденный разведчиками защищенный уголок недоступен для ладьи. Ветер неистово ворошил песок на берегах, якоря продолжали волочиться по дну, и за скалами показался широкий ровный участок — очевидно, перешеек, соединяющий мыс с материком. В правом конце перешейка, о котором говорил Асбьёрн, мы рассмотрели вытащенные на песок черные лодки, однако нашей шлюпки не было видно. Зафиксировав направление на одинокие пальмы у кончика драконьего хвоста, мы убедились, что нас по-прежнему сносит, и отдали плавучий якорь в надежде, что он зароется в дно и остановит нас, как это было у Файлаки. Однако глубина была еще слишком велика. Ветер упорно теснил ладью к берегу, и промеры давали уже не четыре, а три, две с половиной, две сажени. Когда счет пошел на метры, мы подняли рулевые весла вровень с днищем и закрепили их в этом положении.

Для нас, оставшихся на борту дергающего якорные канаты «Тигриса», потянулись волнующие и тревожные часы. Мы не опасались за свою жизнь, разве что прибой смоет нас и выбросит на камни. Нас беспокоила судьба палубного груза, и мы боялись, что уже не сможем продолжать плавание, если «Тигрис» прибьет к этим пустынным берегам. Со всех сторон доносился ритмичный грохот вздыбленной череды разбивающихся валов, которые вторгались в бухту с моря. Только по грохоту и можно было судить о высоте прибойных волн, поскольку мы видели их пологий задний скат.

Наши страхи и волнения не помешали нам по достоинству оценить окружающую экзотику. Эффектной декорации — обрамленная с одного края каменным занавесом плоская песчаная сцена под открытым небом — вполне отвечали не менее картинные персонажи. Представление началось с того, что из-за хвоста дракона появился верблюжий караван и прошествовал через всю сцену, протянувшись на шесть или семь километров. Погонщики в чалмах, мешковатых шароварах и пестрых халатах вели своих длинноногих трудяг вдоль самого края по уплотненному влагой песку. Не успевал один караван скрыться за скалами слева, как справа показывался другой. От двенадцати до четырнадцати верблюдов степенным шагом пересекали сцену от края до края. В обратном направлении шли погонщики с одним-двумя верблюдами, которые несли огромные охапки сушняка. Рядом с погонщиками или следом за ними семенили женщины с большими связками хвороста на голове, облаченные в длинные одеяния зеленого, красного и других ярких цветов. Вскоре расстояние до них сократилось до каких-нибудь четырехсот метров, и отделенные от них барабанами прибоя, мы чувствовали себя так, будто и впрямь сидели в партере театрального зала, тем более что люди на берегу совершенно не обращали на нас внимания. Хотя бы один остановился или повернул голову, чтобы взглянуть на пришельца из чужого мира — камышовую ладью, которая медленно ползла по воде кормой вперед, дергая якорные тросы.

Даже трусившие рядом с голенастыми верблюдами собаки и козы не смотрели в нашу сторону. Между тем мы приблизились к берегу настолько, что видели выброшенные на песок пучки водорослей. Озабоченные спасением судна и нашего имущества, мы в то же время жадно созерцали необычные картины. Вряд ли можно было в наш век найти другую обстановку, в которую так хорошо вписывалась бы камышовая ладья. Казалось, весь этот спектакль поставлен специально для нас, моделирующих историю.

Где-то за дюнами справа, куда люди и верблюды спешили с вязанками хвороста, явно находилось селение. По эту сторону дюн лишь несколько глинобитных лачуг приютилось под пальмами у драконьего хвоста, выше извлеченных на берег лодок. Вдалеке над песками торчала макушка мечети. Видимо, кочующие в пустыне мусульмане по случаю пятницы побывали в селении, а теперь возвращались к себе. А те, что собирали хворост, торопились домой, пока солнце не ушло за горизонт на западе.

Полной неожиданностью для нас было увидеть круживших над ладьей фламинго. Вытянув шеи и ноги, они летели клином. Немного спустя пошел дождь, загремел гром. В открытом море явно бушевал шторм, от которого нас частично прикрывал мыс Ормара. Шлюпка с нашими ребятами не возвращалась. Тишина на борту «Тигриса» оттенялась ритмичным гулом прибоя и раскатами грома. На камбузе Тору молча жарил корифену с луком. Эйч-Пи промерил глубину своим страховочным леером и доложил: два метра. Я проверил, получилось два метра двадцать сантиметров. В тихую погоду это означало бы полметра глубины под днищем. Но погода была отнюдь не тихая. Прибой давно подбирался к нам, и теперь могучие валы, вырастая за ладьей, с маху обрушивались на камышовые бунты. Поскольку якорные тросы держали нос, корма смотрела на берег, и тут оправдала себя изящная серповидная конструкция. М а-г у р была создана не для речного судоходства. Высокие дуги помогают отстояться на якоре в шторм; нос и корма возвышаются над гребнями частых волн, словно шея и хвост лебедя. Взмывая вверх, широкая крутая грудь «Тигриса» рассекала валы, потом скатывалась в ложбины, отбрасывая брызги в стороны, так что на палубу почти ничего и не попадало. Дождь мочил нас сильнее.

Вооружившись топором, Карло попытался с помощью Детлефа вколотить дубовое гребное весло в дно рядом с ладьей. Но песчаный грунт был слишком рыхлым, и весло тут же всплыло.

Солнце опустилось совсем низко. На берегу больше никто не показывался. Начался отлив, вода отступала из бухты, и мы с ужасом смотрели, как пляж, разрастаясь, придвигается к нам. Глубина под бунтами становилась все меньше; ладья еще была на плаву, и обращенный к морю нос лихо взлетал на волне, но корма явно касалась грунта в ложбинах. Кстати, это обстоятельство вкупе с действием отлива помогало двум маленьким якорям и зарывшемуся в песок плавучему якорю удерживать нас на одном месте, совсем близко от полосы, где проходили верблюды. Вся моя надежда теперь была на то, что нагрузка на якоря уменьшится, как только корма сядет на грунт. Отстоимся таким образом, качаясь на волнах, а когда уймется шторм, подтянемся за тросы обратно, туда, где поглубже.

В такой вот напряженной обстановке, чувствуя себя словно пассажиры на мчащемся в неведомое глиссере, мы сели за наш длинный стол, где стоял горячий ужин.

Без двадцати шесть по судовому времени солнце зашло, и Эйч-Пи зажег керосиновый фонарь. В одной из глинобитных лачуг на краю бухты тоже затеплился огонек. Дождь прекратился. В шесть вечера нас окликнули с моря, и мы стали махать фонарями, взобравшись на рубку. Прибой вынес к «Тигрису» надувную шлюпку; в ней сидел один Асбьёрн. Несколько рук подхватили его и помогли вскарабкаться на борт. Он не встретил Нормана и Рашада. Углубился в дюны, набрел на маленькое строение с башней, заглянул внутрь и увидел богомольцев, которые объяснили ему, что это мечеть, а селение находится далеко, по ту сторону песчаного перешейка. Тогда он вернулся к шлюпке, оставленной под прикрытием большой лодки, написал на песке большими буквами «ТИГРИС» и короткое послание ребятам: дескать, пусть посигналят, и он придет за ними. Однако никто не сигналил. В дальнем конце пляжа мелькнул тусклый огонек, но тут же пропал и больше не появлялся.

В семь вечера мы вскочили со скамеек, услышав чьи-то крики с моря. Теперь уже там мелькали огни. Я готов был поклясться, что узнал голос Нормана. Мы дружно кричали в ответ, но прибой и ветер заглушали нас. Затем до нашего слуха донеслось сразу несколько голосов и шум мотора. Вооружившись всеми наличными фонарями и облепив крыши рубок и мачту, мы махали руками и кричали изо всех сил, чтобы вновь прибывшие не угодили на мель. Наконец, в свете наших фонарей показалась маленькая, мелко сидящая д а у с пакистанской командой и с Норманом и Рашадом на носу. Д а у подошла так близко, что наши ребята прямо с нее перескочили на борт «Тигриса». Пакистанцы не сразу сообразили, что мы наполовину сидим на мели. Еще минута, и д а у могла либо опрокинуться, либо тоже сесть на мель, но опытные моряки мигом сориентировались, лихо развернулись в каскаде брызг, развили полный ход, и вскоре огни и рокот мотора пропали в ночи.

...Снова вся команда в сборе, готова разделить судьбу «Тигриса». Норман и Рашад рассказали, что им пришлось отшагать не один километр по низкому перешейку, прежде чем они достигли приморского селения по ту сторону мыса Ормара. С жаром описывал Рашад виденные по пути сводчатые дома из циновок — совсем такие, как у болотных арабов. В самом селении есть и каменные постройки, принадлежащие директору школы и полиции. Местные жители встретили гостей приветливо и очень беспокоились за нас, застрявших к западу от мыса, поскольку в океане бушевал сильный шторм. В конце концов решили послать на выручку судно в обход мыса. Спасателей здорово потрепало на этом отрезке. Доставив на «Тигрис» наших товарищей, они канули во тьму и уже не вернулись; мы так и не узнали, что с ними было потом. Норман и Рашад уверяли, будто д а у подвергалась большей опасности, чем «Тигрис», так что, наверное, рыбакам пришлось несладко, когда они повторно огибали мыс, спеша укрыться в своем заливе, пока шторм совсем не рассвирепел. Во всяком случае, эти самоотверженные люди убедились, что мы живы, невредимы и не падаем духом, качаясь возле берега на камышовых бунтах. Капитан д а у напоследок крикнул Рашаду, что нам здесь ничего не грозит, но для них эта стоянка не годится.

Судя по всему, капитан был прав, хотя нам еще не доводилось слышать, чтобы кто-то вот так отстаивался на якоре посреди бушующего прибоя, уткнувшись кормой чуть ли не в самый берег. Как бы то ни было, мы явно перестали смещаться, и шторм вроде бы не собирался прибавлять; оставалось только сбросить внутреннее напряжение и утешать себя мыслью, что трое из команды побывали на берегу в Пакистане. Расписав ночные вахты, мы забрались в тростниковые шалаши, и камышовая люлька принялась грубовато укачивать нас под сатанинскую колыбельную прибоя.

...В понедельник 30 января небо над Пакистаном радовало глаз голубизной. Волны давно перестали яриться, когда норвежский океанский спасательный

буксир «Язон», обогнув мыс Ормара, вошел в широкую западную бухту.

Шторм, обрушившийся тремя днями раньше на побережье Индийского океана, унялся, и капитан Хансен из Бергена, стоя на мостике, высматривал в бинокль разбитое судно. Такового не оказалось. Он поискал взглядом обломки среди каменных глыб и коварных песчаных баров у подножия высоких утесов. Обломков тоже не было.

Зато посреди бухты мирно покачивалась на якоре серповидная ладья — самое диковинное судно, какое когда-либо доводилось встречать капитану и его двенадцати товарищам-норвежцам. Не арабская дау. Не китайская джонка. И отнюдь не пакистанская лодка. Какая-то вязанка камыша, на корме даже название не написано.

Малым ходом 1200-тонный спасатель подошел к странному недомерку и отдал якорь. Ладья была покинута командой, но якорные тросы удерживали ее на месте. На палубе и в плетеных рубках — ни души. Но на столе между рубками стояли тарелки, кружки, пустая сковорода; на тростниковых стенах сушились трусы и акульи хвосты. На штагах висела вяленая рыба; в крохотных забортных гальюнах на корме белели рулоны туалетной бумаги.

Внимательно изучая песчаный перешеек на краю залива, капитан и его товарищи заметили на пляже кучку людей, которые что-то разглядывали, сбившись в плотное кольцо, а из-за дюн к ним торопились другие желающие посмотреть на их находку.

Что тут подумал капитан Хансен, может ответить только он сам. Так или иначе, он приказал спустить на воду десантную баржу и, отобрав несколько человек, поспешил к берегу. Ведь он пришел в эту глухую бухту, выполняя инструкции норвежской аварийно-спасательной компании «Сальватор» в Бергене, которой передали сообщение бахрейнского радио, что судно «Тигрис», приписанное к норвежскому порту Ларвик, потерпело аварию западнее мыса Ормара в Пакистане.

Мелко сидящая баржа ткнулась в грунт, не дойдя до берега. Поручив матросам удерживать ее на месте, капитан и его старший помощник дошли вброд до пляжа, подбежали к толпе, осторожно протиснулись через нее и неожиданно для себя очутились в первом ряду зрителей, наблюдающих фольклорное выступление. Барабаны, восточные пляски, народная борьба... Внутри кольца стояли почетные гости — бородатые иностранцы, представляющие самые различные этнические типы; вместе с хозяевами они так веселились, что не сразу заметили пополнение.

Я в эту минуту отсутствовал и ничего не знал об ожидавшем меня сюрпризе. Мы с Германом ходили в селение и возвращались оттуда почти бегом, чтобы застать представление на пляже, которое директор школы устроил для нашей команды. Перевалив через дюны, мы сразу приметили не совсем обычное судно по соседству с «Тигрисом» — там, где он стал на якорь два дня назад, как только утихомирился ветер. Навстречу нам, приветственно махая рукой, шел Юрий, чтобы представить сопровождающих его двух светловолосых европейцев, и один из них, в котором я угадал капитана, широко улыбаясь, крепко стиснул мою руку.

— Вы говорите по-английски? — спросил я, представившись. Уголком глаза я заметил, что Юрий с трудом удерживается от смеха.

— Капитан Хансен,— в свою очередь представился незнакомец на норвежском языке и добавил, что может говорить по-английски, но предпочел бы родной язык, если я не возражаю.

Под дробь барабанов, обтянутых акульей кожей, звучали над пляжем пакистанские песни, плясали танцоры, возились на песке борцы. Импровизированный концерт продолжался. Придя в себя от удивления, я спросил капитана Хансена, какой бес забросил его с норвежским спасательным судном в такой глухой уголок, как Ормарская бухта? Рассказал ему, что приветственный концерт концертом, но симпатичный деревенский полицейский сознался мне, что вообще-то иностранцев в Ормару не пускают. До нас, по словам местных жителей, их посетил только один зарубежный гость, который прибыл по суше, чтобы собирать камни.

Капитан Хансен ответил, что пришел сюда с разрешения пограничных властей в Карачи. Его спасательный буксир работает по всему свету. Теперь они заняты тем, что выручают суда, застревающие в дельте Инда на илистых отмелях в лабиринте мангровых болот. Только что вернулись на базу в Карачи, как пришлось спасать загоревшийся у входа в гавань старый греческий пароход, и тут получили команду по радио идти в западную бухту Ормара выручать «Тигрис».

— Приходим сюда — твоя ладья стоит на якоре посреди бухты, а на берегу народ пляшет! — заключил он, недоумевая. После чего охотно принял приглашение вместе со своими людьми досмотреть до конца представление.

Но что же все-таки произошло? Ведь мы, входя в Ормарскую бухту, ни к кому не обращались по радио. Правда, Норман вместе с Рашадом отправились на берег, но когда они вечером вернулись на обузданный якорями «Тигрис», мы в помощи не нуждались, а если бы и нуждались, все равно никто не поспел бы вовремя. Может быть, наше молчание в эфире, когда вся область от Аравийского полуострова до Пакистана была охвачена песчаной бурей, породило тревожные догадки, будто «Тигрис» потерпел аварию? Вот что гласила моя последняя запись в экспедиционном журнале в ту ночь:

«Жестокий ветер с моря подвывает, обтекая мачту; прибой награждает звонкими шлепками пляшущую ладью. Ложимся спать одетые, буйные волны бросают нас вверх и вниз, в небе полыхают молнии, ветер и море расшумелись так, что еле слышно кузнечика на камбузе. Капитан дау сказал напоследок, что для нас стоянка безопасная, но им не годится. И что они вернутся завтра или попытаются прислать кого-нибудь еще. Ин ша алла. Да, не сладко сейчас нам на «Тигрисе». Ух, как воет штормовой ветер! Выдержат ли якоря? Ин ша алла».

А проснувшись наутро, мы увидели совсем другую картину. В бухте было тихо, мыс надежно прикрыл нас, дул береговой ветер. В море волны курчавились белыми барашками. Ощутив сквозь сон резкую перемену, я уже в четыре часа выходил на палубу и дивился странной тишине. Как будто мы вернулись на реки Ирака: никакого прибоя, никакой тряски, во всю ширь бухты катили неторопливые валы. Лишь откуда-то издалека доносился гул как от могучего водопада. Я поглядел на берег. Все ясно; теперь сильный прибой дубасил узкий перешеек с другой стороны. Погода резко изменилась. Шторм перекочевал в восточную бухту, где расположилось селение. Пожалуй, для навестившей нас дау было бы лучше отстаиваться вместе с нами.

(Окончание следует)

роненко, художник. Дайте мне новый адрес Михаила Борисовича.

Трубку стремительно повесили. Сапроненко набрал снова. И опять трубка мгновенно слетела с того далекого рычага.

— Да...

— Я прошу вас дать мне адрес Михаила Борисовича.

— Я вас не знаю! — вдруг торопливо зачастила трубка.— И никаких Михаилов Борисовичей не знаю. Зарубите себе на носу — не знаю! В глаза не видел.

— Подождите...— Сапроненко весь сжался.

— Я вас всех не знаю и дел ваших не знаю, поняли?! — кричал Сергей Семенович, но как-то неуверенно.— Извольте меня не впутывать! В тюрьме ваш Михаил Борисович, ясно?! Под следствием!

Трубка упала, и пошли короткие гудки.

— Падаль...— прошептал Сапроненко, но Сергей Семенович уже не слышал.

На ослабевших ногах Сапроненко вышел на тротуар и остановился.

С концами! Только сейчас он понял, что приехал-то все же не за пальто, а за теми тремя своими холстами, чтоб выручить их, правдами-неправдами, но вернуть. Теперь все было кончено.

Он бы уже не вытряс их — ни из Ляльки, ни из Антона... Все они теперь сидели тихо, сидели и ждали, как этот, спозаранку. Каждый из них теперь работал только на себя.

Но не было ни радости, ни злорадства, что всем им теперь не сегодня — завтра крышка. А утешения — и подавно!

И он пошел пешком туда, где жили они с другом,— через центр, уже гудевший потоками машин. Город, громадный, бескрайний город, всей массой лиц, дел, окон въезжал в новый свой день...

Ключ лежал, где всегда, в щели между кирпичами.

Сапроненко отпер дверь и, спустившись на три ступеньки, шагнул под свод и зажег свет. Лампочка вспыхнула. Сапроненко обернулся и замер.

Чисто было в комнате — так чисто, как не бывало никогда.

Отмытые от вековечной грязи, поблескивали полы, мебелишка — и та, казалось, обновилась, даже пятна на обоях смотрелись не безобразными расплывами, а словно разбросанными по стенам кусочками абстрактной картины.

Стоял убранный голый стол под лампой, ни сдавленных тюбиков, ни драных рюкзаков, ни сваленных в угол грязных флаконов из-под пинена и лаков, ни тряпок...

«Хозяйка...» — подумалось ему, но нет, хозяйка никогда б не убрала так раскладушки, не заправила их по-солдатски, по казарменному уставу, не расставила б на окне банок с дрезденской гуашью — цвет к цвету, колер к колеру...

Несколько репродукций, паршивеньких, из журналов, наклеено было по стенам — Джотто, Фаворский... Куприн... Левитан и, конечно, Сезанн.

Сапроненко стоял на пороге, боясь шагнуть в глубь комнаты, оцепенев, боясь что-нибудь повредить, нарушить в этой чистоте.

Володькиной раскладушки не было, и вообще не выглядывала ниоткуда никакая его вещичка: ни смятой рубашки, ни любимого его сероглинного кувшина. На столе лежал конверт, и Сапроненко, со сжатым, остановившимся сердцем подошел к столу, подошел, как бы тайком забравшись в чужое жилище.

Письмо было ему.

Он схватил его, разорвал, уже понимая...

«Сашка, мой брат!..»

Сапроненко опустил письмо, перевел дух. Мелко-мелко, похоже на арабскую вязь, тянулись строчки.

Он стиснул зубы и снова поднял письмо к лицу.

«Сашка, мой брат!

Я знаю, она умерла.

Пишу тебе первый раз, слушай.

Моя мать стара. Моя жена одна, ее некому защитить, у меня дочь. Как же могу я жить тут, когда они там одни? Какой же я сын? Какой же я отец? Я же еще пока жив, и они живы пока.

И ради чего мне быть тут?

Я ходил, ходил... смотрел картины, я смотрел книги. Но ведь уже все сделано, Сашка! Все, все уже было.

Я знаю, правы, кто говорят, что у меня талант. Но зачем он мне, если все уже сделали до меня? Я не хочу повторять. И я спал, спал... я не мог ходить рисовать этот натюрморт, как кто-то уже рисовал, когда мама там одна, и жена одна, и дочь не помнит, какой я. И я спал, чтобы не думать все время, но все время думал, даже когда спал.

Смерть твоей жены меня разбудила.

Мне стыдно за каждый день здесь.

Я знаю, что рано или поздно ты это прочитаешь. Не сердись. Прощай.

Сафаров».

— Все...— прошептал Сапроненко.— Уехал!

Он стоял с исписанным листком в руке, светила лампа, за окном начинался розовый снежный день. И он почувствовал такую боль, такое одиночество, что, свалившись на табуретку перед столом, уронил голову на руки. Он сидел так долго, неподвижно, без мыслей, чувствуя, что его несет куда-то, несет и прижимает к серой паутинной стене и вот — прижало, и некуда дальше.

— Уехал! — крикнул Сапроненко.— Уехал, значит? Дура-ак! И ты врешь, врешь, Володька! Живопись не кончается. Нет ей конца. Она кончается, когда уезжают.

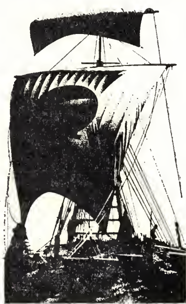
Бормоча и ругаясь, он сунулся под раскладушку — вытащил чемодан. К дьяволу чемоданы! Выволок и поднял к свету загрунтованный два месяца назад холст — семьдесят на сто. Белый грунт лег хорошо, нигде не повело, не потрескалось. Сапроненко постоял, задумавшись, потом не спеша снял и повесил куртку, достал из чулана свой старый, но крепкий еще этюдник, отвинтил винты, расставил его металлические ноги, открыл.

Ну, что ж... всего навалом. Несколько новых щетинных кистей, незнакомых, вперемежку со старыми. Спасибо, брат! Он взял угольную палочку и твердо, кроша уголь, провел линию, другую...

Он нарисовал — четкими точными линиями — стол, бутылку, перед бутылкой миску, а в ней несколько больших разваренных картошек. Потом подумал немного и набросал за столом, в пространстве, размытую фигуру человека, лежащего, забросив руки за голову, но уже никто не сказал бы, что это лежит Сафаров.

Красок на палитру выдавил немного, только для подмалевка: белил, охры, светлой умбры, хрома и чуть-чуть марса.

Завтра, в четверг, живопись начиналась с девяти тридцати, и он не знал, какие потребуются краски.

ЭКСПЕДИЦИЯ «ТИГРИС»

ТУР ХЕЙЕРДАЛ

Скалы, прикрывшие ладью от шторма, напоминали готовые сорваться в море айсберги. Вода была мутнее прежнего, но с приливом уровень ее поднялся и от пляжа осталась совсем узкая полоска метрах в двухстах от нас. Хлопотавший на камбузе Тору предложил мне чашку горячего кофе. Да, сплошные чудеса... Вернувшись в рубку, я долго не мог уснуть. С прояснившегося неба на меня смотрела луна, мерцал знакомый ковш и Полярная звезда.

И после восхода солнца небо осталось таким же ясным, по-прежнему дул береговой ветер. Редкий случай: все одиннадцать человек одновременно сели за стол. Герман подал овсянку и яйца, которые оставались свежими благодаря тому, что перед стартом он смазал их растительным маслом. Карло побывал на берегу и вернулся с говорящими на урду дружелюбными рыбаками, которые вызвались помочь нам отвести ладью на хорошую стоянку посреди бухты. Ведь якорные тросы выдержали шторм, теперь на них и подавно можно было положиться, и, поскольку Норман с Рашадом накануне уже побывали в селении, их оставили нести вахту, а вся остальная команда получила увольнение на берег. На резиновой шлюпке мы по двое переправились на великолепный длинный пляж. На много километров протянулся чистый белый песок — и ни души, только наша девятка. Ступая по раковинам и губкам, загоняя в подводные норки пугливых крабов, мы выходили на сушу и одевались.

С радостью смотрели мы, как «Тигрис» спокойно стоит на якоре, покачиваясь на ленивых валах, и сознавали, что у нас под ногами земля Пакистана. Ныне это пустынное побережье известно под названием Макран; возможно, в древности его называли Макан. А может быть, здешняя область составляла восточные владения Мелуххи — ведь оборонительные рубежи Индской цивилизации включали горные проходы вблизи от нынешних границ Ирана. Да, скорее всего мы уже миновали земли Макана и достигли Мелуххи, поскольку сфера военных и торговых интересов индских городов-государств в шумерские времена простиралась намного дальше Ормары.

За пределами досягаемости волн в песке лежало множество черепков. Однако вряд ли на этом низком перешейке можно найти какие-либо следы древности, ведь во времена шумеров уровень моря здесь, как и в Двуречье, был намного выше. Очевидно, на месте перешейка был песчаный перекат, а нынешний гористый мыс был островом. Очень интересно геологическое строение этого участка. Асбьёрн обнаружил, что известняковые утесы нашпигованы идеальной формы шарами из мягкой меловой породы величиной с апельсин. Разломав один шар, он увидел внутри удивительно красивые окаменелости затейливых раковин, моллюсков и червей. Ребята набрали целую кучу таких шаров в качестве сувениров. Твердые пласты песка, слагающие низкий перешеек, создавали рельеф, резко отличный от известняковых утесов. Параллельно пляжу тянулись кривые террасы, возникавшие по мере того, как отступал океан. Важный признак, подтверждающий мнение Дейлса, что древние крепости Суткаген Дор и Сутка-Кух были выстроены в Приморье.

На гребне перешейка черепков было столько, словно местные жители дружно разбили все старые горшки, как только купцы из Карачи снабдили их современной жестяной посудой. В самом деле, первыми нам встретились женщины в длинных одеяниях. Они убегали от чужеземцев, неся на голове жестяные кувшины. Недалеко от нашего пляжа был вырыт колодец, и к нему отовсюду сходились хозяйки за драгоценной водой.

Дома на нашем пути и впрямь, как говорил Рашад, были до того похожи на характерные камышовые постройки болотных арабов, что это сходство естественнее всего было бы объяснить общим для обитателей пустынь и жителей болот наследием. В селении Ормара дома из циновок, как и более поздние каменные постройки,— прямоугольные, с остроконечной или плоской крышей. А в целом нашим

Окончание. Начало см. в №№ 6, 7, 8 за 1980 год.

глазам предстала община, замечательно сочетающая глубокие местные корни и скудные заимствования извне. Природная среда — море, утесы и пустыня. В глубь края уходят голые пески; дюны белыми сугробами подступают к самому поселку. Никаких сухопутных трасс в сторону Карачи; только на запад, к древней крепости Сутка-Кух, под горным перевалом выше Пасни, протянулись верблюжьи тропы и подобие автомобильной дороги. Если большая часть Пакистана ощущает шумное влияние современной столицы, которое распространяется по автомагистралям и авиалиниям, то окружающие Ормару пустыни, как и болота в дельте Инда, служат естественной преградой для продвижения культурной революции. Ормара терпеливо ждала, когда настанет ее черед совершать длинный прыжок в двадцатое столетие. А пока жизнь тут приближалась к моему представлению о цивилизованной самостоятельной общине третьего тысячелетия до нашей эры больше, чем где-либо, если не считать плавучие острова достопочтенных болотных арабов в Ираке и не покоренные временем горные селения Омана. Здесь, как и прежде при посещении изолированных общин, я лишний раз ощутил, что столь подвластный теперь взаимным связям внешний мир с его нефтяными проблемами и военным престижем весьма зыбок, но если он рухнет, как рухнули империи Шумера и Индской долины, верблюжьи караваны Ормары по-прежнему будут доставлять пальмовые листья и камыш для домов, рыбу, финики и овощи для пропитания. Гордые женщины по-прежнему будут в ярких одеяниях скользить через дюны за водой и молоком; мужчины будут ловить сетями рыбу и обрабатывать клочки земли между финиковыми пальмами.

Впрочем, вездесущие торговцы не жалеют сил, чтобы преобразить натуральное хозяйство здешних рыбаков в денежное. Ормара сбывает свои товары купцам, приходящим на д а у из расположенного восточнее на том же побережье Карачи и из Коломбо на острове Шри Ланка, что к югу от Индии. Главный предмет местного промысла — акулы. Правда, до сих пор он, похоже, приносит ормарским беднякам больше мух, чем денег. Мы в жизни не видели такого скопища этих двукрылых. Непрерывно отмахиваясь от них, мы знакомились с очаровательным селением, располагающим тремя крохотными мечетями и базаром, словно заимствованным из «Тысячи и одной ночи». Сопровождаемые стайкой ребятишек, пробились сквозь живой барьер из верблюдов, ослов, собак, кошек и кур. И нашим глазам предстал базарный люд — пакистанцы и арабы в чалмах, среди которых выделялась одна роскошная серебряная феска. Снова я увидел мощные крючковатые носы, а рядом — более плоские лица негроидного типа; та же примечательная смесь, какую мы наблюдали в Омане, на другой стороне пройденного нами широкого залива. Мы пробовали заговорить с местными жителями на арабском и английском языках, но они отрицательно качали головой: здесь понимали только урду.

Нас встречали улыбками и приветственными жестами, однако нашелся один буян с нечесаной бородой, который, выхватив из ножен кривую саблю, приставил острие к собственному животу, потом угрожающе взмахнул клинком над нашими головами. После чего с высоко поднятой саблей нырнул в толпу. Остальные спокойно восприняли его выходку и постарались дать нам понять, что это религиозный фанатик. Показывая на себя и на мечеть, они несколько раз произнесли: «Аллах! Аллах! Аллах! Аллах!» Потом указали вслед буяну, раскачиваясь всем телом и закрыв глаза, точно в трансе, и презрительно добавили: «Алли-алло, алли-алло».

Выслушав это маловразумительное объяснение местных религиозных обычаев, мы прошли вдоль торгового ряда, длина которого немногим превышала длину нашего «Тигриса». Пять или шесть лавчонок величиной с кукольный домик возвышались на сваях на метр над песком. Передняя сторона открыта, и внутри, занимая почти всю площадь, сидит со скрещенными ногами сам лавочник с разложенным перед ним товаром. Я переписал наличность в самой маленькой лавчонке: семь морковок и пять картофелин. Большинство торговцев предлагали покупателям зеленые, серые, белые зерна или семена в блюдцах и мисочках. Только один выделялся из всех, его ассортимент включал печенье, арабские сигареты, сладости и кусочки серого мыла. Самое роскошное гнездышко принадлежало длиннобородому портному. Каждый раз, когда он взмахивал рукой, казалось, что его игла сейчас проткнет плетеный потолок или стену. Проходя мимо портного, мы едва не споткнулись о человека, который устроился прямо на земле, предлагая желающим чай, кипятившийся на древесных углях. Женщины были представлены в этой экзотической толпе шести-семилетними девчушками и древними старухами с украшенным зеленым камнем кольцом в носу.

И всюду мухи, невероятное множество мух. Правда, невероятным оно казалось нам, пока мы не вышли на край поселка, обращенный к морю. Сплетенные из пальмовых листьев циновки в рост человека ограждали участки песчаного берега, и, заглянув через одну ограду, я увидел жутковатую картину. Стоя по колено в грязной яме, молодой парень плясал на рыбьих тушах величиной с него самого, а кругом, скаля острые зубы и тараща бездумные глаза, валялись огромные акульи головы. Стоявший в окружении голов старик время от времени подливал воды в яму, где его напарник усердно топтал обезглавленных акул в бурой жиже. Наплясавшись всласть, парень стал вылавливать туши из песочного супа и бросать их на землю рядом с горами вымазанных в песке плавников, филе и голов. Вместе с акулами казни подвергались здоровенные скаты. Отовсюду на меня глядели оскаленные челюсти и маленькие злобные глаза. Босоногий мальчуган орудовал граблями, сгребая в ряды и кучки тушки более мелкой рыбы, словно сено. Тут же стоял длинноногий верблюд, навьюченный двумя громадными корзинами. Двое — очевидно, продавец и покупатель — наполняли корзины сушеной рыбой.

В моих плаваниях я не раз предлагал своим спутникам отведать акульего мяса. Акула вполне съедобна, если нарезать ее кусками и на ночь положить в воду, чтобы удалить привкус аммиака. Примитивный организм акулы устроен так, что моча поступает в кровь. И эти люди были как раз заняты тем, что выжимали и вымывали аммиак из акульих туш, перед тем как сушить их для далеких потребителей. Владелец верблюда отвезет лакомство в свое племя где-нибудь в пустынях Макрана или еще дальше в глубине страны, а на стоянке перед пляжем ждали свою партию товара две д а у. «Коломбо»,— сказали нам, показывая на них, местные жители. До Коломбо, главного города и порта Шри Ланка, от Ормары конец изрядный, и не один перекупщик наживется на облепленных песком акульих филе, прежде чем их съедят на острове к югу от Индии.

На пути к Ормаре мы повидали много акул, но такие крупные нам почти не встречались. Судя по горам зубастых голов на обнесенных оградами гротескных полях сражений, в океане у мыса Ормара водятся несметные полчища этих людоедов. Но больше всего нас поразили не грозные челюсти обезглавленных хищниц, а, словно набранные из блестящих иссиня-черных бусин, причудливые маски на лежащих в сторонке головах. Мы не могли поверить, что обыкновенные мухи могут скапливаться в таких невообразимых количествах, покуда Карло не наклонился с фотоаппаратом над особенно большой акульей головой. Мгновенно «маска» слетела с этой головы, и окутанный жужжащим облаком Карло чуть не упал навзничь от неожиданности. Всюду — на заборах, на грудах рыбьих туловищ — копошились мухи, даже взбирались друг на друга в поисках свободного места для своего хоботка. Из года в год в теплом воздухе на много километров разносился манящий запах лежалой рыбы, заставляя крылатых гурманов со всех концов Макрана полчищами устремляться в Ормару.

Видимо, этот же острый запах притупил мое обоняние, сделав его невосприимчивым к менее резким ароматам, когда мы спустились к воде, где два рыбака строили лодку. Доски были белые, а лежащие на берегу готовые лодки — темно-коричневые из-за толстого водонепроницаемого слоя какой-то затвердевшей обмазки, напоминающей лак. Видя, как пристально я рассматриваю обмазку, лодочники дали мне понять, что приготовляют ее сами из жира акульей печени. Я долго обнюхивал лодку, но не уловил никакого запаха. Вспомнилось, как арабские рыбаки в Ираке рассказывали мне, что в прошлом они промазывали свои д а у акульим жиром для водонепроницаемости. Они даже предложили подвергнуть такой же обработке «Тигрис». Я отказался. Зная, как воняет в жару старый рыбий жир, я боялся, что эта вонь всех нас прогонит с ладьи. Однако ормарские лодки, хоть и покрытые акульим жиром, ничем не пахли. И мне снова пришли на память слова из эпоса о Гильгамеше про венценосного мореплавателя, услышавшего в Дильмуне рассказ о том, как шумерский Ной построил корабль, разломав свой камышовый дом: «Шесть саров смолы влил я в горячий котел, три сара асфальта добавил. Три сара смолы принесли работники, не считая одного сара, который хранился в трюме, и двух саров, которые припас кормчий».

Прежде чем спускать на воду свою ладью, мы для проверки утопили в Тигре смазанную асфальтом связку камыша. Асфальт растрескался — он явно не подходил для промазки камышовых связок. Возможно, покрытие было бы прочнее, смешай мы, по примеру шумерского Ноя, асфальт со смолой и маслом, а точнее, с акульим жиром. Связанная из б е р д и, заготовленного в августе, наша ладья вполне могла продержаться на воде еще не один месяц; может быть, покрытие из акульего жира или, еще лучше, из особой смеси, описанной в эпосе о Гильгамеше, позволило бы ей служить годами. Стремясь учиться у людей, хранящих вековой опыт, мы усваивали их секреты. Что ни говори, с «Тигрисом» наши дела шли раз в десять лучше, чем во время первого эксперимента на «Ра».

Обойдя селение, мы поспешили обратно, чтобы удостовериться, что у наших вахтенных все в порядке. И на пути через перешеек неожиданно встретили молодого лейтенанта пакистанских пограничных войск, который расположился со своими людьми в четырех палатках у кончика драконьего хвоста. Он был предельно учтив, а услышав, что наша маленькая «д а у» называется «Тигрис», стал само дружелюбие. От начальства в Карачи он принял по радио сообщение, что в макранских водах плавает «большой корабль «Тигрис», и лейтенанту, отвечающему за охрану всей пакистанской части макранского Приморья, было предписано не чинить никаких препятствий, а, напротив, оказывать всяческое содействие!

Мы-то не подозревали, что берега Макрана закрыты для иностранцев, а причина запрета так и осталась загадкой, ибо нас принимали очень радушно. Лейтенант-пограничник, директор школы, полицейский, присланный из Карачи эксперт по рыболовству — все они говорили по-английски, и все стали нашими искренними друзьями. Говорящие на урду местные жители тоже не скупились на гостеприимство, приглашали к себе в дома и дарили свежих омаров, предлагали яйца, козье молоко.

Появление нашего «большого корабля» вызвало изрядный переполох в эфире между Ормарой и Карачи. Учтивый лейтенант вернулся в свою палатку, чтобы доложить по радио о прибытии «Тигриса». Мы, возвратившись в свою бухту, застали Нормана в ту минуту, когда он, сидя в рубке, лихорадочно добивался связи с внешним миром. Наконец кто-то ему отозвался, и Норман с трудом разобрал, что направляющееся из Карачи в Дубай судно зайдет в Ормару, чтобы доставить «Тигрису» 3600 литров воды! Бред какой-то — зачем нам вода? Норман прокричал в микрофон: наших запасов воды хватит еще на три с лишним месяца; если добавить 3600 литров воды, мы пойдем ко дну. Ответа не последовало.

Услышав от нас эту историю, капитан Хансен заверил, что «Язон» не вез никакой воды и отнюдь не направлялся в Дубай. Он получил команду спасти «Тигрис» и доставить нас в Карачи. И он готов взять ладью на буксир, как только фольклорный ансамбль закончит свое выступление.

Мы устроили небольшое совещание. Как быть? После опыта со «Славском» буксировка представлялась нам страшнее любого шторма. У нас было задумано оставаться в западной бухте, пока не установится погода, потом идти до Карачи. Оттуда мы хотели совершить поездку в Мохенджо-Даро и осмотреть тамошние развалины. Низкое атмосферное давление располагало нас к ожиданию благоприятного ветра, а то, чего доброго, выбросит ладью на скалы мыса Ормара. Или вынесет на просторы Индийского океана раньше, чем мы ознакомимся с древним городом в долине Инда. Можно было добраться по верблюжьей тропе до Пасни и продолжать путь внутри страны от крепости Сутка-Кух, но тогда пришлось бы надолго оставить «Тигрис» без присмотра. А прими мы предложение капитана Хансена, «Язон» в один день доведет ладью вдоль побережья до Карачи, и у нас будет больше времени для осмотра древних памятников. Все были за это. И когда музыканты и зрители направились обратно в селение Ормара, два судна в западной бухте подняли якоря. Широкий могучий «Язон» пошел вперед, увлекая «Тигрис» за собой, словно игрушку на веревочке, и еще до того, как мы обогнули мыс Ормара, нас поглотила темнота.

Впервые за тысячи лет камышовая ладья прошла путями древних мореплавателей от Шумера до Дильмуна, Макана и Мелуххи. Участников экспедиции теперь ждало знакомство с замечательными памятниками великой цивилизации в долине Инда.

Живописные сцены будней неподвластной току времени Ормары все еще стояли у нас перед глазами, когда мы неделей позже приехали в древний город-призрак Мохенджо-Даро «Тигрис» был пришвартован к рейдовой бочке перед зданием военно-морской академии в оживленном порту Карачи; портовые власти приняли нас чрезвычайно радушно, а военные моряки вызвались постеречь ладью на время нашей экскурсии внутрь страны. По хорошим дорогам, пересекая город за городом, Сани, молодой гид из Национального музея, привез нас на микроавтобусе к развалинам Мохенджо-Даро в 560 километрах от Карачи.

Мохенджо-Даро означает всего лишь «холм мертвых»; никому не известно, как на самом деле назывался этот город, когда в нем примерно с 2500 по 1500 год до нашей эры кипела жизнь. Поселившиеся здесь в начале третьего века нашей эры буддисты соорудили маленький храм поверх развалин. В остальном же гора песка и обломков была нетронутой вплоть до 1922 года, когда она привлекла археологов. До той поры никто не догадывался о существовании неведомой культуры, погребенной тут. Ученые только-только начали подозревать, что в долине Инда была древнейшая цивилизация. Первыми стали копать здесь Р. Д. Банерджи и прочие члены экспедиции Джона Маршалла, после них работу продолжили другие исследователи, и на сегодняшний день раскопан участок окружностью около пяти километров, площадью около ста гектаров. А под землей все еще скрываются обширные неисследованные части крупного, развитого города. Прежде кругом простирались орошаемые поля с плантациями финиковых пальм и инжира, посевами пшеницы, ячменя, хлопка, кунжута, стручковых и других культур, теперь же прилегающая равнина представляет собой сплошной песок с редкими пыльными кустами тамариска. Широкий Инд, некогда омывавший городские пристани, ушел в сторону. Весь климат в целом стал суше и суровее. Подобно заброшенным руинам Ура и Вавилона, Мохенджо-Даро ныне лежит далеко от воды. Развалины жилищ и лавок тянутся на полтора километра в сторону тихого Инда, который в прошлом был и жизненной артерией и грозным бичом горожан. Раскопки показали, что город семь раз восстанавливался после наводнений, пока люди не оставили его по неизвестным причинам. Никто не знает, почему все городское население вдруг исчезло около 1500 года до нашей эры. Мортимер Уилер и другие исследователи предполагают, что климатические, экономические и политические неурядицы могли подорвать фундамент здешней культуры. А окончательно сокрушили ее вторгшиеся с севера арии. Плодородные равнины, тысячу лет кормившие Индскую цивилизацию, были захвачены племенами, которые пришли не по морю, а через горные перевалы внутри страны. Речь идет о тех самых говорящих на санскрите ариях, что именовали неариев заимствованным несанскритским словом «млехха», которое, как полагает Бибби, тождественно шумерскому «мелухха» и могло быть самоназванием древних народов долины Инда.

«Млехха», или «мелухха»,— основатели города, известного нам как Холм Мертвых, оставили следы, которые на любого производят сильнейшее впечатление. Мохенджо-Даро — памятник векового единства всего человечества, он учит, что нельзя недооценивать ум и возможности других людей, отделенных от нас многими километрами или столетиями. Отнимите у нас наследие, накопленное сотнями поколений, и сравните затем наши способности со способностями создателей Индской цивилизации. Исчисляя ныне возраст человечества миллионами лет, мы начинаем понимать, что к третьему тысячелетию до нашей эры мозг человека был вполне развит. Жители Мохенджо-Даро и их нецивилизованные современники научились бы водить машину, включать телевизор или повязывать галстук с такой же легкостью, с какой усваивает эту премудрость любой современный африканец или европеец Последние пять тысяч лет эволюции человека мало что прибавили или убавили в его умении рассуждать и изобретать. Вот и выходит, что основатели Мохенджо-Даро либо превзошли все прочие поколения человечества в скорости развития, либо, подобно сменившим их ариям, пришли сюда, уже владея многовековым культурным наследием.

В одном согласны все исследователи: город Мохенджо-Даро был построен по заранее разработанному плану искусными архитекторами, членами высокоорганизованного общества. Тот же принцип планировки затем четыре тысячи лет соблюдался градостроителями Центральной и Западной Азии, но не был ими превзойден. Даже в начале нашего столетия лишь немногие из малых городов достигали столь же высокого уровня строительной культуры.

Первое впечатление, когда приближаешься к этому городу-призраку, сходно с впечатлением от шумерских городов: центральное возвышение с храмом, кругом лабиринт улиц и руин. Но этот храм — поздней поры. Полтораста веков назад буддисты, к сожалению, разорили макушку первоначального сооружения и воздвигли свое святилище в виде кольцевидной глинобитной стены, ниже которой на террасах расположились монашеские кельи. А исконная конструкция была квадратной и ступенчатой, нечто вроде террасированной пирамиды, приспособленной затем монахами для своих целей.

Ступая между кирпичными стенами, кое-где поднимающимися на высоту второго этажа, мы невольно говорили вполголоса, как бы из уважения к святому месту. Мы не увидели ни величественных храмов, ни роскошных дворцов; все говорило об относительном социальном равенстве. Правда, самые крупные здания явно сосредоточивались в центральной части, на террасах вокруг высокого святилища, увенчанного развалинами буддийского храма.

Проектировщики ясно представляли себе, каким хотят видеть город: от продолговатой возвышенности в центре расходились параллельные улицы, направленные с севера на юг и с востока на запад Прямые и широкие, некоторые до десяти метров в ширину, они разделяли город на прямоугольные кварталы длиной около четырехсот, шириной двести — триста метров. Стены из обожженного кирпича были выложены искусными каменщиками. У большинства домов двери и редкие окна обращены в доступные только пешеходам узкие переулки, словно для того, чтобы избежать шума и пыли главных улиц, где, судя по местным произведениям искусства, влекомые парой волов, а то и слонами, катили повозки с грузом строительного материала и различных товаров. Меня особенно поразили свидетельства высоких требований к санитарии. Судя по отсутствию роскошных дворцов, здесь не было одержимого манией величия самодержца, искавшего выход своему тщеславию в строительстве; тем не менее дома рядовых горожан были обеспечены совершенной канализацией, и улицы окаймлены крытыми плиткой водостоками с люками, которые позволяли работникам городских ком-

мунальных служб очищать их. У одного такого люка археологи нашли кучу мусора, сохранившуюся до наших дней.

Город располагал водопроводом и большой общественной купальней, возможно, предназначенной для очистительных обрядов. Превосходный бассейн, длиной двадцать, шириной семь и глубиной два с половиной метра, обложен для водонепроницаемости двойной кирпичной стеной с 2,5-сантиметровой асфальтовой прослойкой, и цементирующим раствором для кирпичей тоже служил асфальт. Рядом с бассейном был выстроен колонный зал, очевидно, для ритуалов, и здание неизвестного назначения, с особо прочными стенами и глухим двориком.

Обилие археологических находок помогает оживить немые развалины. Обитатели города оставили утварь, украшения и изображения из долговечных материалов — от базальта и керамики до бронзы, золота и драгоценных камней. В ходе тщательных раскопок собиралось все, что устояло против разрушительного действия времени. Сюда относятся и красиво декорированные печати с надписями, подобные тем, что дошли до древних торговых партнеров в Двуречье и на островах Файлака и Бахрейн. Письмена пока не прочтены, однако выгравированные на печатях миниатюрные изображения богов, антропоморфных чудовищ и мифических сцен говорят о художественном стиле, о теократическом укладе и космологических представлениях, удивительно близких к тому, что было присуще миру шумеров и в меньшей степени — древних египтян. Но особенно ярко повествуют о людях и быте той поры изумительно выполненные бронзовые и многочисленные керамические статуэтки. Вот женщина, стоя на коленях, мелет зерно на муку для хлеба... А вот украшенные драгоценными камнями бронзовые танцовщицы... Керамические композиции изображают погонщиков и запряженных в двухколесные повозки волов; в бронзе выполнены чудесные миниатюрные колесницы. Некоторые ритуальные фигурки — например, керамическая птица на двух колесиках — настолько похожи на аналогичные изделия других великих цивилизаций той же эпохи, что это сходство ставит в тупик даже специалистов.

Смотришь на такие фигурки и за различными предметами, найденными среди развалин, видишь живых, думающих людей. Тут и орудия труда крестьянина, и образцы выращенных им плодов, зерна, хлопка; замечательные бронзовые крючки рыбака; изящные бронзовые весы купца с набором кремневых разновесов и аккуратных печатей; керамические шедевры гончара, начиная от красочно расписанных ваз, кончая фигурными сосудами, изображающими птиц, животных, людей; ступы для растирки красок живописца; поделки ювелира — ожерелья, браслеты и иные украшения из золота и драгоценных камней; восхитительные изделия бронзовых дел мастеров, от статуэток до ручных зеркал, изготовленных литьем по выплавляемым моделям. Даже игрок представлен игральными костями, неотличимыми от современных, и клетчатыми досками с набором фигурок. А вот воины оставили мало следов своего пребывания в пределах городской черты; видимо, речь шла о невоинственном обществе, занятом сельским хозяйством и торговлей и уповающем на прочность внешней линии обороны, с крепостями в стратегических точках вдоль побережья.

Скелетные остатки из хараппских погребений не дают однозначного ответа на вопрос о происхождении Индской цивилизации. Ф. А. Хан считает, что в захоронениях представлены четыре физико-антропологических типа. По его мнению, в населении Хараппы преобладала средиземноморская раса — люди невысокого роста, с удлиненным черепом, горбинкой на носу и длинным лицом. Были и другие длинноголовые, более рослые и плечистые. Третий тип — короткоголовые, четвертый — типичные монголоиды.

Но сколько бы этнических групп ни участвовало в создании Индской цивилизации, остается загадкой: как ухитрились граждане Мохенджо-Даро и Хараппы так быстро и так далеко опередить в развитии своих современников? Может быть, раскопки Хараппы и Мохенджо-Даро вообще не дадут ответа на этот вопрос. Может быть, эти города были основаны выходцами из Амри или Кот-Диджи — двух других поселений в той же долине Инда, но ближе к морю, на месте которых ныне возвышаются холмы со следами жизнедеятельности древних общин. Мы посетили оба холма, но увидели только груды закопченного кирпича, черепки, осколки камня, кости и поддающиеся датировке угольки. Ученые надеются, что информация, которую можно извлечь из этих незатейливых остатков, даст им в руки важные ключи для разгадки происхождения Индской цивилизации. Обширные раскопки выявили здесь следы замечательной древней культуры, существовавшей примерно с 3000 по 2500 год до нашей эры, когда возникли Хараппа и Мохенджо-Даро. Примечательный факт, если речь идет не о случайном совпадении. Ведь получается, что формативный период Индской цивилизации пришелся на то же время, что возникновение шумерских и египетских династий. Неудивительно, что находятся простодушные умы, готовые принять фантастическую гипотезу, будто в ту пору цивилизацию принесли на нашу Землю гости из космоса.

Широкие проспекты древнего Мохенджо-Даро, по которым нас водил наш гид Сани, были безлюдны и мрачны, голые развалины без кровли смотрели в небо зияющими пастями. Но мысленно мы заполняли улицы и переулки недавно виденными картинами. Впрочем, жизнь в Мохенджо-Даро, наверно, была еще ярче, еще интересней и содержательней, чем нынешняя в Ормаре. Ничего не стоило представить себе беспокойную толпу на главных улицах, а в тенистых проулках — праздных горожан: одни сидят и мирно дремлют, другие заняты беседой или игрой. Мы словно слышали городской шум и обоняли запахи горбатых быков, сена и пряностей, наполняющие воздух между пропеченными солнцем стенами. Смуглые мужчины и женщины торопливо проходили мимо с ношами, с домашней живностью; грохочущие тележки везли пальмовые листья для кровель, хлопок для прядильщиков, снедь для продажи на базаре; рыбаки несли на голове корзины с рыбой, пекари — теплый хлеб, женщины — яйца, сладости, южные плоды; плакали младенцы, щебетали пичуги, звенела кувалда кузнеца; мычала скотина; юные сорванцы с криком и гамом носились по переулкам, тогда как их более степенные сверстники сидели в тенистых помещениях, слушая жреца, который обучал школяров до сих пор не расшифрованному нами письму.

Чтобы вполне оживить Мохенджо-Даро, большой город с широкими улицами и развитым хозяйством, надо было во сто крат умножить наши впечатления от Ормары. Ормара строилась не по плану. Каждый рыбак ставил лачугу для своей семьи на приглянувшемся ему месте. Подобно большинству селений такого рода, Ормара прошла путь естественного роста на протяжении столетий без каких-либо суще-

ственных нововведений. Она не обзавелась канализацией.

Направляясь от окраин Мохенджо-Даро к лестницам среди домов вокруг центрального возвышения, мы из раскопок здесь за полвека знали, что наблюдаем, так сказать, пустую раковину общества, которое возглавлял священный властитель, полубог, как это было в Двуречье и в Египте. При нем строго ориентированные по солнцу улицы видели смешавшихся с толпой простолюдинов ученых мужей — жрецов, писцов, астрономов, зодчих, изобретателей. Элита здешней общины вместе с правителями расположенного в 800 километрах выше по реке, столь же крупного и важного города Хараппы, создала империю, чьи руины и памятники разбросаны по всей долине Инда. Ее территория простерлась на полторы тысячи километров с севера на юг по берегам реки и на три тысячи километров вдоль морского побережья, от скал Макрана до джунглей Южной Индии. Возможно, весь этот край был Мелуххой для шумеров. Нам он известен как область Индской, или Хараппской, цивилизации, по бытующим ныне названиям мест, где найдены первые и пока наиболее значительные городища.

Раскопки выявляют поразительную однородность и неизменность культур Хараппы и Мохенджо-Даро за весь срок их существования, начиная от одновременного возникновения и кончая их гибелью тысячу лет спустя. Более того, в каких-то деталях строительства вместо прогресса отмечается явный упадок, и некоторые исследователи объясняют его необходимостью быстрого восстановления после катастрофических наводнений.

Загадка Индской цивилизации заключается не столько в том, почему она погибла,— все цивилизации сходили со сцены, только наша пока еще жива. Как она зародилась — вот в чем вопрос. Подобно шумерской и египетской культурам, современная им третья великая цивилизация не обнаруживает четких местных корней. Мы не видим их даже в Амри и Кот-Диджи. Можно подумать, что некая ветвь могущественной древней династии облюбовала себе в качестве новой обители плодородные берега большой судоходной реки. В Двуречье цивилизация тоже начинается с поселенцев, которые умели выплавлять бронзу из привозной меди и олова и оставили в царских погребениях четырехколесные повозки с упряжкой из трех быков, а также множество других предметов, свидетельствующих об уровне культуры, не превзойденном затем ни вавилонянами, ни ассирийцами.

При поиске родины первых изобретателей письменности и колеса бросается в глаза, что Индская цивилизация не только удивительно схожа с цивилизациями Двуречья и Египта, но и совпадает с ними во времени. Разница в одна-два столетия для столь важных вех на пути человечества представляется ничтожной теперь, когда приходится пересматривать старые понятия и измерять достижения человека масштабом миллионов лет. После того, как рухнули господствовавшие догмы о давности существования нашего вида, лучше проявлять осторожность и не цепляться слепо за былые предположения о возрасте и распространении цивилизации. Мы слишком мало знаем, и новые открытия постоянно изменяют туманную картину. Точно известно, что основатели династий Египта и Шумера начали оставлять свои следы на речных берегах и изображать большие камышовые лодки предков как раз в ту пору, когда долину Инда заселила третья цивилизация, причем все три обосновались в долинах великих рек вокруг Аравийского полуострова.

Раскопки в долине Инда, подобно раскопкам в Двуречье и Египте, далеко не исчерпали запас сюрпризов для тех, кто по-прежнему ведет отсчет истории от Колумба или от древних греков и римлян. На первых порах, естественно, внимание привлекали внутренние области, где были найдены памятники Мохенджо-Даро и Хараппы, но со временем стало очевидно, что люди Индской культуры питали пристрастие к береговым районам. Американский геолог Л. Р. Рейкс, реконструируя уровень моря и русла крупнейших рек во времена этой древней цивилизации, установил, что практически все ее поселения располагались на берегу моря или реки. В последнее время ученые проявляют возрастающий интерес к приморским городищам, поскольку выяснилось несомненное значение мореходства и морской торговли для древнейших обитателей долины Инда. Здесь одним из пионеров явился авторитетный индийский археолог Ш. Р. Рао, который раскопал многие индийские поселения, постепенно продвигаясь к океану. Вот его слова:

«До недавних пор было принято считать Индскую цивилизацию сухопутной... Однако исследования последних лет позволили обнаружить следы хараппских портов, которые говорят о приморском характере Индской цивилизации и об оживленной морской торговле между народами долины Инда и шумерами на рубеже третьего-второго тысячелетий до нашей эры... Во втором тысячелетии до нашей эры все побережье Кача, Катхиявара и Южного Гуджарата на протяжении 1400 километров было усеяно хараппскими портами. Некоторые порты возникали еще в третьем тысячелетии... Из форпостов хараппской культуры внутри страны древнее всего Лотхал. Крупнейшее хараппское сооружение из обожженного кирпича — раскопанный на восточной окраине Лотхала док для причаливания судов и обработки грузов».

Этот древний порт с огромным кирпичным доком, пожалуй, самое многозначительное из открытий, связанных с Индской цивилизацией. Он построен около 2300 года до нашей эры и представляет собой обширную выемку, облицованную толстым слоем обожженного кирпича. Сохранились части этой кладки высотой 3,3 метра; ее подпирала пристань из глинобитного кирпича, шириной от 13 до 20 метров. Вода подавалась через впускное отверстие, и уровень ее регулировался водосливом. Общая длина бассейна около 215 метров, ширина около 37 метров, он позволял шлюзовать суда длиной 18—20 и шириной 4—6 метров, то есть несколько больше «Тигриса». Указывая, что входные ворота шириной 12,21 метра могли одновременно пропускать по два корабля, Рао заключает:

«О высоком уровне строительного искусства, достигнутом людьми Лотхала, говорит остроумный способ, при помощи которого они регулировали поступление воды в док во время прилива и отлива. В отлив нужный уровень воды для судов в бассейне обеспечивали, опуская затвор в вертикальных щелях в стенках водослива. Во время прилива избыток воды сбрасывали, поднимая затвор. Ни в одном другом порту начала или конца бронзового века не обнаружено искусственного дока с такого рода шлюзовым устройством. Да и в самой Индии гидростроительство после хараппского периода уже не прогрессировало».

Чем был Лотхал для Индской империи? Рао показывает, что с плодородных полей в глубине страны в его амбары доставлялись рис, хлопок, пшеница. Кроме того, здесь были мастерские, где изготовляли бусы, обрабатывали слоновую кость. Сердолик для бус привозили из внутренних областей; находки

Улица в Мохенджо-Даро.

бивней и скелетных костей свидетельствуют, что слонов держали в самом Лотхале. Рао пишет, что через Лотхал вывозились главным образом слоновая кость, бусы из сердолика и мыльного камня, раковинные инкрустации, возможно, хлопок и изделия из хлопка. Наличие столь крупного порта дает все основания отождествлять Индскую цивилизацию с Мелуххой, откуда в Двуречье прямо или через Бахрейн поступали сердоликовые бусы, слоновая кость и стеатит. Рао нашел также терракотовую голову «бородатого мужчины с шумерскими чертами», которую считает свидетельством связей с западом, а в доме купца на базарной улице Лотхала раскопал «восемь золотых подвесков, аналогичных тем, что обнаружены в царской гробнице в Уре». Все это, считает он, придает особый вес восемнадцати индским печатям, найденным в Уре, и тем, что обнаружены в Сусе, Кише, Тель-Асмаре, Хаме, Лагаше и Тепе-Гавра. Им найдена в Лотхале круглая стеатитовая печать, несколько отличная от индских и шумерских, зато почти тождественная печатям, раскопанным датчанами в дильмунском ярусе на Бахрейне. В посвященной этой «печати Персидского залива» статье Рао связывает ее с многочисленными индскими печатями и другими изделиями, появление которых в Двуречье, по его словам, можно объяснить только «процветающей торговлей с активным участием купцов из Индии и области Персидского залива. Употребление в разных областях печатей специфического вида говорит о наличии посредников, которые вели учет, оформляли контракты и пересылали опечатанный груз. Главными центрами были юг Двуречья, Персидский залив и западное побережье Индии от долины Инда до Камбейского залива».

В Лотхале раскопаны также грубо выполненные из терракоты маленькие модели судов, как килевых, так и плоскодонных. Вероятно, речь идет о талисманах или жертвоприношениях по обету; именно такую роль играли столь часто встречаемые при раскопках в Двуречье модели лодок из терракоты, асфальта, серебра. По символическим, очень приблизительным керамическим моделям нельзя судить о подлинных размерах и деталях конструкции мореходного торгового судна. Настоящие корабли делались не из глины, а из не столь долговечного плавучего материала, но замечательные портовые сооружения и печать с далекого острова говорят о том, что лотхальские купцы явно располагали судами, пригодными для дальних плаваний.

Поскольку мы пришли в бывшую область Индской цивилизации на шумерского типа судне из б е р д и и по пути убедились, что связанные из жгутов лодки дожили до наших дней и в Дильмуне и в Макане, наверно, нам больше, чем кому-либо из посещающих Мохенджо-Даро, было интересно, какими судами располагали индские мореплаватели. И, словно по заказу, один из жителей древнего города оставил печать, кусок долговечного камня, содержащий как раз то, что нам было нужно. Как ни мал этот предмет, он заполняет огромный пробел в мозаике, в которой мы пытались разобраться при помощи эксперимента с «Тигрисом». Я видел в крупнейших музеях Азии, Европы и Америки вещи, раскопанные в долине Инда, но самый большой сюрприз ожидал меня здесь, в маленькой экспозиции у подножия холма Мохенджо-Даро.

— Тут есть корабль!

Я с восхищением рассматривал каменную фигурку с глазами-раковинами, подобную месопотамским, когда Тору дернул меня за рукав к следующей витрине. Нагнувшись и плюща нос о стекло, я уставился на лежащий за ним экспонат. Маленькая желтоватая печать, прямоугольный кусок стеатита размером с мой большой палец. На ярлыке надпись: «Печать с плавучим домом». На гладкой плоскости стеатита

Тур Хейердал
и Норман Бейкер
рассматривают камыш
около Мохенджо-Даро.

и в самом деле выгравировано судно. Камень разломался пополам, но нашедший его человек тщательно склеил половинки вместе. В качестве символа для своей печати первоначальный владелец избрал корабль, мореходную м а-г у р, с характерными серповидными обводами, позволяющими легко переваливать через океанские валы. Отчетливо показана типичная для камышового судна поперечная вязка, двойные рулевые весла на корме, рубка на палубе между двумя мачтами. Обе мачты явно двуногие; на одной из них хорошо видно перекладины вроде тех, которые мы скопировали с египетских изображений, когда строили «Ра» и «Тигрис».

Сомневаюсь, чтобы безыскусные царапины на кусочке камня когда-либо так волновали мореплавателей, как взволновала нас принадлежащая торговцу или моряку реликвия, которая пролежала тысячи лет в мусорных кучах Мохенджо-Даро. Мы сгрудились вокруг витрины, и надо думать, творцу этого изображения не приходило в голову, что каждая вырезанная им борозда будет изучаться с таким вниманием и жаром.

Задолго до нас значение этой находки оценил сделавший ее Эрнест Маккей. Вот что он писал в своем отчете:

«Изображенное на печати судно вырезано смело, но грубо, вероятно, треугольным штихелем. Автор печати явно не был опытным резчиком, именно поэтому она представляет особый интерес, так как мотив нестереотипный. Нос и корма судна резко загнуты вверх — черта, присущая почти всем архаическим изображениям судов; ту же конструкцию видим, например, на древних минойских печатях, на египетской керамике додинастического периода, на цилиндрических печатях Шумера, где суда такого рода были в обиходе вплоть до ассирийских времен».

Маккей верно определил, что параллельные борозды обозначают вязку судна, «сделанного из камыша наподобие примитивных лодок Египта и судов, которыми пользовались на болотах Южной Вавилонии». По его словам, на печати показан тип судна, распространенный в древнем Мохенджо-Даро, и, судя по вниманию к деталям, ее владелец, вероятно, был связан с мореходством.

Открытие Маккея не вызвало большого отголоска, и, кроме печати, он нашел еще только одно, гораздо более грубое изображение судна, нацарапанное на керамическом черепке, хотя и здесь можно различить крутую дугу корпуса, двойную мачту с двумя реями и рулевое весло на корме. Так или иначе, ссылавшиеся впоследствии на публикацию Маккея исследователи единодушны в своем вердикте: «Судно на печати явно сделано из папируса» и «Изумительная печать... отголосок Древнего Египта».

Но можно ли утверждать, что древние жители Индской долины имели папирус?..

Наука не располагает письменными данными о наличии папируса в Двуречье. Очевидно, первые м а-г у р были, как и наша, связаны из б е р д и. И поскольку мы благополучно дошли до Пакистана, б е р д и явно оправдал себя как материал для мореходных судов.

От окружающей ныне Мохенджо-Даро пустынной зоны не так уж далеко до зеленого пояса, в котором Инд неторопливо извивается на своем долгом пути к мангровым болотам и соленым водам океана. И мы, не теряя времени, спустились от маленького музея на краю развалин к реке.

— Камыш! Эй, да это же б е р д и!—Норман первым подоспел к заболоченному берегу и выдернул с корнем одно растение.

В самом деле б е р д и! Типичное овальное сечение, образованное соединением серповидных в разрезе стеблей с губчатой сердцевиной в крупноячеистой глянцевой оболочке. То самое растение, из стеблей которого связан «Тигрис». Доставлено ли

оно сюда человеком или самой природой — чисто ботаническая проблема. Мы видели огромные заросли. Где бы на индских равнинах нам ни встретился свободный влажный участок, там непременно рос б е р д и. Стало быть, он, а не папирус использовался людьми Индской цивилизации для строительства судов того же типа, что известен по Двуречью до Египта. Купцы, ходившие в древности между Уром и Индом, вполне могли отремонтировать, даже обновить свои суда, если задерживались в гостях так долго, что камыш утрачивал плавучесть.

Возвращаясь к ожидавшему нас в порту Карачи «Тигрису», мы знакомились по пути с миром, который поражает смесью обычаев, разделенных промежутком в пять тысяч лет. Если в такие города, как Карачи, внедрился реактивный век со всевозможными — были бы только деньги — злектронными новинками, то, свернув с больших магистралей, путешественник может увидеть все этапы, пройденные жителями Индской долины в несколько длинных прыжков от бронзового века до современности. Вторгшиеся в зту страну арии явно не торопились уничтожить достижения Индской цивилизации на подвластной ей территории, и она оставила прочные благотворные следы. Мы увидели переселившиеся в область реки племена из Белуджистана — того самого края, чьи горы первыми предстали нашему взгляду, когда «Тигрис» приближался к Макрану. Увлекаемые парой волов дышловые повозки в их поселениях во всем были тождественны керамическим моделям из Мохенджо-Даро. Поскольку бывшие горцы никогда не посещали музей, они, очевидно, сохранили традицию, на которую не покусились арии. Мы видели деревянные колеса, украшенные такой дивной резьбой, что они вполне могли бы — скажем, в качестве люстр — украсить квартиру любителя старинной зкзотики. Жилища белуджей, подобно некоторым постройкам Ормары, напоминали дома иракских болотных арабов, которые, в свою очередь, верны хорошо известному нам по шумерским печатям образцу. Зайдешь в дом белуджа и видишь картину, знакомую по керамическим моделям Мохенджо-Даро и Ура: женщина, сидя на полу, перемалывает зерно каменной ручной зернотеркой. Правда, глиняные горшки уступили место покупной жестяной посуде, в остальном же все имущество белуджей восстанавливало в памяти Мохенджо-Даро. Скот — тот самый, что был впервые одомашнен основателями Индской цивилизации; хлопчатобумажные одежды сотканы на изобретенном ими станке, из волокон окультуренного ими же растения. Даже зерно, перетираемое на муку для хлеба, тоже представляло вид, впервые окультуренный древними благодетелями, о которых современные белуджи вряд ли слышали. Довольствуясь полученным наследством, они четыре тысячи лет его ничем не пополняли, пока не пришла пора воспринимать образ жизни двадцатого века.

Сидевший подле одной лачуги мужчина лепил из навоза аккуратные лепешки, чтобы просушить их на солнце и использовать как топливо. Я спросил, почему он и многие его соплеменники окрашивают свои волосы и пышные бороды в красный цвет. Нам ответили, что таков старинный обычай.

Вдоль всех ручьев и канав росли б е р д и и к а с а б, и мы видели, как оба растения заготавливают для строительства камышовых лачуг и для кровель глинобитных построек. Большинство деревенских домов и все городские были сложены из сырцового кирпича. В планировке старых городов прототипом явно послужил Мохенджо-Даро, вплоть до крытых плитами водостоков.

Производство сырцового кирпича старо, как сами цивилизации долины Инда, Двуречья, Египта. В тех местах, куда не дошли основатели зтих культур, его распространили сменившие их арабы; зто простой и остроумный выход для засушливых областей, где нет другого строительного материала.

На наших глазах деревенские жители в долине Инда изготовляли сырцовые блоки такой же величины и в таких же деревянных формах, какие я видел в Ираке и в Мексике. Дав подсохнуть замесу из глины, соломы и воды, они извлекали блоки из форм и досушивали на солнцепеке. Независимое изобретение столь нехитрой процедуры в странах, скажем, северного побережья Африки от Египта до Марокко никого бы не поразило, но удивительно, что сырцовыми блоками пользовались основатели мексиканской цивилизации на лесистом берегу по другую сторону Атлантики. Ольмеки, происхождение которых остается загадкой, сложили из сырцовых блоков ориентированную по солнцу храмовую пирамиду в Ла-Венте, в болотистых лесах Приморья, где есть сколько угодно дерева и камыша. Сырцовые блоки применяли также доинкские народы Перу, когда воздвигали в Приморье свои пирамиды в виде увенчанных храмом, астрономически ориентированных зиккуратов. Пирамида Серро Колорадо на севере Перу занимает площадь 4800 квадратиых метров, и на сооружение зтого древнего гиганта ушло около шести миллионов сырцовых блоков. Несмотря на полный контраст климата и природной среды, основоположники доколумбовых цивилизаций в лесах Мексики и в пустынях Перу строили из сырцового кирпича даже жилье, подобное домам Старого Света.

Глядя, как ослы и верблюды несут на базар индский хлопок, я опять же подумал о древних культурах Мексики и Перу. Насколько известно науке, культивация хлопка, дающего текстильное волокно, началась на равнинах Индской долины и оттуда распространилась в Египет. Между тем испанцы, придя в Мексику и Перу, увидели здесь обширные поля хлопчатника. Для науки поныне остается загадкой, каким образом ткацкий станок с вертикальным расположением основы и двойным навоем, которым пользовались инки ко времени прихода испанцев, оказался тождественным станкам Древнего Египта и Двуречья. Даже своеобразные керамические пряслица с орнаментом подчас совершенно одинаковы. Да и одежды из готовой ткани, по словам исследователей, были подчас «идентичны» по обеим сторонам Атлантики. Однако и зто не все. В последнее время ботаники кое-что добавили к зтим данным. Исследование хромосом показало, что окультуренный хлопчатник древних жителей Мексики и Перу отличается от диких американских видов, которые вообще не давали текстильного волокна. Хромосомы всех видов хлопчатника Старого Света намного крупнее хромосом диких видов Америки, но древние мексиканцы и перуанцы каким-то образом раздобыли хлопчатник Старого Света, скрестили его с дикорастущим местным хлопчатником и получили растение с текстильным волокном. Этот гибрид с двойным набором хромосом — единственный известный вид, сочетающий большие и малые хромосомы. И ботаники предоставляют специалистам по истории культуры выяснять: как мог неамериканский хлопчатник с тридцатью большими хромосомами, подобный хлопчатнику, впервые окультуренному жителями долины Инда, попасть в руки основоположников цивилизации Мексики и Перу? Если семена были доставлены ветром или птицами, некий американский индеец должен был распознать их и посадить на своих полях до того, как они сами про-

росли, наперед загадав, что, окажись волокно длиннее, чем у дикого хлопчатника, можно будет изобрести пряслице для кручения пряжи и станок для изготовления ткани.

Мы посмеивались над лихорадочными усилиями многих представителей исторических наук сохранить пальму первенства в пересечении Атлантики за испанцами и норманнами, иначе говоря, за европейцами, достигшими Канарских островов лишь через две тысячи лет после финикийцев, которые прошли путь из Малой Азии до Атлантики в несколько этапов, исследуя и осваивая новые земли. Есть что-то от религиозного фанатизма в стремлении западного мира видеть Америку европейским творением, надежно огражденным океанами, пока цивилизованные первооткрыватели-христиане не проторили дорогу к заморским варварам. Надо бы нам освободиться от шор. Искусство мореплавания, умение писать, христианская религия, даже символ креста — всем этим багажом, доставленным нами в Новый Свет, мы в конечном счете обязаны Азии.

...Мы накопили бездну исторических сведений и свежих впечатлений, наши фотокамеры запечатлели великолепнейшую арабскую крепость, и ноги наши ныли от усталости, а Сани не терпелось показать нам еще какие-то мечети и прочие мусульманские дива. И вот мы входим босиком в помещение очередной святыни — мавзолей умершего в XIII веке Шабаза Куланды, который принес ислам в здешние края. Слушая дробь барабанов и вдыхая запах благовоний, мы следом за Сани протиснулись к священному гробу. Какой-то человек с неправдоподобно длинными руками, возвышаясь над толпой, принимал бумажные цветы у тех, кто не мог сам дотянуться до гроба. Кончилось тем, что длиннорукий стронулся с места и пошел, все так же возвышаясь над окружающими. Что за чудеса... Я нырнул в просвет за его спиной, чтобы проверить: может быть, он на ходулях? К моему удивлению, его штанины доставали почти до пола. Что же это выходит — под покровом длинного халата один человек сидит на плечах другого? Уместно ли так забавляться в мавзолее? Но тут я рассмотрел такие громадные ступни и кисти, каких еще никогда в жизни не видел. Да и голова необычайной величины, с огромными губами и глазищами. Казалось, в полумраке странной гробницы расхаживает сказочный великан. Три раза обошел я следом за ним по кругу, прежде чем набрался духу пригласить его выйти с нами наружу. Здороваться с ним за руку было все равно, что пожимать окорок. Пригнувшись, он вышел за ворота, и мы окружили великана, чтобы измерить его рост. Два метра сорок сантиметров без обуви! В долине Инда нам встречалось немало высокорослых людей, но этот всех превзошел.

Я тешил себя мыслью, что мы, если учесть краткость визита, не так уж мало успели повидать в Пакистане, пока мы не вернулись в Карачи и директор Национального музея Тасвир Хамиди не спросил меня:

— А в Хассан Вахан вы заезжали?

Нет, мы и не слыхали такого названия. А что это такое?

Оказалось, что Хассан Вахан — деревня на берегу озера в бассейне Инда, недалеко от Мохенджо-Даро. Тамошние жители по сей день изготовляют керамику старинного типа и вообще недалеко ушли от прошлого в своем образе жизни. А на самом озере живут на деревянных лодках рыбаки, потомки древнего народа. Живут с семьями, со всем своим имуществом и, верные обычаю, никогда не выходят на сушу.

Тасвир Хамиди сам разговаривал с одним столетним патриархом, который за всю жизнь ни разу не ступал на землю.

Меня подмывало снова поехать внутрь страны и посетить Хассан Вахан, но в невероятно загрязненной гавани нас ждал «Тигрис». Пора возвращаться на борт, ставить парус и прощаться с Азией. Пакистанский археолог Тасвир Хамиди не сомневался, что древние жители Индской долины поддерживали связи с Двуречьем, и показал мне музейные экспонаты, убедительно говорящие о контактах. Среди них был «гильгамешский» мотив на индской печати: знаменитый месопотамский герой стоит между двумя вздыбленными львами.

Гильгамеш... Легендарный правитель Урука, который отправился в Дильмун, чтобы посетить родину своих предков.

Предание о Гильгамеше дошло через Бахрейн до Инда.

В самом деле, сколько можно сомневаться? Правы те исследователи, которые отождествляют Мелухху с областью Инда. Больше ей негде быть. Дильмун, Макан и Мелухха связаны между собой.

На нашей м а-г у р мы посетили все эти три страны. И были готовы выходить навстречу новым приключениям.

До сих пор «Тигрису» сопутствовала удача, и, прощаясь с Карачи, команда была настроена бодро, хотя на берегу чуть ли не ко всем пристали те или иные микробы. Тур и его товарищи не подозревали, что главные, самые неожиданные препятствия ждут их на финише. Полтора года спустя норвежское издательство «Гюльдендаль», выпуская книгу «Экспедиция «Тигрис», напишет: «Все шло хорошо, пока «Тигрис» не подошел к финишу... У входа в Красное море военные корабли преградили путь мирной экспедиции. В знак протеста против такой несообразности Хейердал поджег свою ладью». Но это будет потом, а пока пакистанские друзья отбуксировали ладью из гавани, и за внешним рейдом «камышовые» мореплаватели подняли парус.

Исполнилось три месяца, как «Тигрис» лег на воду. Веретенообразные бунты-близнецы погрузились всего наполовину, и высота надводного борта была больше, чем на «Ра II» после трех недель плавания. Мы уже не опасались, что ладья вдруг начнет быстро терять плавучесть. Никто из ребят не запросил смены в Пакистане, хотя им был обеспечен бесплатный билет домой и мы выходили из Азии к неведомой цели. Команда знала, что в любую минуту на нас может обрушиться шторм, а то и циклон, но никто не боялся, что ветер или волны разрушат камышовый корпус. Только стальной пароход или приморские скалы смогли бы распороть тугие пружинистые бунты.

Появился туман.

За день несколько раз нас накрывал дождь; кругом громоздились все новые тучи. Было тепло и душно.

Я записал в дневнике:

«В полдень передвинули стрелки часов еще на час назад. Лежа на матрасе, вижу через дверные проемы распаханный валами океан по обе стороны ладьи. При боковой качке волны ныряют под днище с одной стороны, чтобы тут же вырасти выше рубки с другой, и наоборот. Не припоминаю такой сильной качки на «Ра I» и «Ра II», но ведь тогда мы шли вместе со стихиями, а не наперекор им. Теперь мы правим к определенной цели или в обход

опасных берегов и пароходных магистралей. Куда мы пойдем на этот раз? Никто не знает. Мадагаскар, Красное море или любая точка африканского побережья между ними — всего вероятнее и заманчивее».

Мы собрались вокруг большого стола, чтобы обсудить дальнейший маршрут. Норман, только что дочитавший книгу об одном яхтсмене, который, не скупясь на эпитеты, расписывал ужасы Красного моря, ратовал за то, чтобы идти на Сейшелы — современный островной рай, если верить книгам. Юрий уговаривал нас плыть прямиком до Кении: ему очень хотелось посетить замечательные кенийские заповедники. Карло был за Красное море: если древние египтяне в самом деле общались с с народами Индской долины и Двуречья, их водные пути должны были смыкаться. Все мы видели в Багдадском музее целый зал, наполненный изумительными египетскими поделками из слоновой кости, раскопанными в Ираке. А Герман очень уж увлекательно рассказывал о волшебном подводном мире Красного моря. Других конкретных пожеланий не было, наши новички просто-напросто наслаждались жизнью на борту камышовой ладьи и радовались простирающейся впереди безбрежной сини. Решать надо было мне.

Экспедиция сложилась не совсем так, как я предполагал. Поначалу мне представлялось главным проверить плавучесть шумерской ма-гур из заготовленного в надлежащее время года берди. Никакого четкого маршрута я не замышлял. Будет держаться на воде — пересечем с муссоном Индийский океан; сохранит плавучесть и дальше — можно спуститься на юг вдоль берегов Африки, даже еще раз пройти через Атлантику до тропической Америки. Заключительный этап от Южной Африки был бы самым легким: всю дорогу попутный ветер и течение, как это было во время дрейфов на обеих «Ра». На самом деле мы прошли по торговым путям шумерских купцов. Осмотр древних памятников Бахрейна, Омана и Пакистана отнял столько времени, что мои финансы были на исходе. И проверка «Тигриса» на плавучесть уже показала, что камышовой ладье не страшны никакие расстояния. Принципиальная возможность совершать дальние переходы через океан была доказана в предыдущих экспедициях; править к определенной цели оказалось куда сложнее. Пока что мы курсировали между легендарными Дильмуном, Маканом и Мелуххой, которые посещались шумерскими купцами-мореплавателями. По другую сторону Индийского океана находился «рог Африки», Сомали, где ученые помещают мифическую страну Пунт египетских путешественников. Если сумеем дойти до тех берегов, кольцо будет замкнуто. Мы свяжем три великих цивилизации Старого Света на судне той самой конструкции, которой пользовались они. В предыдущих экспедициях мы соединили Африку с Новым Светом на папирусной ладье; еще раньше было доказано, что Новый Свет мог сообщаться с центром Тихого океана, причем ближайшей сушей на этом пути был остров Пасхи с его каменными изваяниями и образцами нерасшифрованной письменности, весьма похожей, по мнению некоторых исследователей, на письменность Индской долины. Хотя остров Пасхи и долина Инда — антиподы, расстояние между ними было вполне преодолимо для древних судов, догоняющих солнце при помощи направленных в ту же сторону быстрых и удобных природных эскалаторов — ветров и течений. И разве для строителей пирамид, которые поклонялись солнцу и изучали его священные трассы, не естественно было стремиться на запад вслед за своим богом и прародителем!

...Свирепый шторм, который пронесся в ту ночь над Индийским океаном и дошел до восточной части Персидского залива, вызвал неистовые песчаные бури в Дибайе и Абу-Даби. Ладью бросало через водяные горы, как игрушечный кораблик, и те из нас, кто еще ухитрялся спать, были разбужены криком:

— Все наверх!

Кричал Норман, и даже сквозь гул стихий была слышна тревога в его голосе.

В тусклом свете качающихся фонарей дыбились и курились пеной и брызгами маленькие вулканчики сталкивающихся гребней волн. Когда сломалась толстая стеньга и половина грота стала волочиться по морю, словно наполненный водой парашют, мы испугались, как бы это не кончилось бедой: груз, равный весу небольшого кита, грозил лишить нас такелажа — и дрейфуй тогда на тяжелой плоскодонке с одними лишь гребными веслами в роли двигателей. Двойная мачта вполне могла оборвать найтовы, крепящие ее к бунтам; хорошо еще, говорили мы себе, что наш камышовый катамаран достаточно широк и устойчив, вверх дном не опрокинется. В самом деле, солидный вес бунта не позволит поднять его на воздух, а плавучесть не даст волнам притопить его. Команды с мостика не доходили до ушей ребят, но каждый и без того старался вовсю, и общими усилиями нам удалось освободить парус от воды и втащить его на борт. Нептун остался без добычи.

Шторм бушевал всю ночь. Ветер выл и свистел в голых снастях, давил на закрытые брезентом рубки. Подобно Ною, мы забились в свои убежища, ожидая, когда уймется непогода. Вахтенные покинули мостик, прочно привязав рулевые весла. Нам оставалось только отсиживаться в рубках. Приятно было сознавать, что под нами сплошные бунты, а не хрупкий дощатый корпус. Не надо опасаться течи, не придется откачивать воду. Правда, при убранном парусе элегантно изогнутая корма не защищала нас — неуправляемое судно разворачивалось боком к ветру, и многотонные массы воды обрушивались на палубу, захлестывая лавки. Но уже через мгновение пенные каскады вокруг рубок исчезали, просачиваясь сквозь камышовое сито. Ладья влажно поблескивала в свете фонарей и, переливаясь алмазными искорками прилипшего к связкам планктона, снова поднималась на гребне, словно всплывающая подводная лодка. Немудрено, что именно эта самооткачивающаяся конструкция позволила древним судостроителям спокойно выходить в море и проторила путь для создания более сложных и изощренных плавучих средств.

К утру шторм унялся, подуло от ост-зюйд-оста. Но изредка налетали дождевые шквалы, и теплый ветер снова принес явственный запах джунглей. Скрытая далеко за горизонтом Индия щекотала ноздри пряным благоуханием тропического дождевого леса. Что еще удивительнее: вместе с ветром через море к нам прилетела туча насекомых. Жуки, муравьи, несколько больших бабочек, стрекоза и довольно крупные пауки присоединились к нашим давним спутникам — кузнечикам, которых заставил на время примолкнуть шторм. За ночь к ладье примкнули семь акул, и они явно не собирались уходить. Без паруса нас и после шторма трепала жуткая бортовая качка. Я засек время: каждые две с половиной секунды ладья содрогалась от мощного удара, как будто нас грубо сталкивали в глубокую канаву. На фоне серого утреннего неба голая мачта с перекладинами смахивала на скелет. Когда пришла пора завтракать, нам стоило великого труда усидеть на лавках за столом. Спасибо мышке, кото-

«Куда мы пойдем на этот раз?»

рая забрела на «Тигрис» еще в Омане,— самим нам вряд ли удалось бы очистить тысячи стеблей б е р д и под нами от всего, что падало и проливалось со стола. Размножившиеся и подросшие крабы-безбилетники тоже помогали содержать ладью в чистоте, орудуя клешнями, словно зубочистками.

Мы еще не избавились до конца от подхваченных на суше бактерий. Поливаемые дождем и волнами, продрогшие на ветру, четыре члена команды основательно простудились. Юрий нашел у них повышенную температуру и прописал постельный режим.

Подняв грот до основания сломанной стеньги, мы ухитрялись идти довольно устойчивым южным курсом, хотя северо-восточный муссон упорно продолжал бастовать. Ветер кочевал от ост-зюйд-оста до зюйд-веста, так что приходилось маневрировать, чтобы наполнить парус и снова выходить на нужный курс. Ладья подчинялась нам.

Первые четыре дня после шторма Норман и Эйч-Пи почти не слезали с верхушки двуногой мачты. Непросто было, качаясь наверху, выковыривать долотом нижний конец сломанной стеньги, которая была глубоко врезана в деревянный брусок, соединяющий мачтовые колена. Толстенная стеньга из твердой древесины переломилась поперек и расщепилась так, что обломки уже ни на что не годились. По совету Карло Асбьёрн аккуратно обтесал одно из ясеневых гребных весел. Новая стеньга сразу позволила нам побыстрее идти южным курсом в непрерывной борьбе с переменными ветрами.

Больные скоро оправились от простуды, и настроение у ребят было лучше, чем когда-либо. Все хотели плыть до тех пор, пока ладья держится на воде.

На второй день после шторма небо совсем расчистилось и море присмирело. Когда мы вставали из-за обеденного стола, высокорослый Норрис удивленно воскликнул:

— Смотрите — что зто такое?!

Справа по носу мелкие волны вдоль голубого горизонта отливали кровью. Мы забрались на мачту. Цветная полоса узкой рекой пересекала море, сколько хватало глаз. Асбьёрн и Эйч-Пи накачали воздухом резиновую шлюпку и пошли проверять, что там ожидает наши камышовые бунты.

Вернувшись, разведчики доложили, что необычная жидкость по густоте приближается к краске, но на химический продукт не похожа. Некоторое время мы шли вдоль оранжево-красной полосы, потом решились пересечь ее. Даже в рубках был ощутим странный запах, отдающий рыбой. В ширину полоса не превышала двух саженей, зато в длину протянулась по прямой от горизонта до горизонта, в направлении от норд-норд-веста на зюйд-зюйд-ост. Мы пересекли ее несколько раз, однако так и не смогли определить, что же зто такое. Мне приходилось наблюдать в районе Рима подобный «красный прилив» водорослей, вызванный загрязнением прибрежных вод. Но здесь до берега было далеко. И как только умудрялась зта полоса не расплываться в океане, уподобляясь красной ковровой дорожке длиной во много миль? Мы следовали вдоль нее всю вторую половину дня, не видя ни начала, ни конца. Кое-где небольшие пятна краснели рядом с дорожкой, в целом же она смотрелась, как пересекающая синюю морскую гладь, четко оконтуренная золотисто-красная река. Зачерпни зту жижу стаканом — и можно принять ее за густой апельсиновый сок, если бы не рыбный запах.

В красной жиже плавали в большом количестве короткие слизистые ленты зеленовато-серой икры, мелькали отдельные перышки, и было очень много маленьких мертвых кишечнополостных — совсем как в сильно загрязненных нефтью поясах, пересеченных нами на «Ра». Было похоже, что зта красная полоса — творение не одной только природы...

Вечером мы ушли от загадочной дорожки и больше ее не видели. Напоследок к «Тигрису» стреми-

тельно приблизилась здоровенная — вдвое длиннее любого из нас — молот-рыба. Метнулась ракетой к плывущему за кормой спасбую, не сбавляя скорости, описала несколько зигзагов вокруг ладьи и умчалась прочь вдоль красной полосы, рассекая воду спинным плавником.

Полыхающие молниями грозовые облака еще два дня ходили вдоль горизонта, преимущественно в сторону Индии. И с началом второй половины февраля все штормовые тучи исчезли, как и предсказывали портовые власти Карачи. Но муссон по-прежнему блистал своим отсутствием. Мы плыли навстречу образованной небом и морем сфере в голубом мире, где всякая суша крылась глубоко под водой. И день за днем ни кораблей, ни самолетов. Мы были в этом мире единственными людьми, но не единственными живыми существами.

Нам не встретилось ни одно рыболовное судно — принято считать, что в здешних водах нечего ловить, и некоторые океанографы называют их морской пустыней. Возможно, это так и есть. Но если мы шли по морской пустыне, то наш камышовый корабль был поистине плавучим оазисом. Заплывшие в эти края скитальцы, видимо, примечали тень, которую отбрасывала ладья, скользившая беззвучно, как облако, над просвеченной солнцем голубой толщей. С каждым днем наш плавучий эскорт возрастал, появлялись все новые виды морской фауны, к ним примыкали родичи, и безжизненные поначалу воды наполнились живностью до такой степени, словно «Тигрис» попал на рыбоводный пруд.

Не только нашим подводным спутникам, но и нам самим, когда мы ныряли под днище ладьи, «Тигрис» представлялся плавучим островком, своего рода опрокинутым зеленым лугом. Широкая, грузная, уютная, сплошь из растительного материала, без всяких там винтов, с удобной ложбинкой взамен обычного для судов острого киля, помахивая весенней зеленью водорослей, наша ладья шла со скоростью, которая устраивала даже самых ленивых обитателей моря. Маленькие крабики свободно цеплялись за стебли б е р д и, чувствуя себя среди морской травы так же уютно, как блохи в бороде Нептуна. Нельзя придумать травы зеленее, сочнее и приятнее для глаза, чем нестриженый газон на днище «Тигриса», где, словно грибы, росли маленькие уточки, а крабики и мальки сновали, будто жуки и кузнечики. Немудрено, что единственный на много голубых километров плавучий сад привлекал всяческих бездомных скитальцев. Да и мы готовы были сколько угодно любоваться подводным царством, свесив головы через борт или плывя на буксире около кишащих живностью желтых стеблей. Со времени выхода из Омана белые морские уточки подросли, сравнявшись в обхвате с голубиным яйцом. Стоят на длинном черном стебельке и ритмично взмахивают ветвистыми ножками, точно желтыми крылышками, загоняя в домик богатую кислородом воду и корм. Но главная диковина — аплизии, они же морские зайцы. В прежних плаваниях мы с ними совсем не встречались, теперь же сразу два вида неторопливо паслись на наших подводных лугах. Один поменьше, величиной с большой палец, желтый, как банан; второй подлиннее и потучнее, зеленовато-бурой окраски. Если не считать двух пар придатков на голове, напоминающих заячьи уши, у этих брюхоногих моллюсков не было ничего, что оправдывало бы родовое наименование. Неуклюжие, медлительные, тупомордые, с бугорчатой кожей на бесформенном теле, они скорее смахивали на мини-бегемотов, когда ползли вверх по бунтам, а оказавшись выше ватерлинии, вертели головой, соображая, куда двигаться дальше. Спугнешь — съеживаются и прячутся в раковину, уподобляясь финику.

За исключением крабов никто из наших подводных пассажиров не решался выходить за пределы влажной зоны. Возможно, крабиков заманили на палубу летучие рыбы. Мы находили не всех рыбок, залетавших ночью на борт ладьи, но крабы безошибочно выслеживали не замеченную нами добычу среди бунтов и груза. Примостившись на горе еды, двурукие и восьминогие шельмецы очищали от чешуи подходящий участок и принимались жадно уписывать даровое угощение.

Наш морской огород был утехой не только для глаз. Набрав котелок крупных морских уточек, Детлеф варил их с чесноком, иракскими специями и сушеными овощами, и лучшей ухи мы в жизни не ели, особенно если в нее была добавлена летучая рыба.

Эта рыба — благо для всякого, кто идет на плоту в теплых водах. По вкусу она не уступает отборной сельди, а как наживка превосходит самые дорогие искусственные приспособления. Разновидность, встреченная нами в Индийском океане, была не из крупных — всего около восемнадцати сантиметров в длину, и, если мы утром подбирали две-три такие рыбки, этого было маловато на завтрак для одиннадцати мужчин. Зато, наживив крючок одной рыбкой, можно было тотчас выловить метровую корифену, которой вполне хватало на обед всей команде. А когда мы посвятили самого страстного рыболова на борту, Асбьёрна, в древнейший секрет — как приманивать летучих рыб, он стал на ночь зажигать все наши керосиновые фонари и выставлять их вдоль рубок. Рыбки градом сыпались на палубу. Идя на юг, мы по утрам собирали все более богатый урожай. Во время ужина летучие рыбки иной раз проносились над столом, награждая нас тумаками и приземляясь в мисках и котелках. Тростник и брезент пестрели метинами из серебристой чешуи. Не раз и не два мы просыпались ночью оттого, что холодная рыба шлепалась прямо в постель к нам и принималась отчаянно бить длинными грудными плавниками, но снова взлететь не могла, потому что стартовую скорость этим летунам придает энергичное движение хвоста в воде. Я спал у дверного проема, и меня чаще других будило холодное прикосновение рыбы, протискивающейся в спальный мешок. Помню случай, когда лежавший рядом Карло со смехом наблюдал, как я тщетно пытаюсь найти ночного гостя, устроившего пляски на моей постели. Утром Карло обнаружил его мертвым в своем спальном мешке.

В иные дни кок выдавал на завтрак каждому по три жареные летучие рыбки. После того как очередной утренний сбор дал сорок штук, мы бросили считать, принимая летучие дары моря как нечто само собой разумеющееся. Детлеф, большой любитель историй Мюнхгаузена, назвал окружающие нас воды Морем Ленивцев.

Первой на крючок с летучей рыбой всегда бросалась корифена — неутомимая охотница и верный спутник плотов в теплых водах. Корифена, она же золотая макрель, она же махимахи, была мне знакома по прежним экспедициям, особенно в Тихом океане. Когда мы выходили из Пакистана, наш эскорт насчитывал всего две-три корифены. На удочку они не шли, только Асбьёрн и Детлеф ухитрялись бить их острогой. Но с того дня, как мы стали наживлять крючки летучей рыбой, обед нам был обеспечен, и сколько бы корифен мы ни вылавливали, на другой день их было еще больше.

Шестнадцатого февраля я записал, что никогда еще не видел в море столько рыбы. Восемнадцато-

го февраля Герман и Тору нырнули под днище «Тигриса», чтобы поснимать присоединившихся к нам различных рыб, и насчитали двадцать корифен. К вечеру следующего дня их было уже свыше тридцати. В свете фонариков мы легко отличали корифен от других рыб. Мы продолжали заниматься рыбной ловлей, и я снова и снова писал в дневнике, что сегодня нас сопровождает больше рыбы, чем когда-либо.

В ночь на 26 февраля я вылез из рубки, чтобы заступить на полуночную вахту, протер глаза и оторопел при виде невероятной картины. Поднявшийся раньше меня Тору посветил фонариком на море, и луч света, вместо того чтобы уйти в черную толщу, отразился от заполнившей поверхность сплошной массы призрачных рыбьих тел. Они казались неподвижными, хотя плыли с той же скоростью и тем же курсом, что наша ладья. Корифены. Но в каком-то невообразимом количестве. И они не сновали вокруг нас, как обычно, а шли плотным строем, точно отряд лыжников в белом, скользящих вниз по склону, засыпанному черным снегом. Обычно мы без опаски купались в обществе дружелюбных корифен, но этот безмолвный непрошеный кортеж производил такое грозное впечатление своей численностью и сплоченностью, что я со страхом подумал: не дай бог свалиться за борт.

Утром строй корифен рассыпался, но едва зашло солнце, как они снова собрались вокруг ладьи. Через два дня количество их перевалило за три сотни. Такие яркие днем, ночью они становились бледными призраками. Широкие в профиль, но совсем тонкие, если смотреть сверху, корифены располагались на расстоянии вытянутых грудных плавников друг от друга, всегда с левого борта «Тигриса», и всегда первая шеренга чуть отступала от носа ладьи, словно предоставляя нам лидерство. И они точно выдерживали нашу скорость, как бы мы ни шли. Днем корифены резвились, носились взад-вперед; при сильном волнении развлекались, полным ходом взмывая на самый гребень, чтобы потом съехать вниз по крутому скату.

В конце месяца в дневнике появилась такая запись: «Мы настолько срослись с морской средой, что я ощущаю себя пастырем корифенового косяка...»

Корифены шли с разинутыми пастями очень плотным строем, и не застрявшая на ладье летучая рыба неизбежно доставалась какой-нибудь из них. Но почему сбор непременно у левого борта? Потому ли, что именно с этой стороны вечером, перед тем как эскорт погружался в сон, наш золотистый кораблик озаряла восходящая луна? Мы терялись в догадках. Одно было очевидно: на ночь корифены для безопасности сбивались в стаю, подобно животным прерий. Вероятно, «Тигрис» казался им надежным, могучим защитником и каждая корифена рассчитывала, что кто-нибудь из соседок поднимет тревогу, став жертвой внезапной атаки на дремлющую компанию. В Море Ленивцев у корифен были враги, способные проглотить их целиком так же запросто, как сами они могли съесть полдюжины летучих рыбок.

Однажды ночью, когда мы плыли в сопровождении нашего скопища светящихся призраков, я стоял у румпеля и дремал, прислонясь к перилам мостика. Внезапно меня заставил очнуться какой-то переполох возле борта ладьи. Фосфоресцирующие корифены метались в панике, словно кто-то выпустил по ним торпеду. А вот и сама лучезарная торпеда! Она была и подлиннее и потолще своих жертв. Спасаясь бегством, корифены тянули за собой искрящийся след, и казалось, на поверхности моря извиваются морские змеи, однако живая торпеда внесла сумятицу в световые узоры. Когда же тусклые огни пропали вместе с корифенами, мы рассмотрели в черной толще трехметровую молот-рыбу. Она уходила от ладьи, выписывая торчащим спинным плавником нервные зигзаги, будто недовольная доставшейся ей добычей.

Через минуту после того, как огромный хищник скрылся, корифены снова собрались вдоль левого борта ладьи, и строй их казался нам плотнее прежнего.

Молот-рыба — безжалостный охотник. Обычно эти акулы являлись ночью, когда легче застигнуть врасплох корифен, но и днем вели себя активно. Однажды мы увидели, как с полдюжины корифен, спасаясь от погони, выскочили из воды, словно в подражание летучим рыбам. Последнюю в ряду подбросила вверх широкая молотовидная голова. Потеряв ориентацию, корифена упала прямо в грозную пасть подстерегавшего ее чудища.

Среди встреченных нами акул рыба-молот выделялась непостоянством. В отличие от большинства своих сородичей она не была склонна подолгу сопровождать ладью. Явится вдруг, обследует окружение «Тигриса» и снова исчезает. В одно прекрасное утро, когда я, стыдливо прикрывшись камышовой ширмой, безмятежно восседал в забортном гальюне в левой части кормы, с мостика раздался крик:

— Большая акула за кормой!

Глянув под ноги, я увидел, что пониже моей кормы возникла страховидная широкая голова здоровенной молот-рыбы. Впервые в жизни мне представился случай хорошенько рассмотреть свирепую физиономию этой безобразной твари. Более гротескного расположения глаз невозможно себе представить. Длиннейшие боковые выросты молотовидной головы напрашивались на сравнение с пышными усами, если бы не маленькие глазки по краям и расположенные поблизости ноздри. Отнесенная назад здоровенная пасть в нижней части головы неторопливо проглотила туалетную бумагу, меж тем как разбежавшиеся глаза воззрились на меня, будто примеряясь к главному блюду. То ли кандидат в людоеды был близорук, то ли я ему приглянулся так же мало, как он мне, так или иначе он поплыл дальше. Я не решался поджать ноги, чтобы не привлекать к себе внимания. Трехметровый мышечный жгут в серой коже медленно, очень медленно проскользнул ниже моего седалища. Я мог бы спокойно коснуться спинного или хвостового плавника, когда они поочередно проследовали под забортным загончиком, однако не посмел даже встать за плавками, покуда хвост не исчез из поля зрения.

После этого чудовище надумало поиграть с плывущим за нашей кормой резиновым спасбуем. Ребята, не мешкая, привязали к буксирному канату здоровенный крюк на короткой цепочке, Карло наживил его маленькой акулкой, и, к нашему общему восторгу, молот-рыба схватила приманку. После долгого поединка мы закрепили канат за бортовой брус; рыбина ответила тем, что развернула ладью на двадцать градусов. Основательно взбила пенистую воду, потом начала нырять в разные стороны. Когда она поднырнула под ладью, канат зацепился за кормовой шверт, и он стал дергаться взад-вперед. Мы вытащили шверт. Несколько минут акула дубасила днище «Тигриса», и в кильватерной струе появились крошки камыша. Наконец возня прекратилась, но сколько мы ни тянули, наших объединенных сил не хватило, чтобы вытащить канат.

Эйч-Пи сделал еще раньше из бамбука и вере-

вок маленькую водолазную корзину вроде той, какая была на «Кон-Тики». В плавках я чувствовал себя увереннее, а потому смело полез в корзину, когда ее спустили за борт. Ко всеобщему разочарованию и к моему облегчению, оказалось, что крюк пуст, просто он глубоко вонзился в камышовое днище. Меня окружал наш обычный эскорт, включая менее крупных белоперых акул, которых мы давно перестали опасаться. Молот-рыба исчезла, проглотив солидную наживку, но сперва она словно решила обыграть свое название: вбила крюк в камыш так основательно, что нам лишь с великим трудом удалось его выдернуть.

Еще со времен «Кон-Тики», когда акулы повседневно окружали нас со всех сторон, я прочно усвоил: они могут быть так же добродушны и так же свирепы, как люди без мундира и в мундире. Невозможно предугадать, что сделает акула через минуту. Правда, в кортеже «Тигриса» были только симпатичные акулы. Во всяком случае, эти представители одного из наименее популярных хищных отрядов и внешностью и поведением являли разительный контраст молот-рыбе, и мы прониклись к ним теплым чувством.

Акулы с самого начала навещали нас, но только после Карачи мы наладили с ними настоящий контакт. Число их менялось ото дня ко дню, но в целом неуклонно росло; так, в день схватки с молот-рыбой мы насчитали семнадцать штук. Длина — метр-полтора, иногда больше, и поначалу мы выступали в роли хищников, а они были жертвами. Однако ловить акул слишком легко и неинтересно, не то что отбивающихся корифен. И на вкус они не так уж хороши, даже если вымочишь их, чтобы не отдавали аммиаком. Прошло немного времени, и наши самые ревностные рыболовы виновато смотрели на товарищей, если по ошибке вылавливали небольшую акулу. Нам больше нравилось подкармливать акул рыбьими головами, костями и прочими объедками.

Однажды Карло, оседлав лопасть рулевого весла за кормой и держась одной рукой за страховочный леер, промывал застарелую язву на ноге. Он убедил себя, но не нашего врача Юрия, что ежедневная обработка соленой водой полезна для язвы. Герман перед тем смывал с себя мыло, держась за второе весло, теперь же он стоял на корме и высыхал на солнце. Внезапно Карло услышал его крик:

— Акула!

Маленькая общительная акулка уже несколько минут болталась под ступнями Карло, и он спокойно ответил:

— Знаю, я ее вижу.

— Акула! Акула! Поднимайся! — продолжал кричать Герман, приметив плавник трехметрового людоеда, который быстро шел прямиком на занятого целительной процедурой Карло.

К счастью, в этот момент хищница повела себя как-то странно: начала взбивать хвостом воду, словно вызывая противника на бой. Карло поднял глаза и увидел, что акула нацелилась как раз на его ногу. Могучей рукой многоопытного альпиниста он подтянулся на леере кверху, другой рукой взялся за бортовую связку и вскочил на палубу. Стоявшие на корме ребята определили, что всего лишь один акулий корпус, или одна секунда, отделяли нашего товарища от ампутации ступни.

А уже вблизи берегов Африки сам Герман без моего ведома пошел на непростительный риск. Все, кроме рулевых, воздав должное вкусным корифенам, забрались подремать в тенистые рубки, Герман же натянул гидрокостюм, надел маску и обвязался длинным страховочным концом, решив поснимать смешанную компанию, которая следовала за нами в кильватере. Белоперые акулы и прочие рыбы подплыли к нему и начали вертеться перед камерой. Некоторые из них до того привыкли к нам, что Тору брал с собой во время купания мешочек с мелкими кусочками рыбы и кормил их из рук. Плескаясь в одиночестве на изрядном расстоянии от ладьи, Герман заметил в глубине крупного людоеда. Акула, в свою очередь, заметила его и двинулась вверх, описывая плавные круги. Герману приходилось снимать акул как в своем родном Карибском море, так и в большинстве других морей нашей планеты, где водятся эти хищницы, и он давно научился определять, с какими намерениями они направляются к человеку. Предельно осторожно он стал подтягиваться к ладье. Большинство ребят дремали в рубках, а Эйч-Пи и Рашад обменивались шутками на мостике, не подозревая, что в это время происходит в океане за их спиной. Акула по спирали поднималась к Герману, Герман, перехватываясь по веревке, приближался к «Тигрису». И некому было помочь ему и выбрать веревку с другого конца. Одно неосторожное движение или резкий звук — и акула устремилась бы в атаку. Она была совсем близко, когда он ухватился за правое рулевое весло и влез на палубу. Несколько дней после этого нелепого приключения Герман ходил бледный, молчаливый, удрученный, коря себя и огрызаясь на других. Акула акуле рознь...

Странно бывало проснуться среди ночи оттого, что кто-то сморкался так энергично, что будил даже тех, кого не беспокоил самый громкий храп. Сядешь, выглянешь в дверной проем и видишь в лунном свете нечто вроде огромного лакированного ботинка, но с широким дыхалом, по которому нетрудно определить, что рядом с твоим ложем всплыл настоящий кит. Одно дело дивиться на китообразных в разных там маринариумах, совсем другое — пробудиться от сна бок о бок с водным млекопитающим в его родной стихии. Не в пример полицейским катерам, которые вторгались в рубку, сотрясая весь наш кораблик с его такелажем, могучие киты ни разу не задели камышовые бунты, даже в самую темную ночь не столкнулись с «Тигрисом», хотя нередко всплывали на расстоянии вытянутой руки от борта или проходили под ладьей.

Несколько раз на борту «Тигриса» отмечались дни рождения. Сколько плаваю на лодках-плотах, никогда еще не было в моей команде столько выдающихся и изобретательных коков. Никогда не подозревал, что из сырой рыбы можно приготовить такое количество вкусных блюд, какие предлагал нам знаток японской кухни Тору; недаром дома у себя он держал ресторанчик, специализирующийся на рыбе. Невозможно забыть уху Детлефа, блины Нормана, рис в обработке Карло, вяленых элагатов Юрия, сушеное мясо с перцем в исполнении Германа. И кто бы подумал, что молодые скандинавские студенты сумеют испечь столько дивных пирожков и пудингов из арабской фасоли, гороха, муки и яиц. Однако всех превзошел Рашад, творец блюда «маринованная летучая рыба по-тигрисски». Как-то утром я прокрался на камбуз и записал рецепт: на две очищенные и нарезанные кубиками летучие рыбы — три четверти чашки уксуса, четверть чашки морской воды, немного оливкового масла, долька чеснока, вдоволь нарубленного лука, полторы ложки сахарного песку, две чайные ложки соли, пол чайной ложки перца и по щепотке припасенных Рашадом арабских специй.

Как раз с этой закуски начался обед в честь Юриного дня рождения. Далее последовала корифена на разные лады — жареная, вареная, сырая; за ко-

рифеной — особый макаронный пудинг Асбьёрна и Эйч-Пи. Эти озорники просверлили по секрету дырочку в столе и воткнули в пудинг шланг от насоса, которым мы накачивали резиновую шлюпку. Только мы приготовились взять себе по куску, как Эйч-Пи с самым серьезным выражением лица объявил, что за неимением дрожжей особый Юрин праздничный пудинг нуждается для пышности в нескольких каплях водки. После чего спрыснул водкой свое кулинарное изделие, и пудинг начал расти на глазах у изумленных зрителей. Никто не заметил, что Асбьёрн потихоньку качает воздух ступней. Все прочие чудеса, виденные нами в плавании, померкли перед этим. А пудинг все рос и рос, пока сверху не высунулось нечто вроде распухающего пальца. Опомнившись от удивления, мы дружно рассмеялись и запели «С днем рождения» по-английски...

Однажды Асбьёрн поразил нас тем, что голыми руками извлек из волн морских черепаху. Правда, она и без того, похоже, направлялась в гости к нам. Мы держали ее некоторое время на палубе, толкуя о черепашьем супе и нежных отбивных, но в конце концов единодушно постановили отпустить на волю. Для древних мореплавателей Индийского океана черепахи, наверное, были желанной добавкой к столу, состоящему по преимуществу из рыбы и сушеного мяса. В наши дни морские черепахи почти совсем истреблены, и все же мы несколько раз видели торчащие над водой черепашьи перископы.

Три дня спустя после удачной охоты Асбьёрна, пользуясь тихой погодой, Рашад решил искупаться и тоже сумел ухватить за панцирь здоровенную черепаху. Ловец и добыча были одинаково хорошими пловцами, и зрители на борту ладьи долго не могли определить — то ли черепаха тащит Рашада, то ли он, уходя с головой под воду, толкает ее к ладье. Лишь когда молодой араб торжествующе приподнял машущую передними ластами черепаху над водой, стало ясно, кто победитель.

На обеих пойманных нами черепахах сидели по две прилипалы; кроме того, по панцирю, совсем как по днищу «Тигриса», сновали зеленые крабики. Вторую пленницу поражение привело в такую ярость, что она принялась рвать камыш и бамбук своим попугаичьим клювом, и мы поспешили вернуть ее в родную стихию. Только она всплыла на поверхность метрах в ста от ладьи, как Юрий крикнул с крыши рубки:

— Ее схватила здоровенная акула!

В самом деле, среди пены и брызг мелькали ласты и плавники. Потом море разгладилось, и кто-то пробурчал, что лучше уж было оставить черепаху себе.

Вскоре Асбьёрн надумал опять применить собственные руки, как орудие лова, но на этот раз ему меньше повезло. Правда, и объект охоты был необычный. Море плавно колыхалось, и в одном месте гладкую поверхность рябило нечто вроде человеческих пальцев. Асбьёрн быстро подгреб туда на шлюпке, не подозревая, что настиг Нептуна, а точнее, существо, известное под названием Neptunus.

— Попался! — крикнул он, перегибаясь через борт, и чуть не шлепнулся в воду при виде диковинной добычи.

— А-а-а-й-й! — услышали мы в следующий миг. Асбьёрн отчаянно тряс вскинутой вверх рукой, силясь сбросить с нее какую-то разлапистую красную тварь. Большой краб! Только тут мы заметили, что ладью окружают полчища красно-бурых крабов величиной с кулак. Одни бегали по поверхности моря, как по зеркалу, другие ныряли, уходя в синюю толщу. Это была наша первая встреча с крабами-плавунцами Индийского океана, представителями вида Neptunus. Жертва Асбьёрна ущипнула ему палец до крови, и он поспешил вернуться на ладью за дуршлагом, в котором Карло промывал макароны. Остроумное приспособление позволило Асбьёрну и Детлефу в два счета выловить с десяток сердитых крабов — таких сердитых, что, очутившись в одном котелке, они перекусывали ноги друг другу. У наших ловцов тут же появились конкуренты. Корифены тоже решили поохотиться на крабов и с разбега хватали их перед носом шлюпки, подпрыгивая с добычей высоко в воздух. А там и одна полутораметровая акула ринулась вдогонку за крабом, который во всю прыть улепетывал от нее. Настигла жертву и тоже в лихом прыжке выскочила из воды. До тех пор мы ни разу не видели прыгающих акул.

Маленькие забияки, наименованные в честь бога морей, спокойно лежали на поверхности, уписывая планктон, пока их кто-нибудь не спугивал. Трудно придумать что-нибудь чуднее этих миниатюрных роботов с человеческими повадками. Стоило черным глазам на стебельках приметить врага с дуршлагом, как краб мгновенно принимал позу борца — передние конечности согнуты, клешни раскрыты. Правда, оценив размеры дуршлага, крабы заключали, что всего благоразумнее будет отступить. И улепетывали боком-боком с невероятной скоростью, согласованно перебирая пятью парами ног. Обе клешни повернуты влево, правая согнута для обтекаемости, левая вытянута назад в качестве рулевого весла. Последние суставы задних ног сплющены наподобие лопасти, чтобы лучше грести, и снабжены для большей эффективности целой системой шарниров; остальные три пары конечностей просто бегут по воде. Безошибочно действующие замысловатые части маленького робота в твердом карапаксе, от чувствительных антенн до движителей и рулей, хочется назвать чудом инженерного искусства. А ведь они всего лишь крохотная безделка в океане, где киты искони ныряют, пользуясь природным локатором, превосходящим любые радары, где кальмары могли прыгнуть к нам на борт, включив реактивный движитель, а спасаясь от врага, ставили дымовую завесу. В городе человек чувствует себя царем природы, но, очутившись на просторах океана среди существ, появившихся задолго до человека и внесших свой вклад в его возникновение, и атеист иной раз спросит себя, точно ли Дарвин определил силу, которая движет видообразование по открытому им пути.

Два дня мы плыли в тихих водах, потом ветер усилился, ладья прибавила ходу и вместе со своей морской отарой вошла в район, где преобладали изумительные небесно-голубые улитки. Они плавали брюхом кверху, защищенные гроздьями тонких, словно пластиковых, пузырьков, выполняющих роль паруса. Однако парус не спасал их от спинорогов. Развив предельную скорость, эти тихоходы настигали улиток и заглатывали их вместе с раковиной.

Древнейшие философы почитали людей потомками моря и неба. Современная наука приходит примерно к такому же выводу. В самом деле, откуда еще могли произойти населяющие Землю виды? Ночью в океане даже звезды казались ближе, снова становились частью нашего мира, какими их воспринимали люди, которые первыми дали имена звездам и пользовались ими как надежными указателями, странствуя в безбрежных просторах. И нас вновь посещало своеобразное чувство, доступное человеку лишь вдали от всех городов: как будто

понятие времени теряло свой смысл и прошлое сливалось воедино с настоящим. Время подразделялось не на века, а только на дни и ночи.

Стоя ночью на мостике или лежа на крыше рубки и глядя, как стеньга рисует круги среди знакомых созвездий, мы все более сближались с вселенной, забытой всеми, кроме астрономов и астронавтов. Звезды перестали быть для нас хаотическим скоплением блесток, вроде морского планктона. Мы узнавали их, запоминали время и пути их следования над носом и парусом ладьи. Из ночи в ночь — одна и та же последовательность, одна и та же скорость. Неудивительно, что люди Двуречья и Древнего Египта — стран, отличающихся широкими просторами,— становились замечательными астрономами, точно знали периоды обращения главнейших небесных тел, правили по ним и передали нашим предкам упорядоченный календарь.

Первого марта в дневнике записано: «Мы вышли в плавание в ноябре, теперь март, и мы все еще на борту. Невероятно, но факт: вчера и сегодня море у левого борта пахло рыбой! Возможно ли, чтобы морские обитатели, издающие явственный запах над водой, могли воздействовать на наше обоняние, скопившись в большом количестве у ее поверхности?»

Спустя несколько дней мы были исторгнуты из царства рыб и древнего человека. Норману удалось наладить надежную радиосвязь с еще далеким от нас современным миром. Отчетливо слыша голос Фрэнка с Бахрейна, мы с удручающей регулярностью принимали очередные новости. Вдруг оказалось, что «Тигрис» вышел на курс, ведущий к столкновению с политическими событиями. Через четыре месяца после старта камышовой ладьи в Ираке и через четыре недели после отбытия из Пакистана возникли серьезные навигационные трудности. Не потому что «Тигрис» отказался слушаться руля, а потому что обширные области прямо по нашему курсу стали запретной зоной.

Мы наметили пройти от Мелуххи до Пунта, нынешнего Сомали, поскольку египетские источники упоминают этот плодородный уголок Африки, посещающийся купцами и мореплавателями из Египта. Запросив разрешение на заход в Сомали, мы получили через бахрейнское радио первое предостережение из Лондона: «Весьма настоятельно советуем воздержаться от попыток пристать к этим берегам».

Сомали начало военные действия. Яхты, заходившие в сомалийские воды, перехватывались и команды заточались в тюрьму. Отсюда следовало, что 240 километров африканского побережья к югу от Аденского залива закрыты для нас, что, направляясь к Красному морю, мы должны сторониться «рога Африки» и править севернее, подальше от африканских берегов и поближе к аравийским берегам залива.

Но тут же из Лондона поступило предупреждение, что аравийский берег — также запретная зона. Южный Йемен закрыл свои границы... Правительство Народной Демократической Республики Йемен, занимающей 1600-километровую полосу Аравийского полуострова от Омана до Северного Йемена, который расположен на побережье Красного моря, обороняло свои рубежи от капиталистических соседей.

Получалось, что надо осмотрительно прокладывать курс, стараясь держаться срединной линии протянувшегося на полторы тысячи километров Аденского залива и не подходить к окаймляющим его запретным берегам. Наше решение вызвало у лондонских членов консорциума новую тревогу: «Вы в самом деле собираетесь войти в Аденский залив и дальше проследовать в Красное море? Удастся ли вам выдерживать такой курс? Просьба помнить о политической ситуации этого района в соответствии с нашими прежними рекомендациями. Мы не можем рассчитывать на сотрудничество правительств Южного Йемена и Сомали. Все».

Мы были уверены, что сможем выдерживать нужный курс. Взяли прицел на узкий Баб-эль-Мандебский пролив, ведущий в Красное море из глубины столь опасного для нас Аденского залива, и тут ветер пропал. Начисто пропал. Полнейший штиль. В 1400 милях от пролива мы оказались во власти незримых океанских течений. В жизни не видел такого гладкого океана. Даже ряби не было, кроме той, которую вызвала ладья. Парус повис этаким гобеленом... Наши штурманы брали высоту солнца и звезд и докладывали, что нас несет к Сокотре.

Сокотра — большой остров, расположенный перед «рогом Африки» примерно посередине между Сомали и Южным Йеменом, которому он принадлежит. На всякий случай мы запросили разрешения зайти на Сокотру. И снова последовал обескураживающий ответ: «Обращались в посольство Южного Йемена в Лондоне с просьбой разрешить «Тигрису» при необходимости заход на Сокотру. В посольстве знают, что «Тигрис» находится вблизи острова, но объявили, чтобы «Тигрис» без письменного разрешения не пытался, повторяем, не пытался приставать к Сокотре».

Течение несло нас все ближе к острову. Лондон снова подчеркивал:

«Рискуете арестом, если высадитесь на Сокотре без разрешения».

Помимо этого, мы получили предупреждение от министерства иностранных дел одной западноевропейской страны:

«Не подходите сейчас к Сокотре, могут быть неприятности».

Кому-то понадобилось пустить слух, будто русские задумали учредить военную базу на этом острове, контролирующем вход в Аденский залив и Красное море. Будто бы самолетам и судам запрещается подходить к нему на расстояние прямой видимости. Между тем из самого Южного Йемена сообщили, что для подхода к Сокотре достаточно получить разрешение местных властей.

При полном безветрии мы беспомощно дрейфовали в сторону Сокотры, принимая по радио все новые предупреждения. Дескать, нас могут обстрелять, могут предать суду военного трибунала.

Двенадцатого марта на юго-западе, как раз на пути нашего дрейфа, возникли бледно-голубые очертания могучих гор Сокотры. Карло заметил их в ту самую минуту, когда багровое солнце коснулось горизонта на западе, и мы закричали со смешанным чувством радости и беспокойства:

— Ур-ра! Видим Сокотру! Достигли Африки!

В самом деле, здорово! Мы пересекли Индийский океан. На поверхности моря появилась легкая рябь, но ветер был еще слишком слаб, чтобы наполнить парус. А ведь нам нельзя подходить ближе к острову. Поднимаем парус, налегаем на гребные весла... Солнце скрылось, и все потонуло во мраке. Шлем новую радиограмму: подходим к запретному острову вопреки собственному желанию.

Тринадцатое марта. Солнце взошло в легкой дымке; ленивый бриз по-прежнему был слишком слаб, чтобы ладья слушалась руля. К полудню мгла поредела, и я различил вдали слева какую-то формацию, высвеченную солнцем. Словно айсберг, которому природа придала вид сидящего медведя. Потом вокруг светлой формации появились темные контуры более крупного массива. Судя по всему, остров

еще приблизился, но толком разобрать, что скрывается за мглой, мы не могли. К «Тигрису» подлетела чайка. Ребята выловили кустики плавающих водорослей.

Норман доложил по радио, куда нас занесло. Ему ответили, что лондонские посольства стран, представленных в команде «Тигриса», пока не получили от Южного Йемена положительного ответа.

Солнце зашло.

Четырнадцатое марта. Вскоре после полуночи ветер прибавил, и ладья стала слушаться руля. Только оба паруса наполнились, как ветер с веста отошел на зюйд-вест, потом на зюйд, потом вильнул обратно. Всю ночь мы возились с парусами и гребными веслами, возвращая «Тигрис» на нужный курс, и каждый раз ветер заходил с другой стороны. Ладья выписывала петли и зигзаги; мы совершенно выбились из сил; в темноте я боднул бамбуковое стропило и разбил голову в кровь. А выбравшись из рубки в седьмом часу утра, обнаружил, что нос ладьи смотрит прямо на скалистый берег Сокотры. «Белый медведь» оказался огромной песчаной дюной на склоне образованного пригорком центрального мыса. Определившись по карте, мы установили, что перед нами протянулся на сто с лишним километров северный берег острова. На восходе нас отделяло от него всего двадцать миль, на закате — четырнадцать. И это после того, как мы весь день трудились без передышки, чтобы увеличить или хотя бы сохранить дистанцию.

Нос ладьи вертелся в разные стороны, и наши корифены растерянно метались по кругу Остров ощетинился шпилями и пиками, которые выглядели выше и неприступнее всех гор, виденных нами с начала плавания. Дежуривший на рации Норман принял сообщение, что представительство Южного Йемена при ООН тоже не стало ничего решать и предложило обращаться прямо на Сокотру. Включив любительскую рацию, Норман связался с русским радиолюбителем по имени Валерий, и я попросил Юрия передать в Москву, что нас прибивает течением к Сокотре. Вскоре поступил ответ, что Министерство иностранных дел СССР направило запросы посольству Южного Йемена в Москве и советскому посольству в Адене.

Наступил вечер, и остров снова пропал во тьме. Детлеф доложил с мостика, что мы, идя на запад против приливно-отливного течения со скоростью не менее одного узла, вроде бы сохраняем дистанцию, отделяющую нас от берега. Ночью слабые порывы ветра доносили благоухание цветов, а один раз нам почудился запах жареного кофе. На несколько секунд на берегу вспыхнул яркий огонь, потом опять сгустился кромешный мрак.

Пятнадцатое марта. В полночь ветер совершенно стих, и мы снова очутились во власти течения Сколько ни смотрели — никаких огней, ни на острове, ни в море. Когда небо на востоке из черного стало сперва ярко-зеленым, потом красным, суша показалась всего в восьми милях от ладьи. За ночь нас оттеснило назад, и мы вернулись на траверз ориентиров, виденных накануне, только теперь они были гораздо ближе. Огромный «белый медведь» придвинулся вплотную, и мы дивились, как это песок мог подняться так высоко по склону. Пригорок с дюной ограждал с востока главную гавань острова с административным центром Хадибу. В западной части бухты мы рассмотрели высокие деревья и несколько построек. Но никаких признаков жизни. Ни дыма. Странно, как будто остров был покинут людьми.

Слабый бриз позволил нам идти со скоростью 1,2 узла относительно поверхности воды, но течение оставалось встречным. Мы вошли в загрязненную зону, море на много миль вокруг было словно покрыто мыльной пеной. В дневнике записано:

«Во второй половине дня загрязнение усилилось, от края до края тянулись полосы, напоминающие «красный прилив», местами плотные, как снежные заструги. Ближайшее рассмотрение показало, что эти полосы составлены бурыми комочками мазута, вроде встреченных нами в Атлантике. Комочки мы наблюдали не один день еще до появления пены. Длинными параллельными лентами тянется слизистая смесь пены с нефтяной пленкой. Отвратительная картина. Крабики снуют по этой мерзости; плавают с разинутым ртом корифены, охотясь за полчищами крохотных рыбешек. Всю вторую половину дня мы петляли, стараясь оторваться от острова, даже легли на обратный курс, задумав обогнуть восточный мыс,— все напрасно. Теперь, в шесть часов вечера, правим на высокий западный мыс, на который нацелились вчера вечером, только позиция наша намного хуже, вот-вот войдем в трехмильную зону. На душе неспокойно от такой близости. На небольшом мысу с идущей вверх по склону тропкой видно несколько армейских палаток; рядом с ними стоит нечто вроде грузовика. Видно также группу огромных, современных бетонных зданий вперемежку со старыми арабскими домами. Три здания стоят бок о бок у самой воды. Если б не отсутствие окон, можно было бы принять их за жилые дома. А так они производят впечатление ультрасовременных предприятий, резко контрастируя с окружающей дикой природой. Сказочные горы. Мы в жизни не видели более красивого острова. Нам с Норманом он напоминает остров, где мы впервые познакомились,— Таити с устремленными к небу шпилями Диадемы. Карло предложил нам попробовать наладить прямую радиосвязь с Сокотрой или Южным Йеменом. Мы попытались, но нам не ответили. Большие здания еще приблизились. Никаких признаков жизни. Никакого движения. Никакого ветра. Положение отчаянное. Рискуем, что нас выбросит на скалы».

Ночь застала нас возле самого берега. С удивлением мы увидели, что в современных зданиях внезапно вспыхнуло множество ярких электрических огней, и кругом кое-где зажглись фонари.

Шестнадцатое марта. Остров все там же во всей своей впечатляющей красоте. Мы снова очутились перед входом в бухту, где располагался административный центр Хадибу и где, во всяком случае прежде, помещалась резиденция султана. Сопровождаемая двумя китами ладья заметно углубилась в трехмильную зону. Я сказал ребятам, чтобы убрали свои кино- и фотокамеры. Если кто-нибудь выйдет к нам, объясним причину наших затруднений. Не выйдут — сами подойдем на шлюпке к берегу и принесем свои извинения.

Я собрал команду на совещание. Напомнил, что у нас было договорено, если позволяет время, выслушивать каждого члена команды перед принятием важных решений. Мой голос решающий, но при условии, что меня поддержит хотя бы один человек: вдруг я свихнусь. Затем я поставил на голосование свой план — высадиться на берег Сокотры. Остров чудесный, говорил я себе, здесь, наверно, можно запастись свежими фруктами, кокосовыми орехами, птицей, мясом, молоком, пресной водой. Надо думать, на таком крупном острове, расположенном на морских путях, остались следы древних мореплавателей. Его земля так и напрашивалась на исследование. Однако вслух я ничего этого не сказал, только вкратце изложил свой план и подчеркнул, что вот уже полчаса дует слабый бриз, позво-

ляющий нам войти в бухту и бросить якорь или пристать к берегу.

Но одна нация за другой выступили против моего предложения: США, Италия, СССР, ФРГ, Ирак, Япония, Мексика, Дания. Ни одного голоса «за», только мой соотечественник Эйч-Пи согласился со мной, что более интересного места мы уже не встретим, а потому стоит высадиться.

Да, ситуация... Я не видел никакого смысла в том, чтобы рисковать жизнью, идя при боковом ветре мимо скалистого берега, когда можно было спокойно войти в пленительную бухту, отдать якорь, установить контакт с местными жителями и рассказать о наших невзгодах. Тем не менее я решил пойти на компромисс.

Ветер с моря прибавил, гребни волн закурчавились барашками. Я объявил, что согласен: будем два часа идти дальше, проверяя с мостика пеленг на западный мыс. Если через два часа окажется, что наш курс позволяет благополучно миновать мыс, продолжим плавание. В противном случае мы еще успеем развернуться и, принимая ветер с другого борта, возвратимся в Хадибу.

Все были довольны, только у меня на душе кошки скребли, и очень уж опасным казался мне этот эксперимент.

И вот мы плывем на запад мимо нелюдимых черных скал с белой оторочкой прибоя, вызванного усилившимся ветром. Риск есть риск... А когда истекли два часа и Детлеф соскочил с мостика, чтобы доложить, как обстоит дело с пеленгом, Норман выбрался из рубки с новыми радиопосланиями. Оставив Германа у румпеля, мы в тревоге окружили Нормана, и он прочитал вслух:

— «Представительство Южного Йемена при ООН связалось со своим правительством, чтобы объяснить положение «Тигриса». Надеемся получить разрешение».

Второе послание гласило:

— «Норвежское посольство в Лондоне уведомляет, что Южный Йемен не против вашей высадки на Сокотре».

Послышались крики «ура», кто-то из ребят предложил тотчас поворачивать обратно и править на бухту Хадибу. Я попросил Детлефа доложить обстановку. Он сказал, что мы идем против восточного течения с абсолютной скоростью два узла, выдерживая курс, с учетом сноса, 278°— на 18° правее торчащего вдали западного мыса.

Детлеф готов был немедленно возвратиться на мостик, чтобы развернуться курсом на Хадибу. Но тут уже я воспротивился.

— Нет. Мы единодушно постановили проверить, может ли «Тигрис» миновать этот мыс. Ответ получен, ответ утвердительный, теперь надо плыть дальше, не то получится, что мы попусту затеяли рискованное дело.

Норман поддержал меня. Карло и Герман достали несколько бутылок красного вина, припасенного для особых случаев, и мы продолжали идти вперед. Нос ладьи смотрел правее мыса, четко вырисовывающегося на фоне золотистого вечернего неба...

Наш маленький отряд не разучился наслаждаться бытием на борту шумерской м а-г у р. Я уже простил ребятам, что не поддержали меня на утреннем совещании. Как-никак, целью экспедиции было испытать наш кораблик, а их уверенность в нем служила высшей оценкой. Древняя конструкция, которую ученые почитали ненадежной за пределами рек Месопотамии, пронесла нас через Персидский залив, от Бахрейна до Омана, от Омана до Пакистана, от Пакистана до острова у берега Африки, вполне сохранив свои мореходные качества, так что команда предпочла не останавливаться на Сокотре, хотя знала, что нам предстоит одолеть еще тысячу миль и пройти сквозь строй запретных берегов, прежде чем появится следующая возможность причалить к суше.

Молодой месяц словно обозначил новую фазу путешествия, когда мы ушли от Сокотры — первого на нашем маршруте клочка африканской земли. Ночь принесла крутую волну и переменные ветры. На рассвете весь возвышенный западный берег острова остался позади, и вскоре мы снова очутились наедине с океаном и нашими морскими спутниками, большинство которых остались нам верны.

Через два дня мы с хорошей скоростью миновали необитаемый остров Каль-Фарун с птичьим базаром. Когда небо и солнце окрасилось в закатный красный цвет, мы увидели два судна. Они догоняли нас, следуя сходящимся курсом, причем одно из них появилось со стороны Сокотры. Похоже было, что ладью собираются взять в клещи, и мы подняли флаг ООН. В ответ поднялись советские флаги, а затем мы прочли названия на железных корпусах: «Анапский» и «Ачуевский». Два советских рыболовных траулера, явно нуждающихся в свежей покраске после долгого пребывания в море. Юрий влез на крышу рубки и радостно запрыгал там, размахивая фуражкой. Один траулер поприветствовал нас сиреной. Асбьёрн живо накачал резиновую шлюпку, вместе с Юрием они подошли по черным волнам — солнце уже зашло — к «Ачуевскому», и Юрий поднялся на борт. Через полчаса он вернулся с дарами и вручил нам огромного замороженного групера, десятикилограммовый мешок с обезглавленными морожеными креветками, большой мешок картофеля и русские карты залива, к которому мы направлялись. Два дня мы объедались чудными креветками, торопясь управиться с ними, пока они не протухли на жаре.

Траулеры ушли курсом на Аден, и мы снова остались одни. В последний раз нам выдалась возможность поваляться на крыше рубки и поразмышлять о далеких временах, когда в этих водах плавали основатели древних цивилизаций и свободной торговли. Историк Плиний Старший в первом веке нашей эры отмечал широкий размах морской торговли между Египтом и Цейлоном, который, в свою очередь, был связан «со страной китайцев». Плиний недвусмысленно заявляет, что сведения о здешних морских путях римляне получили от древних египтян и что те точно знали, когда и куда и как ходить под парусами в этой части Индийского океана. Плиний записал, что египтяне в свое время плавали «на судах из камыша, оснащенных подобно нильским лодкам», не только на Цейлон, но и к индийскому материку, торгуя с прасиями на реке Ганг. Он приводит точный навигационный путь, сообщенный древнегреческому ученому Эратосфену египетскими купцами, и отмечает, что суда выходили из портов Красного моря летом, когда на небе показывался Сириус. Далее он пишет: «В обратный путь из Индии мореплаватели отправляются в начале египетского месяца Тибис, что отвечает нашему декабрю, и во всяком случае, до шестого дня египетского Мешир, то есть до 13 января по нашему календарю».

Мы на «Тигрисе» покинули район Инда только 7 февраля, зная, что запаздываем, поплатились сломанной стеньгой и все равно дошли до африканских вод. Не времена года были для нас главной помехой, а историческая эпоха. Мы опоздали на несколько столетий, и нам не разрешили высаживать-

ся в Пунте. Идя в опасной близости от запретного берега, надо было маневрировать предельно осторожно, чтобы не оказаться в виду венчающего «рог Африки» мыса Гвардафуй, после которого восточное побережье материка сворачивает круто на вест-зюйд-вест, окаймляя Аденский залив.

— По-моему, нам лучше всего держаться к югу от середины залива,— сказал Норман.— От нас требуется величайшая точность. Ширина промежутка между Азией и Африкой всего каких-нибудь пятнадцать миль, и мы должны попасть в эту щель.

В это время на политическом небе появился первый просвет. Мы получили разрешение на заход в Джибути, крохотную африканскую республику в глубине Аденского залива, у самого Красного моря. Это новорожденное государство, клочок засушливой земли вокруг хорошо оборудованного порта, соблюдало нейтралитет.

Мы миновали мыс Гвардафуй за пределами видимости. Там, за горизонтом, наиболее развитые представители современной цивилизации выгружали новейшие изобретения для убоя людей. Три с половиной тысячи лет назад корабли египетской царицы Хатшепсут приходили сюда за миртовыми деревьями для украшения Фив. Когда плывешь от континента к континенту на камышовом корабле, времени для размышлений хоть отбавляй...

Если не считать человеческой природы, за последние пять тысяч лет многое изменилось на всех материках. Все быстрее преображается наша среда обитания. Ожидающий нас путь так же неизведан, как большая часть пройденного, и чем лучше мы постигнем прошлое, тем вернее сможем предсказывать будущее. Поскольку наша родословная совсем недавно отодвинулась на два с лишним миллиона лет назад, будущие раскопки сулят массу нового. Величайшее открытие последних лет — уразумение того, как мало, невероятно мало нам пока известно о прошлом человека, о начале всех начал. В первые десятилетия после Дарвина и открытия неведомой прежде шумерской цивилизации нам казалось, что мы получили ответ на все вопросы: родина человека — леса, родина цивилизаций-близнецов — Египта и Двуречья — две широкие плодородные речные долины. Вроде бы все сходилось.

Но затем последовали открытия в долине Инда. Сперва были обнаружены хорошо сохранившиеся города-близнецы Мохенджо-Даро и Хараппа. Потом археологи и здесь раскопали следы работы первых цивилизованных градостроителей, датируемые примерно 3000 годом до нашей эры. Три великие цивилизации в областях, окружающих Аравийский полуостров, предстают нашему взору в высоко развитом обличье, с организованными династиями, удивительно схожие между собой. Можно подумать, что объединенные родством священные правители прибыли откуда-то извне вместе со своими приближенными и утвердились на землях, населенных сильно уступавшими им в культурном развитии племенами.

Как объяснить впечатляющий, чуть ли не внезапный, одновременный расцвет трех разных областей, если не взаимосвязью явлений? Вопрос этот напрашивался и раньше, он тем более уместен теперь, когда оказалось, что 3000 год до нашей эры отнюдь не обозначает некую серединную точку в расселении и эволюции человечества. Жители Двуречья, Египта и прочие представители рода людского по меньшей мере 2 миллиона лет независимо друг от друга шли по пути от первобытного палеолита до цивилизации бронзового века. Зная это, вправе ли мы полагать, что три народа-судостроителя в одно время начали странствовать в поисках олова и меди, чтобы выплавлять бронзу и придавать ей заданную форму восковым литьем? И можно ли говорить о естественной связи между литьем бронзы и, скажем, изобретением письменности или колесной повозки? Тем не менее три названные цивилизации вдруг обзавелись важнейшими элементами материальной культуры и верований, словно инспирировали друг друга или же черпали из общего источника.

Признавая, что в древности достижения цивилизации распространились от обширных нив Египта и Шумера сначала по всему Ближнему Востоку, затем на Крит, Грецию, Рим и, наконец, на остальную Европу, мы стоим на прочной исторической основе. Известно, что влияние Индской цивилизации, с ее совершенными портами в Приморье, проникло в самые отдаленные уголки Индии. Коль скоро Плиний показывает, что Цейлон в древности торговал с Китаем, кто мог помешать представителям хараппской цивилизации делать то же самое и обогащать важными импульсами великую китайскую цивилизацию, расцвет которой наступил вскоре? В селении Ормара мы видели маленькие примитивные д а у, регулярно доставляющие вяленую акулу на Цейлон. Для этих людей естественной дорогой было море, а не джунгли. Располагая географическими промежуточными звеньями в лице Цейлона на востоке и Бахрейна на западе, люди Индской культуры, начав бороздить моря, вряд ли пребывали в неведении о крупных государствах приморской Азии.

Хронологически все известные нам великие цивилизации древности выросли одна за другой сразу после рубежа, обозначаемого 3000 годом нашей эры. В основе их лежит исторический прорыв в трех ключевых приречных областях. Однако при всей его важности этот прорыв еще не обозначает точку отсчета, подлинное начало цивилизованного человека. Устоявшиеся представления рухнули в который раз, когда пересмотр и уточнение радиокарбонных датировок показали, что до того, как сложились первые династии в трех великих речных долинах, цивилизованный человек развивал свою деятельность в самых неожиданных местах. Примечательные каменные сооружения возникли на островах вокруг Великобритании, на Мальте и Бахрейне раньше, чем где-либо еще. Общепризнанные доктрины о зарождении цивилизации ныне найдены несостоятельными.

Наука озадачена. Ученые еще не успели внести исправления в устаревшие учебники. Да и не принято заменять старые тексты, прежде чем на это дадут свое благословение большинство ученых. Сейчас можно встретить утверждения, что цивилизация зародилась независимо на различных островах за тысячу или более лет до того, как она возникла в поречье на континентах. И что стимулом прогресса, вероятно, были не импульсы извне, не массовая организация и не обильные урожаи зерновых, а обусловленные изолированным положением мир и безопасность. На это возражают, что подобные гипотезы противоречат фундаментальным положениям исторической науки. Что бедные почвами и прочими ресурсами острова не обеспечивают необходимых предпосылок для рождения цивилизации. К тому же цивилизация не возникает вдруг: если она существовала на островах вокруг Британии к IV тысячелетию до нашей эры, значит, сюда пришли уже цивилизованные племена или же острова задолго до того заселили первобытные люди, и у них было время подняться на следующую ступень.

В обоих случаях у начала стоят мореходные суда. Целые семьи — первобытные или цивилизован-

ные — пересекали море. Это согласуется со свидетельством фресок Сахары и петроглифов области Красного моря: когда началось строительство пирамид, судостроение насчитывало не один век. Когда леса преграждали путь, реки и океаны были открыты для человека.

В наших знаниях о прошлом зияет огромный пробел между костями жившего два миллиона лет назад гоминида, найденными в озерных отложениях Африки, и вдумчивыми строителями, которые плавали на своих судах по обе стороны Гибралтара всего шесть-семь тысяч лет назад. Еще один пробел отделяет этих строителей от внезапно появляющихся на берегах Нила и Инда, в устье Тигра и Евфрата самодержцев с многочисленной свитой искусных ремесленников, зодчих и астрономов. Известные нам даты — не более чем редкие вехи на огромном пути. Большая часть нашего прошлого потеряна, забыта; кое-что еще сохраняется, сокрытое от взгляда под песком, илом, землей, вулканическим пеплом. За время существования человека лик планеты менялся снова и снова. Льды приходили и уходили. Суша рождалась и исчезала. Древние почвы в лесах и поречьях перекрыты периодическими отложениями. Наступающие пустыни погребли некоторые из важнейших областей обитания древних людей. Подводная археология только-только родилась, а ведь семьдесят процентов поверхности нашей планеты занимает вода.

Следует считаться с возможностью открытия под песком еще неведомых цивилизаций. В 1975 году при раскопках городища Мардих в Сирии обнаружена столица современного Вавилонии огромного ханаанейского царства; здесь найдено, в частности, около 15 тысяч глиняных плиток с письменами. Не только шумеры и творцы цивилизации Хараппы оставались неизвестными, пока на них не наткнулась лопата археолога,— все следы хеттов, ольмеков и многих других династических культур Старого и Нового Света скрывались под землей. И все они оказались прототипами и катализаторами последующих, исторически известных культур. Помпея и санторинский Акротири обнаружены в толще вулканического пепла.

Когда заходит речь о возможности открыть что-то под водой, мы дружно смеемся. Смеемся, как смеялись над Лики, над Вегенером, который несколько десятилетий назад впервые выдвинул гипотезу о дрейфе континентов. Позволительно смеяться над версией о затонувшей Атлантиде. Слишком много небылиц накручено вокруг этого предания, и затонувшие народы столь же непопулярны в среде ученых, как пришельцы из космоса. К сожалению, фантастов больше манит погружаться в море и посещать очередную Атлантиду, чем зарываться в песок к шумерам. А археологам легче копать песок, чем работать под водой.

Но где гарантия, что, кроме затонувших судов, все прочие следы человека сосредоточены на тридцати процентах поверхности планеты, занятых ныне сушей? Каждый шаг вперед науки о происхождении и развитии человеческого общества — плод острых споров. Подбросим же и мы немного дров в костер полемики.

Человек каменного века охотился за лесным зверем там, где теперь плещутся волны Северного моря, и траулеры поднимают со дна наконечники стрел. На месте Атлантики, в отличие от Тихого океана, в давние времена тоже была суша. До сих пор не установлено, когда затонули последние отрезки Срединно-Атлантического хребта. Предположительные датировки допускают совпадение во времени с эпохой древнего человека. Известно, однако, что в Атлантике произошла чудовищная катастрофа как раз тогда, когда отмечается заметное оживление человеческой активности. Во всяком случае, эта катастрофа должна была отразиться на творцах островных культур вокруг Британии, ведь дно океана расколола огромная трещина, которая пересекла даже лесистую Исландию. Здесь в заполненную лавой расщелину упало дерево, и радиокарбонная датировка показывает, что это случилось около 3000 года до нашей эры.

С поправкой на ошибки метода все равно получаем время, близкое к эпохе, когда в области трех поречий появились великие династии. Археологи установили также, что около 3000 года до нашей эры были заброшены неолитические поселения на Кипре — видимо, в связи с каким-то катаклизмом. К той же дате относят конец неолитической фазы и начало нового важного периода на Мальте. И на Крите археологи нашли свидетельства пространных смещений пластов на рубеже III тысячелетия до нашей эры, когда люди искали убежища в пещерах, а затем обосновались на возвышенностях.

Предание об Атлантиде было похоронено и, казалось бы, прочно забыто наукой. Но затем оно внезапно возродилось в новом облике в среде ученых. Недавнее открытие погребенной островной цивилизации на острове Санторин между Грецией и Критом оживило старую тему. Многие серьезные исследователи обратились к древнегреческим текстам, пытаясь отождествить Санторин с Атлантидой. Возможно, говорили они, в основе древнего предания лежат какие-то искаженные сведения, дошедшие от египтян. Так Атлантида была открыта вновь — поблизости от Греции и высоко над водой.

Чем объясняется такое возрождение отвергнутой легенды? И почему она становится более правдоподобной оттого, что Атлантиду помещают не в Атлантике и не под водой? Санторин не тонул, и расположен он не к западу от Гибралтара — отпадают два основных момента атлантической версии. Санторинский вулкан взорвался и засыпал пеплом город Акротири около 1400—1200 годов до нашей эры, но остров оставался на виду, когда греческие историки плыли мимо него в гости к своим египетским информаторам, которые, по их словам, располагали письменными сведениями о гибели Атлантиды. Для египтян историческая традиция начиналась с народа, который жил за Гибралтаром задолго до фараоновых времен, а не у берегов Греции во времена Нового Царства, когда произошло извержение санторинского вулкана.

Борясь за плавучесть построенного в Египте папирусного корабля «Ра I» в тех самых водах, где, как полагали древние египтяне, затонула Атлантида, мы не скупились на шутки. Дескать, наша задача — попытаться выяснить, как далеко могла распространиться древнейшая Средиземноморская цивилизация, а не искать место, где она родилась, по мнению египтян!

В отличие от экспериментов на «Ра» «Тигрис» вышел на поиски начала начал согласно шумерским преданиям. Так мы очутились в Дильмуне, где, по рассказам шумеров, поселились их предки после того, как большая часть человечества утонула вследствие всемирного катаклизма.

Задолго до проникновения в Элладу христианства у древних греков бытовали три версии о катастрофическом наводнении. В их собственном мифе о потопе человечество покарал верховный бог Зевс; затем, также в дохристианские времена, они восприняли от эллинистических иудеев их вариант шумерского предания; наконец, тесно общаясь со страной на Ниле, они узнали египетскую версию.

Примерно за четыре века до начала христианской эры древнегреческий философ Платон написал свои диалоги «Тимей» и «Критий», в которых Критий рассказывает Сократу о путешествии Солона в Египет. Платон вкладывает в уста Крития такие слова:

«Выслушай же, Сократ, сказание, хоть и очень странное, но совершенно достоверное, как заявил некогда мудрейший из семи мудрых Солон».

Дальше Критий сообщает, что в Египте, в самом начале дельты Нила, есть область, называемая Саисской, с главным городом Саис. Жители этого города относились с большим расположением к афинянам, почитая их родственным народом. Прибыв сюда, Солон был принят с великими почестями. Расспрашивая наиболее сведущих жрецов, он убедился, что сам он и все его соотечественники почти ничего не знают о древности. Чтобы вызвать жрецов на беседу о древних временах, он принялся рассказывать им про греческую старину, как Девкалион и Пирра спаслись после потопа, и кто были их потомками, и по числу поколений пытался определить, сколько времени прошло с той поры. Тогда один очень старый жрец сказал ему:

«О, Солон, Солон! Вы, эллины, всегда дети и старца эллина нет... Все вы юны душой... потому что не имеете вы в душе ни одного старого мнения, которое опиралось бы на древнем предании; и ни одного знания, поседевшего от времени».

Старый египтянин объяснил это тем, что в течение веков человечество подвергалось многим великим бедствиям. И самое большое бедствие — это когда бог очищает Землю потопом. В Средиземноморье, продолжал жрец, это случалось не один раз, и больше всех страдали греки и их соседи. Всех живущих в городах этой области смывало в море, спасались только скотоводы и пастухи в горах. А потому в памяти греков остался лишь последний потоп, и рассказы Солона о древних родах мало чем отличались от детских побасенок. Но «что бывало прекрасного и великого или замечательного в иных отношениях у вас или здесь, или в каком другом месте, о котором доходят слухи, то все с древнего времени записано и сохраняется здесь в храмах. У вас же и у других каждый раз, едва лишь упрочится письменность или другие средства, нужные (для этой цели) городам, как опять чрез известное число лет, будто болезнь, низвергся на вас небесный потоп и оставил в живых только неграмотных и неученых, так что вы снова как будто молодеете, не сохраняя в памяти ничего, что происходило в древние времена».

Затем старый жрец рассказывает Солону о древнейших событиях, запечатленных в хранящихся в храме священных записях, относя эти события к девятому тысячелетию до прибытия Солона в Саис.

«Записи говорят, какую город наш обуздал некогда силу, дерзостно направляющуюся разом на всю Европу и на Азию со стороны Атлантического моря. Тогда ведь море это было судоходно, потому что пред устьем его, которое вы по-своему называете Геракловыми Столпами, находился остров. Остров тот был больше Ливии и Азии, взятых вместе, и от него открывался плавателям доступ к прочим островам, а от тех островов — ко всему противолежащему материку, которым ограничивался тот истинный понт. Ведь с внутренней стороны устья, о котором говорим, море представляется (только) бухтой с чем-то вроде узкого входа, а то (что с внешней стороны) можно назвать уже настоящим морем, равно как окружающую его землю, по всей справедливости — истинным и совершенным материком. На этом Атлантидском острове сложилась великая и грозная держава царей, власть которой простиралась на весь остров, на многие иные острова и на некоторые части материка. Кроме того, они и на здешней стороне владели Ливией до Египта и Европой до Тиррении».

Описание городов, храмов и каналов Атлантиды ставит их вровень с наиболее внушительными сооружениями фараонов и насыщено египетским ароматом, но заслуживает внимание характеристика порта: «...водный проход и бо̀льшая из гаваней кишели судами и прибывающим отовсюду купечеством, которое в своей массе день и ночь оглашало местность криком, стуком и смешанным шумом».

Судя по всему, египетских жрецов и греческого повествователя особенно занимало подробное описание Атлантиды, ее могущества и величия ее культуры, тогда как история драматической гибели острова нарисована очень скупыми красками: «Впоследствии же времени, когда происходили страшные землетрясения и потопы, в один день и бедственную ночь, вся ваша воинская сила разом провалилась в землю, да и остров Атлантида исчез, погрузившись в море. Поэтому и тамошнее море оказывается теперь несудоходным и неисследимым: плаванию препятствует множество окаменелой грязи, которую оставил за собой осевший остров».

По другую сторону Атлантики жрецы ацтеков и майя тоже делали записи иероглифами. Большинство этих записей было сожжено испанцами, но от них нам известно, что мексиканские аборигены рассказывали о великом потопе и об острове, затонувшем в Атлантическом океане. Ацтеки назвали себя по имени этого острова (на их языке — Ацтлан), говоря о нем, как о своей исконной родине. В основе всех их верований лежало убеждение, что правители ацтеков произошли от схожих с испанцами светлокожих бородатых людей, которые прибыли из осевшей в море страны и научили местных дикарей поклоняться Солнцу. От них же дикие предки ацтеков восприняли достижения цивилизации: письменность, возделывание хлопчатника, календарь, зодчество, включая строительство городов и пирамид.

Поразительно точный календарь майя начинается датой 4 А х а у 2 К у м х у; в переводе на нашу систему это 12 августа 3113 года до нашей эры. Удивительное совпадение с радиокарбонной датировкой возникновения всех великих цивилизаций Старого Света.. Астрономические часы майя были точнее наших приблизительных радиокарбонных датировок. Майя достигли такого совершенства в астрономии, что исчисляли астрономический год в 365, 2420 дней. Это дает потерю всего лишь одного дня за пятитысячелетний цикл, тогда как наш современный календарь за тот же срок дает разницу в плюс полтора дня. Выходит, майя были на 8,64 секунды ближе к истине, чем мы.

Никто пока не смог удовлетворительно объяснить, почему майя вели отсчет именно от указанной даты. Предполагают связь с каким-то астрономическим явлением, но это лишь догадка. Допускают также, что дата выбрана наугад. Да только уж очень это непохоже на методичных майя. Все прочие календари — буддистов, иудеев, христиан, мусульман — ведут отсчет от появления основателя данной религии. Основателем религии майя был Кукулькан, священный правитель и жрец, который прибыл со стороны Атлантики и научил дикарей строить храмовые пирамиды и поклоняться Солнцу.

Майя и ацтеки представляли относительно молодые цивилизации доколумбовой Америки. Оба народа восприняли основу своей высокоразвитой культуры, включая письменность, от давно исчезнувших ольмеков, чья изумительная цивилизация пребывала

в безвестности, пока уже в нашем веке не была открыта археологами на берегах Мексиканского залива. Нам неизвестно происхождение веры майя в Кукулькана, но она сродни вере ацтеков в культурного героя Кецалкоатля: оба описываются как светлокожие бородатые люди, приплывшие на судах из Атлантики, имена обоих составлены из названия птицы и слова, обозначающего «змей», и пернатый змей служил символом этих пришлых священных правителей и их божественных предков. Крылатые и пернатые змеи, символизирующие обожествляемых правителей, занимают в резьбе и на фресках Мексики столь же видное место, как на перуанской керамике, на египетских фресках, в хеттской скульптуре, на шумерских печатях. Вместе с птицечеловеком пернатый змей обозначал теряющиеся в безвестности начала царских династий, служа связующим звеном между воображаемым родоначальником — Солнцем — и первыми правителями-полубогами, которые были похожи на прибывших впоследствии испанцев.

Мы не знаем, почему ацтеки и майя связывают начало своей истории с судами, пришедшими из-за океана, и почему календарь майя начинается с 12 августа 3113 года до нашей эры. Но мы знаем, что у них, как и у древнейшей известной нам африканской цивилизации, бытовало предание о некоем атлантическом катаклизме, с которого начинаются первые воспоминания человечества. Дальше того истоки теряются во мгле суеверий, связывающих царские генеалогии с Солнцем. В какую дверь ни загляни, всюду нам предстает примерно одна и та же дата пятитысячелетней давности, обозначающая одновременно начало и конец. Спросим полемики ради: почему бы не взять 12 августа 3113 года до нашей эры за точку отсчета для известных пределов нашей истории? Как раз около этого времени в областях, где до того цивилизация только-только формировалась, а то и вовсе не существовала, появляются письменность, системы счета времени, первые династии. Если все, что нам известно о наших началах, внести в книгу, где каждая страница отвечает одному тысячелетию истории человечества, мы увидим 1995 чистых страниц, а на пяти страницах будут разрозненные строчки об уже зрелых замечательных цивилизациях.

...— Посмотрите на луну! — донесся с мостика удивленный голос Германа.

Я отложил свои книги и записи и выбрался на палубу посмотреть, что его так поразило. Эйч-Пи нырнул в рубку и схватил астрономический ежегодник Нормана. В небе ни облачка, однако лунный диск потускнел, уподобляясь затерявшемуся аэростату, потом и вовсе стал исчезать. Жутковатое зрелище.

— «Двадцать четвертого марта 1978 года — полное лунное затмение над частями Азии и Индийского океана»,— прочел Эйч-Пи.

Классическая картина, которую древние истолковали бы как дурное предзнаменование. Мы отнюдь не страдали суеверием, однако в ту ночь и у нас на душе скребли кошки, когда мы с хорошей скоростью и с предельной осторожностью шли вдоль берегов Пунта, следя за тем, чтобы нас не занесло в военную зону.

Три дня спустя на носовой штаг опустилась прилетевшая из Африки роскошная птица с ярким хохлом. Это был удод, которого викинги считали вестником войны и называли «ратной птицей». Карло рассказал, что в Италии удод известен под названием «Марсова петушка» — по имени римского бога войны. Не слишком ли много дурных примет для мореплавателей, идущих по следам древних? Мы шутя спрашивали друг друга, как все это было бы истолковано нашими предшественниками, которые в отличие от нас не знали наперед, что за горизонтом и впрямь идет война...

Мы вошли во внутреннюю область Аденского залива. Слева — северная часть Сомали и фронтовая линия. Справа — Южный Йемен с древним портом Аденом; на границах этой страны тоже неспокойно.

Норман был за то, чтобы воспользоваться благоприятной позицией и следовать прямо на Баб-эль-Мандебский пролив, чтобы войти в Красное море. Но поскольку ни одна из стран на берегах этого моря не отозвалась на наши запросы, мы единодушно постановили изменить курс и идти в Джибути, крохотное государство перед проливом, которое предложило нам свое гостеприимство.

...Двадцать восьмого марта мы увидели синие горы Африки и ночью правили, ориентируясь на береговые огни. Задолго до восхода миновали маяки у входа в гавань Джибути и отдали якорь. А когда рассвело, оказалось, что наш ближайший сосед на рейде — огромный военный корабль. С появлением солнца навстречу нам вышла из порта яхта, и следом за ней мы прошли под парусами между кораблями французского флота в Индийском океане. Древний порт был битком набит военными судами, призванными охранять нейтралитет мини-республики, которой Франция совсем недавно предоставила независимость.

На всех кораблях выстроились офицеры и матросы, приветствуя «Тигрис». Я скомандовал «Убрать паруса!» и повернул румпель, заходя на стоянку. Норман влез на мачту и, оседлав рею, лихо съехал с ней на палубу; остальные тем временем взялись за гребные весла, шесты и якоря.

По поручению Би-би-си встретить нас и принять наши пленки в Джибути прибыли Брюс Норман и Рой Девис. Они привезли из Лондона известие, что мы не сможем зайти в Эфиопию через Красное море. В районе порта Массауа, через который я вывозил заготовленный на озере Тана папирус для «Ра I» и «Ра II» и в котором именно поэтому рассчитывал дней через пять закончить плавание, шли бои между эфиопскими правительственными войсками и сепаратистами. Однако тут же Рой с победным видом вручил мне два письма — одно от посла Йеменской Арабской Республики в Лондоне Мухамеда Абдуллы эль-Эриани, другое от полномочного министра Мухамеда эль-Махадхи. Посол подчеркивал интерес Северного Йемена к нашей экспедиции, горячо желал нам успеха и ссылался на министра. Министр писал: «Могу заверить Вас во всестороннем сотрудничестве, поскольку экспедиция д-ра Т. Хейердала представляет собой замечательнейшее и похвальное предприятие. Искренне Ваш...»

Такое событие следовало отпраздновать. Получалось, что мы можем несколько дней отдохнуть, а потом пройдем через пролив и высадимся в Северном Йемене. Конечно, это не Массауа, другая сторона Красного моря, ну да ладно.

Мы сошли на берег, где нас встретили приветливые черные африканцы, и разместились в отеле «Сиеста». Никогда не забуду роскошную сочную отбивную, от которой меня оторвал телефонный звонок. Новая директива Лондона. «В целях безопасности» Северный Йемен отменил разрешение входить в его воды. На борту «Тигриса» не было даже пистолета, стало быть, они не нас опасались. И вообще из предыдущих любезных посланий можно было заключить, что йеменцы озабочены не своей, а нашей безопасностью. Тихоходная м а-г у р под флагом ООН с интернациональной командой могла стать соблазнительной мишенью для налетчиков.

«Славный был кораблик!»

Мы подошли к одной из горячих точек современного мира.

Выходит, нам теперь некуда плыть... С научной точки зрения тот факт, что нам не придется добавить пять дней к экспедиции, длившейся пять месяцев, не играл ровным счетом никакой роли. Но ведь вот что обидно: мы возвратились в свой собственный мир, к современникам — и натолкнулись на плоды двадцати веков прогресса, счет которым ведется от времени миролюбивого моралиста. Вернулись в мир, где прекрасных людей учат убивать друг друга эксперты, владеющие самой изощренной методикой, придуманной человеком на исходе пятого тысячелетия известной нам истории.

Я не стал делиться плохими новостями с окружившими праздничный стол товарищами. Потихоньку ушел и провел эту ночь на борту «Тигриса», лежа в уютной рубке, глядя в тростниковый потолок и размышляя, как быть дальше. Мы вынуждены закончить здесь экспедицию и оставить корабль, это ясно. До сих пор мы не задумывались над тем, как поступить с «Тигрисом». Даже храбро обещали оставаться на борту, пока ладья будет держаться на воде. Что ж, она отлично держится на воде, высота надводного борта равна той, что была у «Ра I» и «Ра II» на старте. Наружная плетенка потрепалась и пострадала от загрязнения, но изготовленные болотными арабами сорок четыре внутренние связки в полной сохранности, как и пальмовые черешки, которыми мы залатали нос. «Кон-Тики» и «Ра II» после экспедиции привезли в Осло; они выставлены с поднятыми парусами в музее «Кон-Тики». Но после постройки нового зала для «Ра II» музею уже некуда расширяться. Оставить «Тигрис» в загрязненной гавани Джибути — веревки быстро сгниют, и чудесный камышовый корабль развалится. С разных концов света поступали предложения от дельцов купить «Тигрис». Но мне претила мысль о том, что нашу гордую ладью будет возить напоказ какой-нибудь охотник за наживой. К тому же на душе было скверно от кошмара современной войны и несчастий беженцев, с которыми мы столкнулись. Внешний мир, как и мы до последних дней, не очень-то представлял себе, что здесь происходит, ведь война вдали от собственных рубежей воспринимается лишь в виде строчек «последних известий».

Я принял горькое решение. «Тигрис» заслужил более почетную кончину, чем медленное гниение в порту. Пусть станет факелом, призывающим разумных людей отстоять мир в той области земного шара, где впервые утвердилась цивилизация. Предадим огню камышовые бунты у входа в Красное море в знак пламенного протеста против гонки вооружений и боев в Африке и Азии [1].

Утром, когда команда вернулась на борт и мы сели завтракать, я известил ребят о своем решении. Они были потрясены, но дружно поддержали меня.

В тот день меня принял во дворце президент Джибути Хасан Гулед Аптидон — пожилой руководитель молодого государства, мудрый, дружелюбный, человечный представитель чернокожей Африки. Я попросил разрешения закончить экспедицию в его стране, рассказал, как тщательно мы маневрировали, чтобы прийти в этот нейтральный уголок.

— Вам посчастливилось,— улыбнулся он.— Ваше судно смогло уйти от войны. А моя маленькая страна должна оставаться на месте, хотя кругом идет война и нам постоянно грозит вторжение.

Президент добавил, что мы вполне можем покинуть здесь свою ладью, только надо учесть, что в страну нахлынули беженцы, все магистрали, связывающие Джибути с внешним миром, закрыты, единственная железная дорога на Аддис-Абебу

[1] «...Никто не гарантировал нам безопасность плавания. Еще в Аденском заливе нам постоянно встречались военные корабли и катера, над нами летали военные самолеты. Это шли военные учения стран НАТО. Все это произвело на нас угнетающее впечатление. После того, как сорвался наш план войти в Красное море, Тур Хейердал принял жестокое и тяжелое для него решение — уничтожить «Тигрис» в знак протеста против войны, неоколониализма, расовой дискриминации». (Из интервью Юрия Сенкевича.— «Неделя», 1978 г., № 17.)

взорвана. Самолеты привозят мясо из Найроби, все прочие продукты доставляются по воздуху из Парижа, так что из-за высоких цен джибутийцам приходится туго. Порт — единственный источник доходов республики: окружающие город земли представляют собой пустыню...

Никто не знал о нашем решении, только капитан порта был предупрежден, иначе на пожар примчались бы портовые пожарники и военные вертолеты. Нам хотелось остаться наедине с «Тигрисом».

После оформления положенных документов ладью отбуксировали из гавани, и с поднятыми парусами «Тигрис» стал на якорь перед маяком на маленьком коралловом островке Муша. Прежде чем спускать флаг ООН, я послал телеграмму человеку, который предоставил нам право плыть с этим символом Объединенных Наций. Но сперва я ознакомил с текстом телеграммы всю команду, чтобы услышать ее мнение.

«Генеральному Секретарю Курту Вальдхайму.

Организация Объединенных Наций.

Поскольку многонациональная команда экспериментального камышового судна «Тигрис» сегодня заканчивает испытательное плавание, мы благодарим Генерального Секретаря за разрешение плыть под флагом ООН и с гордостью докладываем, что двойная задача экспедиции выполнена к нашему полному удовлетворению.

Мы предприняли путешествие в прошлое, чтобы изучить мореходные качества судна, построенного по древнешумерским образцам. Но это было также путешествие в будущее, с целью показать, что люди, стремящиеся к общему выживанию, могут мирно сосуществовать даже на самом тесном пространстве. Нас одиннадцать человек, представляющих страны с разными политическими системами. Вместе мы прошли на маленьком судне-плоте из хрупких стеблей и веревок более шести тысяч километров от республики Ирак, с заходами в Бахрейнский эмират, Оманский султанат и республику Пакистан, до недавно родившегося африканского государства Джибути. Рады доложить, что, несмотря на разные политические взгляды, мы, живя в стесненных условиях, в полном взаимопонимании и дружбе, плечом к плечу боролись с штормами и штилями, постоянно сохраняя верность идеалам Объединенных Наций: сотрудничество во имя совместного выживания.

Ступая в ноябре прошлого года на борт нашего камышового судна «Тигрис», мы знали, что вместе утонем или вместе выживем, и это сознание скрепило нашу дружбу. Разъезжаясь ныне, в апреле, по домам, мы испытываем глубокое уважение и симпатию к странам каждого из членов экипажа, и наше послание обращено не к какой-нибудь одной стране, а к современному человеку вообще. Мы показали, что в создании ранних цивилизаций земного шара древним жителям Двуречья, Индской долины и Египта, вероятно, помогали взаимные контакты на примитивных судах, которыми они располагали пять тысяч лет назад. Культура развивалась благодаря разумному и полезному обмену идеями и товарами.

Сегодня мы сжигаем наше гордое суденышко с абсолютно целыми парусами, такелажем и корпусом в знак протеста против проявлений бесчеловечности в мире 1978 года, в который мы возвратились из открытого моря. Нам пришлось остановиться у входа в Красное море. В окружении военных самолетов и кораблей наиболее цивилизованных и развитых стран мира, не получив разрешения на заход от дружественных правительств, руководствующихся соображениями безопасности, мы были вынуждены высадиться в маленькой, еще нейтральной республике Джибути, потому что кругом соседи и братья уничтожают друг друга, пользуясь средствами, представленными теми, кто возглавляет движение человечества по пути в третье тысячелетие.

Мы обращаемся к простым людям всех индустриальных стран. Необходимо осознать безумные реальности нашего времени, которые для всех нас сводятся к неприятным заголовкам в новостях. С нашей стороны будет безответственным не требовать от тех, кто принимает ответственные решения, чтобы современное оружие не предоставлялось народам, которых наши деды корили за их секиры и мечи.

Наша планета больше камышовых бунтов, которые пронесли нас через моря, и все же достаточно мала, чтобы подвергнуться такому же риску, если живущие на ней люди не осознают неотложной необходимости в разумном сотрудничестве, чтобы нас и нашу общую цивилизацию не постигла участь тонущего корабля.

Республика Джибути, 3 апреля 1978 года» [1].

Все поставили свои подписи. Тур, Норман, Юрий, Карло, Тору, Детлеф, Герман, Асбьёрн, Рашад, Эйч-Пи, Норрис. Все одиннадцать членов команды. После этого мы в последний раз сели за дощатый стол между рубками. Вяленый элагат Юрия. Маринованная летучая рыба Рашада. Галеты. Нам было что вспомнить... Норман заметил, что ладья прошла 6800 километров. «Тигрис» провел на воде 143 дня, или двадцать недель и три дня — добрых пять месяцев.

Норрис, поглядев на часы, показал на свою камеру и на солнце. Близился закат. Скоро солнце уйдет за синие горы Африки, оканчивающиеся тупым мысом у входа в Красное море. Все, кроме Эйч-Пи, Асбьёрна и меня, переправились на шлюпке на коралловый островок. Маленькая яхта укрылась за островом. Бывший сапер Эйч-Пи загодя купил в джибутийском фотомагазине нехитрый часовой механизм. Пробил час «Тигриса». Асбьёрн, отвечавший на борту за керосиновые фонари, знал, где взять горючее; Эйч-Пи знал, где его разлить. Спускаясь в шлюпку, я в последний раз поглядел на пустой стол. Сегодня никто не стал его драить после трапезы. Месячный запас провианта на одиннадцать человек, одеяла и прочее имущество были доставлены на берег и переданы для беженцев.

Мы выстроились на берегу. Говорить не хотелось.

— Снимите шляпы,— вымолвил я наконец, когда языки пламени вырвались наружу через дверной проем главной рубки.

Парус вспыхнул, рассыпая искры под треск лопающегося бамбука и пылающего камыша. Ребята молчали. Еле слышно я произнес:

— Славный был кораблик!

Перевел с английского Лев ЖДАНОВ.

[1] Генеральный Секретарь ООН ответил очень теплым посланием, от души поздравив команду с успешным завершением эксперимента и заверив, что ее призыв не пройдет незамеченным в ООН.

ЮРИЙ ОСМОЛОВСКИЙ

ТВОРЧЕСКАЯ УСТРЕМЛЕННОСТЬ МАСТЕРА

На снимке: О. КОМОВ. Памятник Дмитрию Донскому в соборе Сергия Радонежского на Куликовом поле. 1980. Бронза.

Труд скульптора — это не только звездные часы вдохновения, а прежде всего каждодневная работа, порой физически изнурительная. Это постоянное общение с живой натурой, природой, десятки, сотни черновых набросков и отточенных рисунков. Наблюдения, мысли художника трансформируются в эскизы, которые, как семена, дадут всходы в будущих произведениях.

В скульптурной мастерской Олега Комова сугубо рабочая обстановка. Ничего лишнего, отвлекающего от дела и творческой сосредоточенности. На полках стоят небольшие скульптурные этюды, эскизы как уже созданных произведений, так и для задуманных композиций и памятников. Сам художник весь в работе. Он находится на лесах и прорабатывает детали нового памятника А. В. Суворову, который вскоре должен быть сооружен в Москве. Постоянная творческая сосредоточенность, самодисциплина — одно из первейших условий жизни и деятельности Олега Комова.

Если попытаться кратко определить сущность художественной натуры Комова, то как ее основу необходимо отметить огромную творческую наполненность и целеустремленность мастера. От его

ранних станковых скульптур до сегодняшних монументальных произведений прослеживается единая задача: найти точный масштаб, верный пластический эквивалент образам, созданным как воображением художника, так и увиденным в жизни. Творческая целенаправленность Комова проявляется и в том, что уже в первых некрупных по размеру работах он стремился к постижению законов большой формы, к свободно организованной композиции, как бы ставя перед собой задачи на будущее. И все это впоследствии найдет свое пластическое выражение в значительных произведениях, созданных им в зрелые годы.

А. С. Пушкин писал: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности». Именно чувство соразмерности и сообразности — один из важнейших законов искусства скульптуры. Русская классическая скульптура всегда исходила из масштаба соответствия, соотношения с человеком. Вспомним памятники М. Козловского, И. Мартоса, А. Опекушина и других. Изучая произведения прошлого, закон соразмерности и сообразности открыл для себя Олег Комов.

Много факторов способствуют формированию художника. Но в конечном счете художника в себе создает сам художник. Поэтому Комов внимательно и с особой тщательностью изучал произведения мировой и русской скульптуры. Так, будучи студентом художественного института имени В. И. Сурикова, он во время практики в Ленинграде делает рисунки с гипсов, лепит из пластилина копии с отдельных работ. Особый предмет интересов Комова составляет русская скульптура и ее выдающиеся мастера, начиная с Ф. Шубина и кончая П. Трубецким. И это примечательно, так как, на наш взгляд, Комов продолжает и развивает в своем творчестве именно традиции русской классической скульптуры. Он кровно воспринял ее, что убедительно подтверждают созданные им памятники А. С. Пушкину, И. Е. Репину, А. Г. Венецианову... Вступая в диалог со зрителем, они как бы приближаются к смотрящему человеку.

Большинство памятников, созданных Комовым, посвящено Пушкину. Необходимо заметить, что художник не считает себя «пушкинистом» в скульптуре. Его волнует не столько внешний облик поэта, а прежде всего утверждение высоких идеалов через образ гениального человека. Через все творчество скульптора проходит тема величия русской истории и культуры, воплощаемая в образах их выдающихся представителей. И еще один существенный штрих творческой направленности художника: он не утверждает русское ради русского, а делает отбор наиболее значительного, проверенного временем и несущего живые побеги в нашу современность.

В небольшой композиционной скульптуре «А. С. Пушкин и И. И. Пущин» (1965) Комов впервые обратился к образу поэта. Не только удачно найденное композиционное решение объединяет обе фигуры, общий духовный настрой. Скрытый внутренний диалог становится связующим началом взаимодействия и единства столь разных по характеру людей. Уже в этой работе скульптор проявил независимость личного восприятия образа поэта и последующим произведением «А. С. Пушкин и Н. Н. Гончарова» (1971) подтвердил закономерность своего обращения к пушкинской теме.

Работая над скульптурными композициями, Комов постоянно развивал в себе органически присущее ему чувство большой формы, умение найти гармоническое соотношение между пластическим объемом и пространством. Именно эти качества дали ему возможность испробовать свои силы в монументальном искусстве. В 1971 году художник завершил работу над пушкинским памятником для молдавского села Долна под Кишиневом. (Вариант этого памятника в 1980 году был открыт в Мадриде.) В первом значительном произведении ясно выразилась концепция, ставшая характерной для творчества Комова. Он понимает памятник как композицию некрупных размеров, естественно входящую в контакт с природным или городским окружением, а главное, создающим определенную духовную среду. В своих устремлениях Олег Комов исходит из традиций русского паркового мемориала, выявляя конструктивный строй монументальной формы, многоплановость пространства, эмоциональное состояние образа. В подобном понимании и трактовке современного памятника Комов является первооткрывателем, и здесь его заслуга неоспорима. В творчестве скульптора нашла свое практическое воплощение извечная проблема традиций и новаторства. Но концепцию памятника, присущую Комову, надо рассматривать в тесном единстве с героями, которым сооружается монумент. Пушкин, Рублев, Репин, Салтыков-Щедрин, Венецианов, Лермонтов, Дмитрий Донской, Суворов... Создавая их образы, Комов стремится передать, раскрыть прежде всего личность в своей эпохе.

Уже отмечалось, что монументальные произведения Олега Комова рассчитаны на духовное общение зрителей с ними, и окружающая среда, по его замыслу, должна способствовать установлению необходимого душевного контакта. Убедительным подтверждением тому могут служить памятники Пушкину в г. Калинине (1975) и Болдино (1979). Памятник Пушкину в Калинине, стоящий на берегу Волги, блестяще вписан в природное и архитектурное окружение города. Постамент памятника, задуманный как фрагмент парапета, находит свое продолжение в ажурной решетке городской набережной; сооруженные рядом с монументом в стиле пушкинской эпохи фонари тактично и ненавязчиво вносят определенный мотив в общий ансамбль. Если молдавский Пушкин задумчиво мечтателен, то здесь образ поэта обретает величавые, строгие черты.

Комов пластически разнообразен в раскрытии личности Пушкина, он исторически точен в характеристике периодов его жизни и творчества. Великая пора болдинской осени поэта раскрывается скульптором через образ, исполненный задумчивости и погруженности в мир высокой поэзии. Небольшой постамент, Пушкин, сидящий на садовой скамейке,— все элементы памятника органично соединились с окрестным ландшафтом, естественно входящим в общий образный замысел художника. Комов всегда тщательно прорабатывает силуэт фигуры. Ведь силуэт является как бы скульптурным рисунком, который первым попадает в поле внимания зрителя, задавая соответствующий настрой и ритм всему памятнику.

В 1980 году к 200-летию со дня рождения А. Г. Венецианова в Вышнем Волочке был открыт памятник выдающемуся русскому художнику.

Комов поставил перед собой трудную задачу и, пластически разрешив ее, создал сложную композицию, в которую вошли фигуры художника и его модели. Силуэты обеих фигур музыкальны по своему ритмическому строю: мягкий, плавный в образе крестьянки, динамично напряженный в пластической характеристике Венецианова. Идеи и пространственная организация памятника получили предельно ясное выражение благодаря эмоциональному соотношению персонажей, олицетворяющих собой высокие понятия народной жизни и творчества.

Скульптора интересуют разные исторические личности и среди них те, кто с мечом в руках защищал Родину от иноземных поработителей. К 600-летию Куликовской битвы, которое отмечалось в прошлом году, Комов закончил работу над памятником Дмитрию Донскому. И в дни юбилея он был установлен в соборе Сергия Радонежского на Куликовом поле. Памятник Дмитрию Донскому открыл еще одну грань творчества Комова. В нем он предстал как художник, остро чувствующий отечественную историю в ее эпическом звучании. Тяжелая масса богатырской фигуры, сильные руки, сжимающие меч, сосредоточенность и воля в лице—таким представляется скульптору образ древнерусского полководца. И невольно вспоминаются чеканные строки Александра Блока:

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...
И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

В основном мы коснулись памятников скульптора, но Комов и мастер станкового портрета. Произведения, созданные им в этом жанре, отмечены психологической выразительностью, чувством индивидуального и целого. Можно вспомнить его работы: «Портрет Нины Меркетовой» (1962), «Портрет историка искусств М. А. Ильина» (1967), «Портрет архитектора М. В. Посохина» (1980). «Много значило для меня,—писал скульптор,—увидеть человека в той атмосфере, в которой он живет и работает. Если бы я не наблюдал его за работой, то, создавая его портрет, упустил бы что-то качественно важное, составляющее его сущность».

Самостоятельной областью в творчестве Комова являются его рисунки. Рисование с натуры для скульптора непосредственно сопряжено с процессом его познания, выявления определенных закономерностей, состояния, освещения. Каждый его рисунок закончен, доведен до степени решения задачи, поставленной перед собой.

История и наша современность слились в искусстве Олега Комова. Галерея его героев разнообразна: от Александра Невского до Ю. А. Гагарина и С. П. Королева. Он последователен в выборе темы, сюжета, соприкасая их с кругом своих творческих интересов, пристрастий. И в портретах современников и в памятниках, посвященных историческим личностям прошлых эпох, скульптор стремится выразить идеалы нашего времени.

СВЕТЛАНА ВИШНЕВСКАЯ

Пластинка Моцарта

Я ль научусь когда-нибудь
не моцарствовать меж сальери!
Приму ль, как крест, свою судьбу,
признаю ль, что меня заели
троллейбусы и маета
моих дождей, дождей небесных,
что неудобные места
не дарят зрелищ интересных!
Нет! Никогда и ни за что!
И в этом «Нет!» рассудок с чувством
едины верой и мечтой
в признанье письменном и устном.
Где май гостит, я там гощу.
И если искры божьей стою,
то потому лишь, что грущу,
не в ноябре грущу — весною...

☆☆☆

В непосильной непогоде
все напевней и мрачней
бродит осень в хороводе
осыпающихся дней.
Я слежу за танцем легким
словно бы издалека,
словно мимо быстрой лодки
проплывают берега.
Все стволы одной корою
одеваются тогда,
общей искрою, искрою
светят листья и вода.
Все скользит, и проплывает,
и прощается со мной,
вечно веря, что бывает
кто-то вечно молодой...

☆☆☆

Течет река моей судьбы,
бегут луга моими снами
и золотыми голосами
перекликаются с водой.
Ау! Где он, любимый самый
и навсегда забытый мной!
Ау! Где я! Зачем лугами
промчался ветер кружевной!
Зачем к земле цветы клонить,
пыльцою проноситься мимо!
Весною хочется любить,
А летом — быть и быть любимой.

ТУР ХЕЙЕРДАЛ: «Я — ЧЕЛОВЕК СЧАСТЛИВЫЙ»

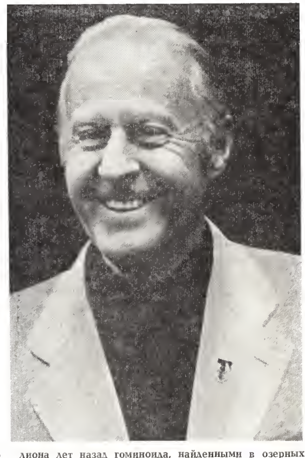

Фото С. Семова.

Хорошо известные советскому читателю книги Тура Хейердала — от «Экспедиции «Кон-Тики» и до «Экспедиции «Тигрис», — прежде чем выйти отдельным изданием, печатались в «Юности».

В начале сентября, будучи гостем третьей Московской международной книжной выставки-ярмарки, славный норвежский ученый и путешественник побывал и у нас в гостях.

— Старой доброй дружбой я привык дорожить,— говорит Тур Хейердал.

Он рассказал, что работает сейчас над книгой, которая подводит итоги его более чем двадцатилетним изысканиям и экспериментам (плаваниям), посвященным доказательству того, что океан не препятствовал древним устанавливать контакты, культурные связи. В книге будет около тысячи фотографий — цветных и черно-белых.

— Это тот случай, когда фотографии говорят больше, чем слова. Все ли опишешь, сравнивая древние предметы, постройки?

А устремлена эта книга итогов в направлении поисков колыбели цивилизации. Хейердал размышлял на эту тему уже в своей последней книге — в «Экспедиции «Тигрис»: «В наших знаниях о прошлом зияет огромный пробел между костями жившего два миллиона лет назад гоминоида, найденными в озерных отложениях Африки, и вдумчивыми строителями, которые плавали на своих судах по обе стороны Гибралтара всего шесть-семь тысяч лет назад. Еще один пробел отделяет этих строителей от внезапно появляющихся на берегах Нила и Инда, в устье Тигра и Евфрата самодержцев с многочисленной свитой искусных ремесленников, зодчих и астрономов. Известные нам даты — не более чем редкие вехи на огромном пути. Большая часть нашего прошлого потеряна, забыта...»

У нас в редакции он сказал:

— Следы колыбели цивилизации скрыты. Я представляю четыре варианта: либо они скрыты под песком пустынь, либо под лавой и вулканическим пеплом, либо под почвой джунглей, либо, наконец, на дне океана.

На вопрос о том, как он относится к предположению, что у колыбели человеческой цивилизации стояли пришельцы из космоса, Тур Хейердал ответил категорично:

— Нет никаких пришельцев. Есть только мы и наши предки.

Тур Хейердал, так глубоко познавший в поисках начал человечества высокоразвитую шумерскую ци-

вилизацию, склонен сравнивать ее — и весьма парадоксально — с цивилизацией современной.

— Во многих отношениях,— говорит он,— мы, конечно, продвинулись далеко вперед, но если судить о человечестве в целом, вправе ли мы называть себя более цивилизованными, чем люди, жившие пять тысяч лет назад, если не можем обеспечить нашим детям более надежного будущего?

Как известно, в 1969 году во время экспедиции на «Ра» Хейердал, увидев в океане комья мазута, тут же послал Генеральному секретарю ООН тревожную телеграмму. С тех пор он активно включился в борьбу за сохранение окружающей среды. Широко известно и его выступление на экологической конференции в Стокгольме несколько лет назад. Он говорил тогда, что нет такой высокой трубы, которая бы выбрасывала дым за пределы атмосферы, и нет стока у океана — все остается на Земле.

А как вам нравятся такие слова Хейердала: «Человек не должен уподобляться тем бактериям, которые, употребляя сахар, выделяют алкоголь, а потом сами в этом алкоголе погибают...»

Делясь с нами своими опасениями, он сказал, что остается, однако, оптимистом. Он только что возвратился из поездки на Дальний Восток и в Азербайджан. И в промышленном порту Восточном стоял у чистой воды — вода в этом порту рыб не отпугивает. А в Азербайджане на безжизненных в прошлом песках он любовался щедрыми садами и виноградниками.

Юным читателям нашего журнала Хейердал хотел бы пожелать научиться в своей будущей деятельности беречь природу, помнить, что сохранение природы — необходимое условие человеческого существования.

Нашему гостю, диапазон научной и общественной деятельности которого необычайно широк, был задан вопрос: кем, какого рода ученым он склонен себя называть?

(Надо знать, что те плавания, о которых так увлекательно он рассказывает в своих книгах, Хейердал считает приятным отдыхом после напряженной работы в музеях и библиотеках. Или, скажем так, каждое плавание — лишь только эксперимент по проверке уже выработанной идеи. А нестандартные идеи и породили столь нестандартные эксперименты.)

— Это довольно сложный вопрос,— ответил Тур Хейердал.— Дело в том, что я занимаюсь горизонтальными, поперечными (а не вертикальными) исследованиями — обращаюсь к специалистам в самых различных областях и полученные сведения стремлюсь обобщать. Словом, называйте меня, как вам заблагорассудится. В университете я учился на биолога, в норвежской Академии наук числюсь археологом. Но если уж говорить о моей специализации, то я изучаю мореходность древних судов, чем прежде никто всерьез не занимался. Опять, как видите, надо придумывать новый термин.

Хейердал рассказал, что хотя экспедиция на камышовой ладье «Тигрис» завершена, да и самого «Тигриса» уже нет, но он продолжает сотрудничать с учеными и студентами Бомбейского университета, которые, зная из шумерских источников, что древние обмазывали свои камышовые ладьи не только битумом и жиром акульей печени, но и смолами некоторых видов древесины, ищут сейчас такую пропорцию этих трех веществ, которая поможет камышовому судну держаться на воде и год и дольше. А в ФРГ второй штурман их экспедиции Детлеф Зойцек экспериментирует с двухметровой моделью камышовой ладьи — проверяет ее и в аэродинамической трубе и дистанционным управлением на море с разными рулями и разной парусностью. Ведь участники экспедиции не совсем были довольны, как «Тигрис» шел против ветра. А модель Зойцека по скорости и маневренности не уступает уже крейсерским яхтам.

А на вопрос, с кем же из ученых собратьев он ощущает все же наибольшее родство, Хейердал ответил, что, конечно, с археологами. Как и археологи — и постоянно с их помощью — он по крупицам восстанавливает прошлое. Совсем недавно, кстати, итальянский археолог Паоло Коста, который показывал экипажу «Тигриса» древние медные копи Омана, побывал у Хейердала и рассказал, что в Омане только что впервые найдена индская печать...

Крепнут связи Хейердала и с нашими учеными. Его давний друг, этнограф Генрих Анохин, высмотрел в наскальных изображениях Гобустана (недалеко от Баку) нечто схожее с камышовыми лодками. Едва прилетев в Москву, Хейердал сказал, конечно, что хотел бы собственными глазами увидеть эти изображения. Он возвратился из Азербайджана потрясенный: да, это действительно камышовые лодки, а стратиграфия дает точную датировку этих изображений — по меньшей мере шестое тысячелетие до нашей эры. До сих пор было известно, что такие лодки строились в третьем тысячелетии до нашей эры, а теперь эта дата, как видите, отодвигается еще на несколько тысяч лет. Но кто же ходил в ту пору на камышовых лодках по Каспию? Поиски колыбели человечества продолжаются.

Трудно вообразить, что Туру Хейердалу уже 67 лет. Как удалось ему сохранить великолепную физическую форму и неиссякаемую работоспособность? Наш гость охотно рассказал, каков его каждодневный образ жизни.

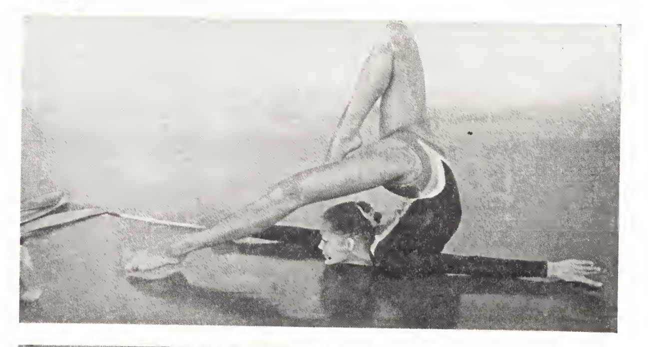
Он сбежал из Осло, где ему жилось слишком суетно (трудная доля — быть одним из самых популярных в стране людей), и обосновался в Италии — на скалистом утесе недалеко от Генуи. Этот утес омывает Средиземное море, а вдали видны снежные горы. Он сам построил себе небольшой дом — да, любит плотничать и столярничать и очень был рад, купив в Москве на Цветном бульваре набор штихелей. Он держит коз и сам из козьего молока делает йогурт.

Встает в шесть утра. В семь уже сидит за рабочим столом, обложившись рукописями и книгами. После обеда привык десять минут спать. Ровно десять минут — засыпает мгновенно. В пять часов — конец всей умственной работе. Идет корчевать пни, покопаться в земле. Это заменяет ему гимнастику. В юности Хейердал занимался кроссами, греблей, санными походами, но заниматься гимнастикой у него никогда не хватало терпения. Вечером он отправляется на прогулку в лес или, оседлав мула, едет в ближайший городок. По телевидению смотрит только новости или специально интересующие его передачи. Любит слушать музыку. Слушая Бетховена или Грига, ощущает слияние с природой. Природа, если хотите, его религия.

Спать ложится в десять-одиннадцать. Бывает, конечно, что засидится с друзьями до двух-трех часов, но встает в любом случае в шесть утра. Не курит.

На последний вопрос: считает ли он себя человеком, которому неизменно во всех начинаниях сопутствует удача, словом, человеком счастливым, Тур Хейердал ответил:

— Да, это так. Не знаю, можно ли преуспеть во всем, но я — человек счастливый.

Ю. ЗЕРЧАНИНОВ

ТАКАЯ ВЕНЕРА...

На снимках: Венера Зарипова (вверху) и Даля Куткайте.

Фото Л. Шимановича и С. Семова.

Тур Хейердал

„Экспедиция „Тигрис"

Послесловие: „Я — человек счастливый"